

10.335
1973 / 2

Литературная

РУССКАЯ

2

1973

25

ф е в р а л я

52 ГОДА

СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

23

ф е в р а л я

ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ

АРМИИ

И ВОЕННО-МОРСКОГО

ФЛОТА

Литературная

სრუჟკია

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

2

ОРГАН
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
ГРУЗИИ

ФЕВРАЛЬ

1 9 7 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

819.76
97.618

ქართველთა ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-კოლმედიკური შურონალი

წელიწადი მე-17

№ 2

თებერვალი 1973 წ.

საქართველოს საზოგადოებრივი კავშირის ორგანო

Главный редактор

Год издания семнадцатый

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

*Рукописи объемом
менее авторского листа
не возвращаются.*

Григол АБАШИДZE,

Тенгиз БУАЧИДZE,

Марк ЗЛАТКИН,

Лавросий КАЛАНДАДZE,

ნატელა კარაშვილი

(ответственный секретарь),

Серго КЛДИАШВИЛИ,

Георгий МАЗУРИН

(заместитель главного редактора),

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

მიხაილ მრეულიშვილი,

Георгий ХУЦИШВИЛИ,

Эммануил ФЕЙГИН,

Алеко ШЕНГЕЛИА.

Адрес редакции: Тбилиси, 8. Улица Ленина, 5. Телефоны: гл. редактор — 93-65-15,
зам. гл. редактора — 93-13-57, ответ. секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59,
отдел прозы и очерка — 93-31-43, отдел поэзии и искусства — 93-31-43, отдел
критики и публицистики — 93-65-19.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

ВИКТОР ГАБЕСКИРИЯ. Фронтвик в селе. Перевод Леонида Темина	5
РЕВАЗ АСАЕВ. Коста в Кахети. Перевод Алек- сандра Глезера	5
ОТАР ЧЕЛИДЗЕ. Амиран-гора. Поэма. Окончание. Пе- ревод Льва Халифа	5
ГЕОРГИИ КВАТАРАДЗЕ. Хлеб, хлеб. Перевод Георг- гия Мазурина	9

ПРОЗА

ЛАДО МРЕЛАШВИЛИ. Дороги полны неожиданностей. Повесть. Перевод Марины Гельви	10
ВАНО УРДЖУМЕЛАШВИЛИ. Божья коровка. Роман. Окончание. Перевод Марка Рывкина	18

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ГЕОРГИИ ЦИЦИШВИЛИ. Итоги минувшего литера- турного года	31
--	----

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

МАРК ЗЛАТКИН. «Когда книга сближает народы». Окончание	48
---	----

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО

• СВЕТЛАНА КОШУТ. По дорогам Грузии 63

ОЧЕРК

РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Море, покорное человеку. Про-
должение. Перевод Александра Эбаноидзе 68
Л. БРАИЛОВСКАЯ. Над Ингури идут дожди... . 79

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

• ГИВИ ВАРДОСАНИДЗЕ. Безобразная красавица 86

Продавцам устроили баню.
Могут женщины тоже грозными быть!
В куски разодранные дорогие ткани,
Как знамена, в руках у голытьбы.
Терпеть нужду ненаказуемо,
Иль их мученьям предела нет?! —

Ярость женщин Орехово-Зуева
Перенеслась через хребет.
Словно незведомый доселе —
Гремел невиданный их бунт.
Что же надо такого сделать,
Если матери громить идут?!.

...Когда хвалил я в своей семье матерей, потерявших терпенье, мне слышался стук в окне, стук какой-то трепещущий. В руку незнакомке я сунул, как мелочь, новогодние сладости. Ее лицо еще больше потемнело, и взглянула она глазами жалостными... И я по счету бедняцкому пригласил войти незнакомомого гостя, я не дал ей долго стесняться. В дом вошла и села просто. Моя жена засуетилась, заспешила, и радушно и хлебосольно чай согрела и заварила, — в общем, встретила на совесть! Она чай, как вино, за здоровье подняла, нас с женой благословила. Эта женщина непонятная любопытство в нас возбуждала. Улыбнулась она печально, ребенка глазами расцеловав. Я спросил: «Мы нигде не встречались?» И ужаснулся своим словам. Я вспомнил деревню матери сразу и невесту друга стыдливую. «И весело он обнял Катерину, ну, чем не партер нам — трава, деревья длинные облепит чинно кудлатая шальная детвора, скворечники на ветках, как игрушки на новогодней елке среди зимы. И будет малышня нас слушать, как слушали на их бы месте мы»... Увидел я отчетливо и сильно, и в памяти моей, как днем, светло — и я сравнил ее с Като, и день мне этот показался близким, придвинулся к глазам моим он сразу... «Не приходилось ли вам, как гимназисту, по деревьям все-таки лазить?» И улыбка ее морщины вытерла, ее к счастливой самой поре вдруг вернул. И я поражен внезапным открытием, — как будто кто-то по памяти полоснул, сдержав набежавшие слезы, в прошлое перелетел на миг — ее ни с кем не схожий — ее черноволосый двойник.

Вновь у дома народ толпился,
Меня оглушает далекий гул,
И все деревни не могут вместиться,
Море голов,
и сцена,
Как на берегу.
Теперь Катерины внешность,
Как выплывшая,
Будто снится
Ее косынка потемневшая...
— Вчера освободилась из темницы,
Изменник предал, не колебась, просто
Каким «веселым» день был каждый! —
И протокол «веселых допросов»,
И сырой тому свидетель — карцер.
Когда же с горя и отчаяния
Я решила косы шее подарить, —
Меня тюремное начальство
Как солдата, велело обрить.
Мою в аду побывшую голову
Они брили и смеялись сами...

Мы вместе отдадим негодяю должное, пусть мысль о мщении облегчит нас каждого!.. И вот Катерина ушла, — посидела недолго женщина с чахоточным кашлем.

Величие подруг революционеров,
Не найти возвышенной судьбы! —
В промерзлых кибитках
Жены верные —
Едут к мужьям в Сибирь.
Отгрохочут битвы классовые,
Воины с воплями уйдут,

Теперь последний перевал мой,
Через горы
Перейду, как безволосый всадник...
Я содрогнулся от рассказов,
Когда, измученная воспоминаньями
своими,
Она раскрыла — выпалила сразу —
Своего предателя имя.
О где ты, побратим,
Со мною выросший!
Где ты, оскорбленный мной побратим?
Прости меня!
Прости и выслушай.
Союз наш — да будет непобедим!
Прости свою добровольную ссылку,
Прости, что ты в глуши сидишь,
Прости, мой друг,
Как я простил бы,
Прости и строго не суди!

Но платки их — кроваво-красные —
В поколениях промелькнут.
Их, замученных в темницах,
Их, себя на каторгах сжегших,
Взойдут над миром светлые их лица —
Неумирающие лица этих женщин!

XIV ГЛАВА

Посередине неба голого
Предрасветный колокол гудел,
И в небо, колоколом расколотое,
Вырвалось море,
Как в пробел.

Грохотали небеса
Подобно Питеру,
Закачались дворцы.
И трон империи подпленный,
Грохнул на торцы.

Вливался в ураган поток
На фронтах побежденных армий,
И мостовые не вместили толп,
И мостовые, как беззубые, —
Без камня,
Бульжники — стал орудием пролетариага,
Баррикады народ воздвиг,
И стар и млад —
Все вышли на баррикаду,
Пришли
С окраин дальних своих
Огонь-творец горел для павших,
Живые — руки грели у огня.
О чем мечтали по Сибириам пропавшие,

Свершилось в свете
Пламенного дня.
Остался пепел от династии Романовых
Ветер этот пепел разметал.
Листовки сыплются,
Как небесная манна,
И кровь знамен повсюду разлита.
Рассвет становился
Все более красным —
Алел бантами на груди,
И следовал за Лениным,
Вливаясь в массы,
Отряд самоотверженных грузин...
И были едины сердца их и думы...

Но в это время сумрак угрюмый спустился... И смерть по Батуми рыщет. Как высоко здесь возносили — в меньшевистской гвардии — предателя! Там у вас рассвет обновлял Россию, а мы давно не улыбались, братья! Перед глазами скачут всадники, гладко выбритые, сытые, а впереди, потряхивая задницей, живой провокатор со своею свитой. Он, выдававший себя за таежника, оболгавший брата, столько выдававший, как святой Георгий, на коне пожевывается — сам в глазах своих в три роста выросший, напоминал мне, как одурачил нас!.. «Выползет завтра скорпион из щели, и мы от него не спрячемся — по следу нашему идет ищейка!» Единогласно мы признали: убить, как бешеную собаку, как можно быстрее. «Мой побратим его прекрасно знает, вот он и отомстит — и пса пристрелит. Я спрятал брата, проводил через горы, он в безопасности полной!..» И долго еще глаза их к ответу зывали, и удивление не сходило с лица, они думали, что я вызываю, словно чудом, воскресшего мертвеца...

...Мы борьбу продолжить решили!.. И вот — с лица их маска сброшена — выдали меня, заточили, запретили из тюремного выглядывать окошка. Вновь пошли за мною по пятам избиянья, аресты, невзгоды... «Мы отомстим тебе, шпик, провокатор, по всем счетам, их накопилось неисчислимо много! Ты друг на друга нас натравил, ты брата повел на брата. Знай, за все злодейства твои неотвратима расплата»... Расчеты с ним — на себя приму! Схитрить — я решил заране: сделал вид, что верю ему — при первом же нашем свидании. Я избежал столкновения страшного — он сам на допрос меня вызвал и дал мне оправдаться, меня допрашивая: «Ну, выбросил в море крысу?». Я сказал, что оценил его мужество и побратски исполнил его поручение. «Я для тебя его принес с его ужасом, чтобы именно ты наслаждался мщеньем! Но где же мы спрячемся, спросил я как можно искренней, если Грузию коммунисты возьмут за глотку?» «Кончил свою исповедь?» — спросил меня сыщик грозно. «Нет! Я убегу за границу тоже, если с родины вы убежите, моя жизнь здесь на ад похожа, никому такой не пожелаю жизни! Мне кричат: «Изменник!», «Убийца!». Все оставлю, брошу и сбегу, по ночам мне от страха не спится, проклинаю свою судьбу!» «Захотел меня разжалобить, подпольщик? А как ты с прокламациями лазал?» «Не волнуйся, мне их не доверят больше, двурушникам их доверяют разве? Меня как сглазили завистники, мне нельзя оставаться здесь». Засмеялся старый сыщик смехом лисьям — поглубже в душу решил залезть. «Так, говоришь, он, смерть нашедший, на дне лежит, твой лучший друг?» «Давно он в море с камнем на шее, и отлетел его несчастный дух». «Но одного ты не принял к сведению, что в потоке не тонет рыба!» — сказал, и вдруг из комнаты соседней, как весна в январе, — побратим мой выпал. Избитый, с руками связанными, на жандарма смотрел с насмешкой, засуетился сыщик сразу, от хладнокровия нашего замешкался. «Я присутствую на вашем представлении, хорошо вам удастся лицемерие! Вы фанатики, как наводнение, заливаете страну намеренно. Теперь за девятью замками посидите, дорогие пленники, может, из России к вам заглянет ваш руководитель-ленинец?!» Нас заплакать не заставить — не получится! Зря стараешься, подонок! Нас достаточно помучили, мы-то выдержим, вот ты — подохнешь! Стелился туман над Кавказом, груз ледников вершины несут. Мы верили в ленинский разум — в то, что нас не бросят, спасут!..

И вот «ура!» пролетарских армий ворвалось к нам, разметав тюрьму, предателю мы оплатили сами, безвозмездно море подарив ему. На дне покоится тот сыщик, там лежать ему давно пора. И как свидетели на нас взирали свыше море е Амран-гора.

На берегу всеми красками буйства,
 Сквозь листопад октябрь идет.
 И небо из себя выходит будто
 И этим шорохом живет.
 Ждут зимы дождем омытые долины,
 Хотят вершины снега свежего,
 Но проливает небо ливни,
 Снег за пазухой придерживая.
 Еще снега слетают горсти —
 Тополей летит белоснежный пух...
 Синее море,
 Заставляя горца
 Припомнить пройденный свой путь.
 Но печальной памяти хозяин,
 Я, как в траву, уткнулся в лодку,
 Много память моя знает,
 В ней вся жизнь спрессовалась плотно.
 Как свинец погруженный в воду —
 Прижимает меня к земле,
 Яркие-красные разводы
 Проступают как угли в золе.
 — Как взбесило его хладнокровие наше,
 Еще до смерти своей он остыл —
 Умирать от страха начал раньше,
 До того, как брошен в море был.
 О его конце в Царицын
 Побратим мой комиссару доложил.
 Так кончался тайный шпик полиции —
 Умирал трусливо, как и жил...
 Лодка веслами чуть скрипела,
 Лодка старая,
 Как эта история...
 Пролетели тихо чайки белые,
 Крыльями поглаживая море.
 И сказал старик со вздохом:
 — Глядя на такую осень,
 Как в раю надыхавшись вдоволь,
 В зимнюю уходим просинь.
 Утомленные от старости,
 Как сорванные с веток, —
 Ляжем в землю,
 Только б наша жизнь
 Хоть в малой-малости
 Ваше обострила б зренью.
 Мы страдали не из-за громкого имени,
 Но и умрем не бесславно,
 Живые — все могли мы вынести,
 Любые пытки —
 Только не безвестность, —
 Если самопожертвование наше
 Покроет ржавчина забвения,
 Как эти листья, вмиг упавшие,
 Слетевшие на землю.
 Не пряхьте прах наш —
 Не лягайте мертвых!
 Живые так ли уж безгрешны?
 О переменчивая мода —
 Затывать в истории бреши!
 Кто обвинил себя в вознесении,
 На других при этом клеветая?
 Мы не имя делали — Рассею
 И Грузию,
 При этом не крича.
 Мы взрывались снарядам подобно,
 Бескорыстную кровь пролив,
 Чтоб удостоиться внимания потомков,

В тяжелых битвах
 Думая про них.
 И все, что сделать торопились
 подпольщики,
 Ты выяви в своей поэме вкратце,
 Хоть меньшее,
 Хоть знаешь большее,
 Пока солдат я —
 Твой Ананий Амбокадзе.
 Когда настала расставания минута —
 Печальный миг — слетевший лист, —
 Старый каторжник натруженную руку
 В мою ладонь металлом влил.
 Открылось мне пространство до Батуми,
 На лодке оторвался я от берега,
 И все, что я прибавил и додумал,
 Прости меня —
 Я это делал бережно.
 И если что-то сократил
 В твоей одиссее,
 Прости и это,
 Добрый мой хозяин!
 Мы прошлое с его путями всеми —
 От недостатка времени не знаем.
 И если все, рассказанное мною, —
 Без блеска должного,
 Каким сверкали предки, —
 То это оттого,
 Что голова моя ноет
 От каждодневных мелочей нередких.
 Но никогда не носил я и не трогал
 Клятву братства
 И святость истин,
 И слова берег,
 Как берегут патроны
 На последний,
 Решающий выстрел.
 Вдруг на лодку хлынули
 Стадом волны,
 Как дельфины,
 Волны налетели,
 Тона вечерние, как войлок,
 На их прохладном лежали теле.
 В небо выстреленная,
 Как ледник Дарьяла,
 И словно наклонившаяся напиток, —
 Гора Амирана
 Меня провожала,
 И поодаль старик на пристани...
 На золотые пирамиды цитрусовых
 Глядит от жары изнемогшее прошлое.
 Толчкам земли из горы не вытрати
 Память виденного, прожитого —
 Еще бастует от воспоминаний,
 От давних и теперешних,
 В ней сраженья первобытных армий
 И закаты многих империй.
 Летописцем — гора Прометея —
 На меня глядит земное бессмертие,
 Она помнит к ней прикованное тело
 С каплями крови последними,
 Нектаром од и легенд окропили
 Ее далекие эллины.
 И на вершину ее,
 Где гнездо ураганы свили, —
 Водрузили знамя ленинцы.

Глядит она на море и горизонты
Из мерцающего мира,
Глядит на меня —
Вестник пламени желтого —
Вестник похищения огня.
Исполин, сторожащий у моря,
Самоотверженностей столько свидетель...
...Силуэт старика на меня еще смотрит,
Не исчез, а больше вырос
В мерцающем свете.
Он, спокойно стоящий на пристани,
Человек усталый от жизни,
Напоминал мне крушение не быстрое
Черносотенного царизма.
Словно солдат
Он мне наказывал кратко:
Сохранить пыл революции,
Как личный,
Чтобы не затемнила корысть
Обновленного духа величие.
Чтобы щедрости мне хватило
Жить, не накапливая, не жирея,
Не прятать за пазухой
Душу и силы —

Отдавать их,
Никогда не жалея.
Чтобы хлеб, мне сунутый
Рукой изменника,
Не пошел бы впрок,
Чтобы жил высоко,
А не измельчено,
Не боясь тревог...
Тень качалась от берега к берегу,
Старца тень —
Как двойник горы,
Из ее задымленных легких — бешено
Задувал ветров порыв.
И слышалось хоть далеко,
Но громко
Каторжанина внушение:
— На свете достоинство огромное —
Постепенное рождение!
Далеко за лодкой взлетала
Старца тень, вдали виднеясь,
В небо уходя Икарком,
Соединяясь с горою Прометея.

Перевод Льва ХАЛИФА

Георгий КАВТАРАДЗЕ

ХЛЕБ, ХЛЕБ

Наш дворник Абдия Чалобев
перевернул тяжелый сорный ящик,
и хлеба белого куски,
как слитки золота, легли
на землю...
И тут меня на четверть века отнесло
назад,— и я смотрю на те любимые кусочки
хлеба

подобно «рыцарю скупому»,
глядящему на золото свое в подвале.
И концентрационный лагерь всплыл передо
мною,

где мы паслись, как скот, травой питаюсь,
но и трава иссыкла — голод
повсюду царствовал и выл;
в пустыню превратилось все вокруг,
и зеленеющих деревьев вид безумно мучил
нас.

Седьмой сын дворника — Теджир,
кусочек «наполеона» уплетает
с завидным аппетитом,
и прыгает, и скачет,
и крошки падают на землю,
и воробьи их весело клюют.
И предо мною встает тень Анны Франк,—
она, печально улыбаясь,
протягивает руку—просит хлеба.
И слышу я, как голод в сорный ящик
вгрызается в бессилии своем.
И слышу стоны умирающих голодных:
они лекарства просят дать...
Нет, им поможет лишь одно лекарство—
хлеб.

Хлеб — он — лекарство. Хлеб — он — Меч.
Вот голых мертвецов, сложив в фургон,
вывозят,
их голод уничтожил, всех до одного.
Немецкий унтер провожает на кладбище
умерших в муках, обессиленных людей

и напевает: «Дойчланд, Дойчланд, юбер
аллес!»,

похлопывая прутиком себя по сапогу.
И буйствует тяжелое молчание.
О где я?..

Господи, спаси и упаси!
Я прихожу в себя и говорю Чалобеву:
— Нельзя выбрасывать ни крошки хлеба!
Хлеб, брошенный на землю, надобно
поднять,

поцеловать...
О не выбрасывайте хлеб!
Молочнику отдайте лучше.
Не на иконы надобно молиться, а на хлеб!
Невежда Абдия Чалобев
мне добро улыбается и молвит:
— О чем ты говоришь?
На хлеб молиться?

Зачем мне на него молиться?
Вот мой бог!
И крест показывает на груди христианина
Абдия Чалобев.
Нет, христианский бог не накормил людей
голодных...

А ведь когда-то он пятью хлебами
накормил пять тысяч человек.
Да будет славен он, коль это было так.
Но где был в дни войны Христос?
Он был распят...
Над домом выются голуби и хлопают
крыльями.

— А-у! Ой, сколько их! —
кричат детишки.

Я слышу запах хлеба —
божественный, высокий запах хлеба! —
груженная хлебами подъезжает
машина. Много, много хлеба!
О как я счастлив! Люди,
молитесь все — на хлеб!..

Перевод Георгия МАЗУРИНА

Дороги полны неожиданностей — ПОВЕСТЬ

Вдруг Джаба насторожился, прислушался и воткнул цапку в разрыхленную землю.

Шум доносился издали, потом по всему полю прокатился протяжный вопль, и пустота каждого кукурузного стебля заполнилась стуком колес, пыхтением и гулом.

Электровоз ворвался в поле, втащил за собой сцепленные друг с другом вагоны и покотил в просторы Аджамети.

Мальчик стоял и заворожено смотрел на молнию бесчисленных окон, сверкавших под солнцем. Потом украдкой глянул на отца и пустился бежать.

Александр перестал цапать землю, с досадой посмотрел вслед сыну.

— Ребенок еще, пусть наглядится вдоволь, — стал успокаивать его Николоз.

— А Геннадий разве не ребенок? Ну на что это похоже, увидит поезд и мчится к нему сломя голову, как осажденный слепнями бык!

Геннадий, опустив голову, ковырял цапкой в скудной земле. Нехотя забрасывал оголенные крупные корни горячей сыпучей землей. Иногда кидал незаметные взгляды на мчавшийся электровоз и с завистью смотрел на двоюродного брата, остановившегося у железной дороги.

— Нет, нечего водить его в поле: утоптал земли вдвое больше, чем взрыл. А на железной дороге поезда не переведутся. Ну слыхано ли, так и норovit избежать работы. И в кого он такой уродился?

— Попривыкнет к поездам, надоест бегать

— Это ему никогда не надоест. Ведь как только приметит — бежит, словно ошаренный кипятком. Нет, незачем брать его в поле. Завтра же отправлю к пастухам. Если ему так хочется бегать, пусть бегает за коровами, — Александр заслонился рукой от солнца, глянул на полуденное небо. — Пора и отдохнуть да и подзакусить маленько надо. Что скажешь, Геннадий?

Геннадию оставалось только поблагодарить, и он тут же вскинул цапку на плечо.

Под большим ясенем стояла прохлада. Здесь солнце не убило травы, и, примятая, она продолжала ярко зеленеть.

Николоз снял с ветки ясеня продуктовую сумку.

Александр расстелил на траве большой белый платок.

— Вот это да! Не было печали, черти накачали!

— Что случилось, Николоз?

— В кувшине — ни капли! А ну-ка, Геннадий, сбегай, дружок, к колодцу!

— Сейчас?

— Да, сейчас. А в августе за вином посылать буду.

— Оставь ты его в покое, ребенок устал, куда гонишь в такую жару?

— Так что ж, погибать от жажды?

— Вон того барчука пошли! Ему все равно куда бегать — лишь бы бегать. Ох, Джаба, чтоб у тебя мозги вскипели от этого пекла, иди сюда, что торчишь там? Поезда давно и след простыл!

Джаба возвращался к вязу медленно. Украдкой поглядывал на отца. Отрывал по дороге кончики кукурузных листьев. Он был низкого роста, плотный, ширококостный. Подоидя, сел неподалеку в тени, почтительно глядя на родителя.

— Рабочий человек, сынок, должен знать цену орудия труда. Разве хороший человек оставил бы цапку под этим палящим солнцем? Теперь у нее расшатается ручка, и, когда взмахнешь ею, цапка слетит и долбанет кого-нибудь по голове. Ты бы поставил ее в тень. Ну скажи на милость: разве ты рабочий человек? Тьфу! Нет, не получится из тебя рабочий человек. Уж если тебе лень было тащить сюда, взял бы да и воткнул ее в эту благословенную землю, да забросал бы рукоятку сыпучкой. Тогда солнце не прогреет и не высушит рукоятку.

Джаба встал и вышел из тени дерева.

— Куда ты?

— Цапку принесу.

— Да, сейчас самое время! С ней уже случилось то, что должно было случиться. На кувшин, сходи на станцию, принеси воды. Ну, живей! Я вот иди сюда, и ты должен будешь вернуться, пока плевков не высохнет. О тебе не думай, ты и так горба не ломишь работой. Если рукоятка расшаталась, толь-

ем водой, она вновь будет сидеть плотно.

— До колодца полкилометра, как я успею вернуться, пока плевков не высохнет?

— Я видел, как ты бегаешь, успеешь. А ну, лети!

Геннадий вытер на манер взрослых ладони о штанины и с аппетитом принался за еду.

— Пить страсть как хочется, но не худо будет, если я до возвращения Джабы маленько прикорну, — сказал Александрэ, когда трапеза была окончена, и улегся, положив голову на выпиравшие из земли корни вяза.

Джаба взял кувшин и пошел вниз по склону.

— Куда ж ты пошел? — окликнул его дядя.

— По путям пойду, они и приведут на станцию.

— Ты иди вот так, по короткой, и вернешься быстро.

— Нет, дядя Николоз, так я не вернусь быстро, мне придется бежать по разрыхленному полю, а тут — прямо по путям!

Джаба прошел кукурузное поле и взбежал на железнодорожную насыпь.

Вдоль путей шла узкая тропинка, но мальчик предпочел идти между рельсами. Пути лежали, как брошенная на земле нескончаемая лестница, и сходились далеко вдаль. Черно-серые шпалы немного выступали из земли и мешали бежать. Если бы он шел медленно, то ступать приходилось бы прямо по шпалам, а во время бега нога иногда попадала на землю. Нужна была осторожность, а если он споткнется о шпалу или поскользнется, то нос и кувшин будут разбиты в мгновение ока.

Мальчик бежал, не сводя глаз с полосок земли, мелькавших между шпалами. Только по временам поглядывал в сторону станции, куда подобно кончику ножен были нацелены сходящиеся вдаль рельсы. Он никогда не бывал дальше Аджамети и всегда думал: а какая станция находится за этой станцией и куда ведут пути после самой последней станции? Он мечтал вблизи увидеть того обладающего поразительной силой перепуганного зверя, который с воплем протаскивал за собой вагоны, набитые людьми или каким-либо грузом. Кто были те, которые управляли этим зверем, и что они были за люди, и какой же силой наделены, что могут подчинять этого зверя своей воле?

Мальчику надоело бежать по шпалам, и он вспрыгнул на рельсу. С непривычки часто терял равновесие. Раз поскользнулся и чуть было не раскокал кувшин. Но с рельсы не прыгнул. Но вот раскаленное полуденным солнцем железо стало жечь ступни ног. И он побежал по тропинке.

Это уже второй раз приносит он воду со станции. Колодец по ту сторону путей. Ох и холодная же вода в том колодце!

Джаба только успел наполнить кувшин, как раздался вопль паровоза. Мальчик быстро поставил ведро на край колодца, схватил кувшин и помчался на станцию. Стрелочник осматривал пути. Лицо у него было величественное, и рычаг он держал в руках величаво. Пути возле станции разветвлялись. И во власти стрелочника было пустить поезд то ли по одному пути, то ли по другому.

Поезд въезжал на станцию пыхтя, вопя, шипя и отдуваясь. Он тащил за собой вагоны. Черный, блестящий, загруженный каменным углем паровоз подходил, подходил и, взвизгнув, остановился около самого носа Джабы.

Отступив назад, Джаба со страхом и восторгом уставился на улегшуюся на путях громадную голову дракона.

Из окна паровоза высунулся машинист. Он улыбался так спокойно, умиротворенно и добро, что даже неумытый казался в облаках белого клубящегося пара богом. А от небритого потного лица исходило сияние, так оно блестело.

Машинист высунул в окно руку по самое плечо и забарабанил пальцами по железу.

Джаба, дивясь, смотрел на эти толстые, сильные, запачканные сажей пальцы и думал: как сумели они подчинить себе этого громадного зверя, как укротили его, как сломали упрямство, как справляются с ним в самых неожиданных случаях, заставляя двигаться по удивительно узкому железному пути, к которому пригвожден он навеки?

Вдруг Джаба раскрыл от удивления рот: машинист, барабанил пальцами по железу, улыбался ему.

Мальчик часто-часто заморгал глазами.

Нет, нет, это ему не мерещится: машинист смотрит на него и пальцем ма-
нит к себе.

Джаба замер, стоял и глядел, как замороженный.
Машинист что-то говорил ему. Да, да, ему, ему!

Джаба собрал всю свою смелость и сделал вперед шаг.

Второй.

Третий.

И машинист сказал:

— Мальчонка, воды, воды дай.

Джаба ничего не соображал.

— Воды дай попить! Воды!

— Воды? — Джаба, все еще не понимая, неотрывно глядел на молнию белых зубов машиниста.

— Ух, кувшин подай!

— Кувшин?

— Да, да, кувшин. Пить хочу!

И тут Джаба понял, о чем просит его повелитель дракона.

Джаба бросился к кувшину.

Машинист высунулся в окно по пояс и протянул к поднятому кувшину свою большую сильную руку.

Но не дотянулся.

Это так удивило Джабу, что он растерялся.

Неужели эта рука не может дотянуться до кувшина?

Джаба поднял кувшин еще выше.

И опять машинист не дотянулся.

Джаба тянулся изо всех сил, поднимая кувшин вверх.

Кувшин был тяжелый, и мальчик покачивался под его тяжестью.

Устал. Дрожали руки.

А машинист все никак не мог дотянуться до кувшина.

О, как хотелось Джабе, чтобы машинист дотянулся!

И он горько пожалел, что еще мал ростом. Эх, как жаль, что нет Геннадия!..

Джаба собрал все силы, пригнул голову и напряг до предела руки.

Вдруг тяжесть исчезла, необычайная легкость вторглась в тело — Джаба понял: кувшин взят.

Джаба поднял голову и увидел какого-то высокого человека. Это он взял кувшин из рук Джабы и подал его машинисту, а потом молоточком на длинной руксятке простучал колесо паровоза.

— На, возьми, — сказал машинист.

Человек с молоточком взял у машиниста кувшин и пригубил сам.

Напившись, вытер губы тыльной стороной ладони и с благодарностью вернул кувшин Джабе.

Джаба повернулся, поставил кувшин на прежнее место и вновь со страхом и восторгом уставился на паровоз.

Машинист смотрел на мальчика, улыбался и в знак благодарности поднес по-военному руку к козырьку фуражки.

Радости Джабы не было границ. Он жадно вдохнул в себя воздух, смешанный с паром, дымом, каменноугольной и станционной пылью, и лицо у него засветилось как у посвященного в небесные таинства.

Человек с молоточком обошел паровоз, постукивая то там, то здесь, проверяя и осматривая то одно, то другое: потом поднялся на паровоз.

Ударил в колокол.

В громадном чреве паровоза раздалось жуткое бурчание, и из верхней трубы выбросились клубы разодранного в клочья пара. Потом паровоз устрашающе заревел и двинулся с места.

Джаба заткнул уши и сделал несколько стремительных прыжков назад.

Машинист рассмеялся. Еще раз отдал Джабе честь и отошел от окошка. Поезд, стуча колесами, пыхтя и громыкая, проехал.

Джаба еще долго стоял, не моргая, глядя в ту сторону, куда скрылся поезд.

Потом стрелочник вошел в свою будку. Потом из станционного здания вышел какой-то человек в красной фуражке. Люди входили и выходили из этого здания. Сновали по перрону. Стрелочник вышел из будки и направился с кувшинчиком в руках к колодцу. По путям пробежала облезлая собака. На чей-то окрик бросился в газон, поджав хвост. Потом с тополя сорвались воробы и с шумом и гомоном набросились на кусочек хлеба, валявшийся в пяти шагах от него.

Но все же на станции возникла пустота. Большая пустота. Поразительно большая пустота и большая тишина...

Джаба устало поглядел по сторонам. Увидел свой кувшин. Какое-то время смотрел на него. Потом подошел, поднял, встряхнул. Постоял еще немного, посмотрел с тоской на уходящие от станции пути и направился к колодцу. Стрелочник наполнил водой кувшинчик и возвращался домой. Это хошащий человек. Шел он спокойно, уверенно, мерно размахивая мокрым кувшинчиком.

Джаба остановился и проводил его взглядом.

Стрелочник перешагнул через рельсы и вошел в будку.

Джаба поставил кувшин у колодца. Спинай прислонился к его краю и снова стал смотреть на станцию.

Он еще долго стоял и смотрел.

Спина ощущала приятную прохладу. Стрелочник оставил ведро с водой на краю колодца. Джабе лень было снова тянуть из колодца воду, и он налил в свой кувшин оставшуюся в ведре.

На станции ударили в колокол.

Джаба насторожился. Каким-то чутьем понял: удары эти связаны с появлением поезда.

Схватив кувшин, добежал сломя голову до путей. Остановился, поставил кувшин на землю и стал пялить глаза по сторонам. По высывавшим на перрон людям догадался: поезд вынырнет оттуда, куда глядят они.

Раздался свист, и появилась зеленая цепочка вагонов. Чем ближе подходил поезд, тем сильнее увеличивалась его передняя часть, и поезд стал походить на конусообразную палку. На темени первого вагона красовался венчик, головой он упирался в провод.

И Джаба сразу догадался: это — электровоз.

Электровоз сбавлял скорость, сбавлял, и на станцию он уже, казалось, вплыл. Мягко, осторожно остановился с гордо вознесенной головой в двадцати шагах от Джабы.

Ах, какой же он был красивый! Лоб высокий, широкий, выкрашенный в голубое. Глаза большие, круглые, ясные, прозрачные как хрусталь. Брови подведены красным. И нос обрисован красным и суживается у ноздрей.

Много времени прошло, прежде чем Джаба сообразил, что держит кувшин, — он поставил его на землю и потер занемевшую от усталости руку.

Осмелев, мальчик подошел к электровозу еще ближе.

Солнечный свет, преломившись в хрустальных глазах электровоза, отражался наискосок, и Джабе показалось, что уставший электровоз остановился только для единого роздыха, а то ведь достаточно было лишь причмокнуть и прищпорить, чтобы он вновь двинулся и бежал не переводя дыхания по железной дороге, пересекшей горы и бескрайние долины.

Джаба подошел еще ближе и стал осматривать его сбоку.

В окно электровоза высунулся мужчина: облокотившись о подоконник и опершись подбородком в ладонь, он задумчиво глядел куда-то вдаль.

А может, он спит? Как знать, за целую ночь он, наверное, проехал тысячи километров.

Должно быть, немного вздремнул, изнуренный бессонницей, — ведь он целый и невредимый привел сюда весь состав и привез такую уйму людей! Если это сон, то так спит всемогущий удивительный исполнител, сотворивший тысячи добрых дел ради благополучия человека и теперь отдыхающий!..

На мужчине был чистый синий китель, на воротнике какие-то знаки отличия, похожие на ромбы. И фуражка на нем была синяя, а над козырьком виднелась хорошо знакомая всем эмблема железнодорожников.

Вдруг мальчик почувствовал: кто-то тронул его за плечо. Он вздрогнул от неожиданности. А когда обернулся, радость растянула ему рот до самых ушей: рядом стоял Геннадий и, задрав голову, тоже глядел на машиниста электровоза.

Джаба подтянул сползавшие брюки и скороговоркой, не переводя дыхания, затараторил:

— Знаешь, Геннадий, тут вот стоял паровоз! Большущая громадина! Весь черный, сажей вымазанный!

— Паровозы не сажей вымазаны, а черной краской выкрашены, дуралей!

— Ну, это все равно! Он ведь весь черный-пречерный. Большущий, громадный. В нем было два машиниста. Они попросили у меня воды. Но паровоз очень высокий, и я никак не мог дотянуться до окна. Тогда один машинист подошел ко мне. Такой красивый, такой высокий. Взял у меня кувшин и подал главному машинисту. Тот стал пить. Долго пил. Очень ему жарко было, потому так долго пил. Потом вернул кувшин тому, который подал ему. И тот стал пить, видно, и ему очень хотелось пить, потому и он много выпил. Потом вернул мне кувшин и губы вытер рукой. Потом обошел паровоз и всего обстучал молоточком. А тот машинист, который был наверху, все улыбался мне и благодарил. Руку, вот так, гляди, вот так поднял. Потом и я поднял. А он рассмеялся. Долж-

но быть, не по правилам я сделал это, не по-солдатски. Наверное, у меня до-пионерски получилось, и это рассмешило его, потому что, пока паровоз стоял здесь, он все смотрел на меня и улыбался. Потом дал гудок. А гудок та же был, что я уши заткнул. Ох и ревел же! Потом медленно двинулся и поехал. И долго ехал, так долго, что когда паровоз уже скрылся, последний вагон только-только выезжал со станции. И долго еще был виден вдаль. А машиниста уже не было видно. Перед отходом поезда он еще разок сделал мне под козырек. По-прощался со мной и только после этого уехал. Ох и много воды выпил, а вдвоем чуть ли не полведра выдули! А машинист, который спустился, хлопнул меня по плечу! А тот, что был на паровозе, все время смеялся и махал мне рукой. Все время смеялся. Зубы у него были белые, белые! Сверкали, как солнце! Когда он смеялся, казалось, что солнце светило. Потом тот, что с молоточком был внизу, обошел паровоз, и они поехали. А тот, что все время был наверху, перед отходом все на меня смотрел и смеялся. А потом, перед самым отходом отдал мне честь и они поехали. Ух, Геннадий, а одет он был во все синее. И воротничок был синий, и фуражка. Чуть ли не полкувшина воды выпили и уехали. Ух, Геннадий! Геннадий, выслушав своего товарища, впервые в жизни почувствовал к этому мальчику нечто похожее на уважение.

Значит, Джаба принес машинистам воды и они с большим удовольствием выпили из его кувшина. Ого! Это уже не чепуховское дело, это уже что-то да значит. А что все это произошло именно так, в этом Геннадий не сомневался, потому что Джаба никогда не врал.

Мальчики только сейчас заметили, что машинист электровоза вовсе не спал. Он убрал руку от лица и посмотрел на них. Он не улыбался. И не махал им рукой. Руку он держал на окне и смотрел куда-то в сторону.

Вдруг Геннадий засуетился, поглядел по сторонам и быстро спросил двоюродного брата:

— Джаба, куда ты дел кувшин?

— Кувшин? Зачем тебе кувшин? Вон он, вон.

Геннадий побежал и принес кувшин.

— Дяденька, воды не хочешь? Вот кувшин, пожалуйста, попей!

Машинист медленно повернул голову и некоторое время смотрел на мальчика и на его кувшин. Потом слегка покачал головой в знак отказа.

Геннадий отступил. Восторг в его глазах угас, он медленно, очень медленно поставил кувшин на землю.

Двоюродные братья стояли и смотрели на машиниста.

Солнце уже клонилось к горизонту. Но еще жарило изрядно. Припекало лоб и шею, а теперь еще и глаза стало жечь и покусывать кончики пальцев босых ног.

А мальчики все стояли и смотрели.

Машинист уже не обращал на них внимания. Снова уперся локтем в окно, подбородок уткнул в ладони и снова задумался.

И мальчики решили: машинисты электровозов важнее машинистов паровозов. Они и сильнее, и красивее, они удивительные, неповторимые люди.

Вдруг кто-то треснул Джабу по шее. Из глаз у мальчика посыпались искры, голова дернулась вбок, он содрогнулся всем телом.

Ошарашенный, оглянулся и обмер: перед ним стоял отец.

Пока Джаба уразумел в чем дело, отец наградил его второй затрециной и надвинулся на мальчика всем телом.

Джаба не помнил, чтобы отец бил его. Отец никогда не бил. Только когда злился и переставал понимать, что делает, мог раздавить, как мушку.

Мальчик схватился рукой за щеку и уставился на отца испуганными глазами.

— Эй, ты, чего бьешь ребенка? — раздался сверху грозный окрик.

Джаба не поднял головы, он знал: это гаркнул машинист электровоза.

Отец, скосив глаза, поглядел наверх. Хмуро поглядел. И взял кувшин.

— Ты там занимайся своими измазанными ключами! Забыл, понимаешь ли, спросить у тебя бить или не бить мне своего щенка! — И отец приставил горловину кувшина ко рту. И тут же рывком оторвал, сморщился, выплюнул воду.

— Совсем кипяток, стервец ты этакий!

Джаба понял: больше ему не стоит оставаться здесь. Круто повернувшись, он дал такого стрекача, что только пятки засверкали на солнце.

А Геннадий, как подмазанный скипидаром, уже мчался далеко за станцией.

Оглянувшись на мгновение, Джаба увидел, с каким остервенением отец стирал с губ оставшиеся капли теплой воды.

II

Здрав одеревеневший хвост, как древко знамени, теленок вприпрыжку промчался по берегу реки.

— Эй, гляди, эта волчья сыть и вправду взбесится! Определенно следни его жрут. Глянь, глянь, что он вытворяет! Джаба, скорей беги за ним, а то он потеряется, и тогда домой носа не покажешь!

— Теперь ты беги, я весь день бегаю!

— Теленок — твои! Если тебе не жаль его, я не принуждаю. Но если он пропадет, какими глазами будешь смотреть на дядю Александрэ?

— А бычок Швинда мой? Зачем ты заставил меня гоняться за ним в самое пекло? Вот, гляди, как я расцарапал ногу в кустах, и горит, и горит... Беги ты, ведь ты сам сказал, что после полудня будешь следить за скотом!

— Только ты один и считаешь это полуднем, а всем отлично известно, до каких пор длится полдень.

— Значит, я обманываю тебя?

— После я пригону и твоих и моих коров, вот увидишь!

— Нет, Геннадий, сейчас твой черед. Я целый день бегаю. А ты, как видишь поезд, так и мчишься к железной дороге. Теперь я хочу смотреть на поезд. Я устал, столько бегал. Вот, гляди, что у меня с ногой!

— Не будешь осторожным — хуже будет... А ты не меньше моего глазеешь на поезд! Ты глаз от поезда не оторвешь, если даже медведь будет драть этих коров! После того как машинисты ложили из твоего кувшина, ты решил, что и поезда, и железная дорога только твои! Да ты беги, беги, твоего теленка уже нигде не видно!

Джаба встал и, прихрамывая, вышел из тени ольхи.

Солнце пекло нещадно. Каменистый берег речки Чешури стал от зноя пепельным.

На том берегу речки венценосные подсолнухи понурили головы. Кукуруза, растущая по краям поля, свернула листья и оцетинилась их острыми колючими.

В душном воздухе прозвучал гудок. Вдали, из-за кукурузного поля выскочил электровоз и помчался к Свиру-Аджаметскому перегону. Он шел на полной скорости и каждую секунду пожирал свергающие рельсы. Зеленые вагоны, подобно цепочке идущих к ручью уток, послушно следовали друг за другом. Пассажиры, высунувшись из окон, подставляли головы ветру.

Джаба остановился и замер.

Поезд приближался. Уже ясно был слышен ритмичный перестук его тяжелых колес:

— Ты куда? — Иди сюда!

— Ты куда? — Иди сюда!

Джаба с завистью поглядел вслед Геннадию, выскочившему из тени ольхи и взбежавшему на железнодорожную насыпь.

Поезд был уже близко.

Джаба еще разок глянул в ту сторону, куда убежал проклятый теленок, и сорвался с места: припадая на одну ногу, он еще не успел добежать до насыпи, а последний вагон уже промелькнул мимо. Из окна этого вагона, улыбаясь, смотрела на него худенькая, тоненькая девочка.

Она сняла с себя красный галстук и махала им.

Джаба посмотрел на нее и тоже улыбнулся и помахал ей веткой ольхи, зажатой в руке.

Девочка улыбалась. Она высунулась из окна, и Джаба смотрел на нее, пока мог различать вдали.

Он забыл и про теленка, и про боль в ноге. На него нашла наконец-то живительная легкость, разливавшая прохладу по всему телу. Он стоял и глядел на рельсы, лежавшие под солнцем и ухивившие куда-то в неведомое.

Джаба опустил ветку, которую держал в поднятой руке, лишь когда раздался насмешливый голос Геннадия:

— Ты чего это замер, как памятник?

— Это десятый был, да?

— Какой там десятый, ты что, считать разучился?

— Да, десятый! Я про себя считал.

— А товарные за поезда не считаешь?

— Как не считаю — считаю. Но это был десятый.

— Ничего себе считаешь! Это двенадцатый был, голова два уха!

— Как двенадцатый?

— А так. Пока ты по берегу гонялся за бычком и теленком, здесь еще два поезда прошло!

Джаба ничего не ответил. Только вяло повертел в руке прут, повернулся и пошел прочь.

Геннадию стало жаль его.

— Не вешай носа. Те два поезда были товарные. Говоря правду, они не походили на поезда... Вагоны какие-то низенькие были, с ободранными боками. На наши тачки смахивали — какие-то развалившиеся да кое-как починенные. И сов-

сем пустые были, уж взяли бы да набросали в них чего-нибудь... И паровоз был какой-то допотопный. Хотя бы на паровоз походил. Ты, брат, не убивайся! Знаешь, как только кончу школу, поезду в Тбилиси, выучусь на машиниста и тогда буду останавливать поезд у своего дома на все воскресенье. Приходи и увидишь, сколько будет угодно. Я дам тебе осмотреть все его потроха, все уголки и закрутки.

— Ты — на машиниста выучишься? Ты?

— Да, а что тут удивительного?

— Ты станешь машинистом?

— А что, из меня не получится машинист?

— Ну кто тебя примет машинистом?

— Да не машинистом. Я поступлю в то училище, где учатся на машинистов. Буду учиться, стану хорошим специалистом. И они посадят меня на паровоз, ничего другого им не останется.

— Ну кто тебя на паровоз посадит? Ты, видать, очень плохого мнения о машинистах?

— Посадят, мой Джаба, посадят. Когда все буду хорошо знать — посадят. А что? Ты подумай, ведь те машинисты, которые попросили у тебя воды напиться, когда-то были такими же мальчиками, как и мы. Потом они поехали в Тбилиси, выучились на машинистов и теперь вот куда только не гоняют поезда!

Было уже порядком темно, когда мальчики пришли в деревню.

Джаба шел позади своих трех коров и бычка, понурился и глобал слезы.

Недалеко от дома Геннадий сказал:

— Обожди, Джаба, давай коров оставим здесь, а сами подкрадемся и посмотрим: может, дядя Александрэ пока еще нет.

Джаба промолчал.

— Если он еще не пришел, мы так незаметно загоним их во двор, что этой ночью он ничего не будет знать. А завтра снова туда выгоним и опять обыщем все вокруг. Ну, что с тобой, разве можно так? Не ты первый и не ты последний. Вон у Гиви и Отари Коркотадзе в прошлом году всю неделю пропала телка, а потом нашли ее по ту сторону Чишури такой кругленькой, такой полненькой. За неделю отъелась, как миленькая.

Джаба продолжал глотать слезы и возить прутом в проселочной пыли.

Геннадий взял его за руку и потащил ко двору. Шли они настороженно. Возле изгороди из кустов граната присели на корточки.

Слабый свет, падавший из окна комнаты, освещал балкон. Под балконом стоял какой-то верзил и спокойно говорил отцу Джабы, сидевшему на старом буковом пне.

— Нет, мой Александрэ, я не говорю, что он перепоганил все поле, нет. Но по краям кое-где обожрал. Теленок — как малое дитя: что взбрдет в голову, то и вытворит. Теленок сам не знает, что в том радости, но раз уже взбрело ему в голову, подпрыгнет, взбрыкнет ногами, бросится то в одну сторону, то в другую, попрыгает, подрыгает и остановится. Но и того не знает, почему остановился. То, что он в середине поля вытоптал, это еще не так страшно, там он немножко попрыгал. А вот на краю поля несколько стеблей объел. Все несчастье в том, что ни бригадир, ни председатель в середку не пойдут — они все по краю поля ходят и тут сразу же заметят обглоданные стебли и — ко мне: так, мол, стережешь колхозное поле, а?

Мальчики сразу же признали в говорившем сторожа Олифантэ. Олифантэ был высоченный мужчина, его длинный подбородок покрывала густая борода. Он целыми днями и ночами торчал в поле, как черт. Станет бывало в одном конце поля, глянет и разглядит в другом конце поля, на каком бугре у ящерицы покоится тело, а на каком — хвост.

— Откуда тебе известно, Олифантэ, что те стебли кукурузы обожрал именно мой теленок? Многие гоняют свою скотину в луга. Там все кишмя кишит мальчишками, пасущими коров.

— Да нет, я не утверждаю, что именно твой теленок объел, нет. Я его выгнал из кукурузы. По лбу узнал. Нишу я опознаю среди сотни телят. И привел его тебе. Сыт теленок, вон жует-пережевывает... Я ведь тебе не говорю: по бей их. Ты их так, слегка пожурь, для острстки, а то ведь на заседании правления возьмется за меня председатель, тогда держись, ты ведь его знаешь.

Как только Олифантэ ушел, мальчики тотчас побежали назад, к коровам. Значит, теленок не пропал! Его даже домой привели, и он сейчас спокойно лежит во дворе под забром!

Через некоторое время ребята загнали во дворы свои малочисленные стада.

— Джаба, иди сюда!

Джаба подошел и покорно остановился перед отцом

— Сядь.

Джаба сел.

Отец поднял свою большую руку и погладил сына по голове. Пальцы вначале коснулись волос, потом скользнули по затылку, и рука всей тяжестью легла на плечо.

— Джаба, ты уже не маленький, должен уметь отличать чужое от своего. Если ты портишь свое, это не такая уж большая беда — только от тебя убудет, а вот колхозное — это всему селу принадлежит, сынок. Тут надо быть рачительнее. Я знаю, какой дьявол сидит в теленке, но если уж взялся пасти теленка, паси на совесть. Вот если бы сторож не нашел его и не привел, как знать, может, твой теленок волку достался бы. И не было бы у тебя Ниши. Ведь ты хочешь чтобы он побыстрее вырос и пободался с бычком Геннадия, а если его волк съест, кто будет бодаться?

— Его слепни заели, и он сбежал от меня.

— Знаю. Если бы и слепней не было, все равно надо следить за скотиной, надо искать ее.

— Я искал, искал долго. Вот, гляди, что стряслось с ногой, когда я его искал.

Отец нагнулся и ощупал рукой в темноте пораненное место.

— Это ерунда. Хромота собаку не убьет. Сбегай, принеси водку и бинт.

К утру все зажило.

На следующий день мальчики с гораздо большей настороженностью загоняли коров в свои улочки.

И было почему: когда они купались в речке, скотина сожрала весь край кукурузного поля.

На сей раз Олифантэ не просил Александрэ, а неистовствовал:

— Да вы что, назло мне делаете это или в чем дело? Если я буду их сторожить, то кто же будет присматривать за полями? Вот, глядите, вот, под самый корешок обглодали! Это дело? Прошел сегодня бригадир и сказал: «Олифантэ, все с твоего горба возьму!» А почему с моего горба? Я вон дранку на крыше своей хибары сменить не могу, а тут с горба моего брать? Вот и ты здесь и Николоз. Я говорю вам, обоим братьям: избавьте от этих сумасшедших мальчишек, а то такое сделаю, чего ни один сосед не делал! Нет у меня больше нервов!

На третий день мальчики возвратились в деревню только ночью.

Голос Олифантэ они услышали еще на проселке, далеко от дома.

Но интонации были уже значительно мягче:

— Что же мне делать, мой Александрэ, что? И у меня семья — жена, дети... Я не могу оставить их без куска хлеба. Теперь уже ваши мальчики не скажут, что это не их скотина пожрала кукурузу! Я ее запер в колхозном хлеву. Утром позову агронома, ревизионную комиссию, и пусть установят, каков ущерб. И после бери свою скотину — никто и слова не скажет.

— Олифантэ, скажи правду, ты нашу скотину в самом деле застал или съеденное чужой скотиной приписал моей скотине и захватил ее с луга?

— Клянусь этой едой, клянусь этим мчади, я выгнал ее из самой середины поля!

И мальчики догадались, что Олифантэ поцеловал мчади. А когда старик клялся и целовал мчади, он не врал.

— Вы бы еще поели, батона Олифантэ, не стесняйтесь, между соседями и не такое случается.

— О, любезная Аграфена, я не в силах столько есть. Проклятый желудок опять стал беспокоить. Да и врач запретил мне много есть, особенно, говорит, на лобие не налегай...

— А где были мальчики, опять на речке?

Перевод Марины ГЕЛЬВИ

Продолжение следует

819626

БОЖЬЯ КОРОВКА

РОМАН

Чадробский колхоз первым в районе выполнил план заготовки зерна. В газете управления была опубликована большая статья за подписью Вашакидзе, в которой автор подробно рассказывал о тех мероприятиях, которые обеспечили высокий урожай. Статья заканчивалась словами: «Дадим государству двадцать тонн зерна сверх плана. Таково наше трудовое обязательство».

На заседании бюро партийного комитета, когда разбирались вопрос уборки урожая, Мшвидобадзе ставил чадробский колхоз всем в пример.

— Вот взгляните, — говорил он, — даже несмотря на приказ сверху, чадробцы не начали уборку, когда им было предложено, а подождали несколько дней, учитывая местные условия, дали пшенице доспеть и только после этого начали ее убирать. Мы видим в этом лишь добросовестное, хозяйственное отношение к делу и благодарим чадробцев за хорошую работу.

— Я не согласен с тобой, — сказал секретарю парткома Керечашвили, когда все ушли и они остались в кабинете вдвоем.

— В чем именно? — удивился Мшвидобадзе.

— Напрасно ты хвалишь Вашакидзе. Я и раньше был против этого и сейчас тоже. Вашакидзе недостоин похвалы. Он слишком поздно начал уборку, зерно перезрело, у него очень много потерь.

— Давай не будем об этом говорить.

— Почему? — спросил Керечашвили.

— Для чего бить тревогу, когда чадробский колхоз получил самый высокий урожай в районе? Ну а если стбросить и это, то мы ведь все, черт возьми, люди, и каждый из нас не гарантирован от ошибок.

— Но ведь если бы они не послушались и начали уборку вовремя, урожай мог быть намного выше, — возразил Керечашвили.

Мшвидобадзе не ответил.

На совещании передовиков управления он опять хвалил чадробский колхоз, вознес до небес Вашакидзе, одобрил решение чадробцев сдать государству на двадцать тонн зерна больше, чем предусмотрено планом, и призвал все колхозы управления откликнуться на это патристическое начинание.

Потом слово взял Вашакидзе. Он столько раз перечитывал свою статью в газете, что знал ее наизусть и теперь повторял слово в слово. В конце своего выступления он поблагодарил руководителей района за практическую помощь, высокую оценку труда колхозников и дал слово, что чадробцы продадут государству сверх плана еще сорок тонн зерна.

— А что получат крестьяне на трудодень? — крикнул кто-то из зала.

— На трудодень? — задумавшись, переспросил Вашакидзе. — Сейчас скажу. Значит, так: по пять килограммов зерна, самое малое, по два килограмма капусты, сто граммов сыра, двадцать граммов шерсти и еще пятьдесят копеек деньгами. Что скажете, разве это мало?

Зал одобритительно загудел, а председатель, довольный, сошел с трибуны.

— Ну, что скажешь, Георгий? — спросил он парторга. — Понравилось тебе мое выступление?

— Мне кажется, ты несколько зависил цифры. Разве мы сможем дать столько зерна на трудодень? — сказал Чрдилели.

— Ах, это, — рассмеялся Вашакидзе. — Ну если не пять, то килограмма два с половиной дадим же? Что же касается денег, то это уладит Реваз Эпремидзе. Я думаю, копеек по двадцать пять на брата придется. А что вы хотите, дорогие мои? Совсем недавно чадробский колхоз был одним из самых отстающих колхозов, а теперь вот передовой, — с гордостью проговорил Вашакидзе. — Разве вы раньше больше получали? Бьюсь об заклад, и этого не было.

Георгий замолчал. Да и что он мог сказать человеку, который все заслуги приписал только себе. У него-то и на лице написано: все вы только мне и обязаны, что б вы делали без меня?

На банкете, устроенном после совещания, Вашакидзе сидел вместе с руководителями во главе стола. Он произносил длинные тосты, но больше всех восхвалял Мшвидобадзе, а в конце даже подошел к нему с покорно опущенной головой и, чокнувшись, тихо проговорил:

— Ничего не хочу на свете, Николай Васильевич, кроме одного: иметь возможность когда-нибудь отблагодарить вас за вашу заботу, отблагодарить так, как вы того заслуживаете.

— Ты молодец, молодец, Амиран. Я знаю, что не ошибся в тебе. Поработай еще немного в колхозе, а потом...

«Неужели он хочет взять меня к себе?» — мелькнуло в голове Вашакидзе.

10

Урожай был настолько хорош, что бункер заполнялся за поборота комбайна. Затем зерно ссыпали в грузовые машины и везли на склад. Обычно перед отправкой на склад зерно взвешивали, теперь же весы имелись лишь для блезиру, а приставленный к ним Эпремидзе нежилась в тени под деревом.

— Если зерно не должны были взвешивать, зачем приволокли сюда весы? — прокричал Мамука сидящему за рулем комбайна Шахро.

— Будто ты не знаешь. Конечно, для блезиру.

— Но почему мы тогда молчим? Ведь на наших глазах совершается воровство, — не унимался Мамука. — Иди потом докажи, что ты собрал больше, чем тебе написали.

— Ты прав, Мамука! Пока не взвесят, не дадим вывезти! — согласился Шахро.

Когда бункер в очередной раз был заполнен, Мамука остановил трактор. Было это на краю поля, как раз в том месте, где стояли весы.

— Эй, Реваз! — закричал Шахро лежащему в тени дерева Эпремидзе. — Ты что, приехал сюда спину погреть? Ну-ка вставай, взвесь зерно.

Эпремидзе вскочил, опасливо огляделся по сторонам, но не заметив никого из посторонних, успокоился, поправил очки и лишь отмахнулся.

— Чего ты орешь, идиот? Председатель приказал взвешивать зерно на складе.

— Тогда чего же ты здесь прохлаждаешься?

— А это не твоего ума дело. Буду я еще тебе докладывать.

— Кому нужен твой бестолковый доклад? Давай лучше взвесь зерно, а то я останюлю комбайн и ты будешь за это в ответе.

— Ты лучше управляй своим комбайном, — спокойно проговорил Реваз, — а в чужие дела нос не суй. Понял?

Тем временем Мамука приказал водителю грузовика ссыпать зерно на специально расчищенную площадку.

— Ничего не понимаю, кто здесь старший, — пробурчал водитель, почесывая затылок, но приказ выполнил.

Когда около весов ссыпали уже четвертую машину, неожиданно подкатил Гигла на своей «Волге», и из нее вышли Вашакидзе и Кенчошвили.

— Кто приказал вам ссыпать зерно сюда? — грозно спросил председатель.

— Мамука, это все Мамука, — ехидно проговорил Эпремидзе, протирая кулаком заспанные глаза и стараясь, конечно, выгородить себя. — Не доверяю, говорит, я вам. Взвешивайте здесь и записывайте.

— Позови сюда этого Мамуку или как его там, — нервно приказал председатель.

Эпремидзе, тяжело дыша, побежал к комбайну.

— Ты посмотри на этого выскочку, — не удержался Кенчошвили, подливая масла в огонь. — Уже командовать начал...

Тем временем комбайн и трактор остановили. Шахро и Мамука подошли к председателю.

— Чего вы суете нос куда не следует? — зло проговорил председатель. — Где это слыхано, чтобы зерно держали под открытым небом?

— А кто вам мешает везти его на склад? — спросил Мамука. — Взвешивайте и везите. Весы здесь и весовщик тоже.

— Чего ты несешь вздор? — закричал Кенчошвили. — Ты что, не знаешь, кто здесь старший? Твоя обязанность смотреть вперед, когда идет трактор, а что делается сзади, тебя не касается.

— Васо, зачем ты так говоришь? Разве мы не заинтересованы в том, чтобы собрать больше и быстрее?

— Дорогой мой, здесь мы взвесим зерно или на складе, вам-то какая разница? Повремените немного, подведем итоги и сообщим вам. Ну, а если не доверяете, скажите. Это уже другое дело.

— Как это не доверяют? — возмутился Вашакидзе. — Партия и правительство доверило нам миллионы, а они, видите ли, зерно взвешивать не доверяют! Кто вы такие? Вот что, хватит. Кончайте базар и займитесь делом. Все кончили.

— Если так, почему притащили весы? — не унимался Мамука. — Пусть счетовод лучше работает, вместо того чтобы без дела болтаться.

Вашакидзе не нашел что ответить, но смолчать он не мог.

— Немедленно начинайте работу! — закричал председатель. — Вы слышите — немедленно!

— Взвесьте сначала зерно как положено, — спокойно сказал Мамука, — а то мы сообщим куда следует, — и направился вместе с Шакро к комбайну.

Когда они были уже далеко, Вашакидзе досадливо сказал бригадире:

— Все это твоя вина. Распустил ты, Васо, этих болтунов.

— Что делать, — начал каяться бригадир, — я ведь к ним по-человечески, как к товарищам, а они моей добротой пользуются.

На следующий день Георгий Чрдицели сообщил Вашакидзе, что днями собирается провести партсобрание.

— С чего это вдруг? — сухо спросил председатель.

— Не вдруг, а есть о чем поговорить, — сказал Георгий. — Оказывается, с одного комбайна забрали невзвешенное зерно, а сколько его было, никто не знает. Тебе об этом известно?

— Эх, тоже, нашли время. Как будто нечего вам больше делать, чем говорить о таких мелочах. Лучше бы подумали о выполнении плана. А то, что ты говоришь, это сплетни, самые настоящие. Болтуны их разносят, а ты и уши развесил. Сплетни это, одни сплетни. Я даже удивляюсь, как ты мог в это поверить? И вообще, если хочешь, чтобы между нами не пробежала черная кошка, не лезь в мои дела.

— Не лезь, говоришь? А кто эти дела разделил на твои и мои?

— Умоляю, только не говори мне сейчас эти заученные газетные фразы. Ты не знаешь, какие дела твои, а какие мои? Хочешь, я сейчас напомним. Тебе положено делать вот что: первое — распространять журналы и газеты, второе — руководить агитаторами, третье — выпускать стенгазеты, четвертое — разворачивать соцсоревнование, пятое... А чего ты улыбаешься? Тогда займись еще самостоятельностью. У нас ведь это большое место. А у меня, братец ты мой, столько дел, что даже подумать страшно. К тому же у меня совершенно нет времени с кем-то ругаться.

— Амиран, дорогой мой, я знаю, что у тебя довольно хорошо подвешен язык. Ты прекрасно перечислил мои обязанности, но ты забыл об одном, ведь я крестьянин и кое-что в этом деле тоже понимаю...

— А кто возражает? Конечно, понимаешь. Только председатель колхоза — я, слышишь, я! Только я за все в ответе, а потому никому, даже самому госпо-ду богу не разрешу вмешиваться в мои дела.

— Это значит, что ты ни во что не ставишь парторганизацию.

— Что, что? Да как ты смеешь? Я лучше тебя знаю роль парторганизации в хозяйстве. Партия — наш идейный руководитель, наш рулевой, наша кровь и плоть. Умоляю тебя, не говори мне больше ничего такого. Я коммунист не хуже тебя и для партии не пожалею ничего... Вот так-то. А с твоим собранием зада повременить. Подождем немного. Проведем сначала другое, об итогах Пленума, кстати, будет присутствовать товарищ Мшвидобадзе, подготовимся получше. А пока сходил бы на пастбище, поглядел что к чему. Надой у нас последнее время снизился. Все? Кончили?

Георгий ничего не ответил. Да и был ли в этом какой-либо смысл? Все равно Вашакидзе сделает по-своему. Он председатель, у него власть. Если захочет, может даже поставить вопрос о том, что он, Георгий, плохо работает и его надо переизбрать. И переизберут, не моргнут даже глазом. Всегда можно к чему-нибудь придаться, и Мшвидобадзе, конечно, поддержит председателя. Он ведь с ним в особых отношениях. Нет уж, лучше дождаться партийного собрания, а там видно будет! Нет, там он уж не промолчит. Пусть собрание все решает.

Однажды утром по дороге в поле Мамука остановился перед сельсоветом у висящего на столбе громкоговорителя и прислушался. Передавали очерк о чад-ребских механизаторах. Вначале диктор говорил о Кенчошвили — как об умелом и опытным бригадире, который день и ночь находится в поле, обеспечивая тем самым бесперебойную работу комбайнов; потом разговор зашел о Гигле, его как комбайнера хвалили до небес; не забыл автор и о председателе Вашакидзе — спытном, умелом руководителе, и даже о счетоводе Эпремидзе, который якобы вышел вместе со всеми в поле, как сказал диктор, на передовую линию, где решалась судьба урожая.

«Вот это да, вот новости, — подумал про себя Мамука. — Целую неделю они с Шакуро не знают отдыха, а их работу приписали Кенчошвили. Видимо, материал этот автор взял тогда в поле, когда приезжал вместе с секретарем комитета. А ведь тогда и вправду работали Кенчошвили и Гигла. Ах, вон для чего они нас ссадили с комбайна. Отдохните, мол, ребята. Вот чего стоит их работа. Редактор тогда даже сфотографировал их. Ну, конечно. Я не я, если эта фотография на днях не появится в газете.

Фотография действительно появилась в воскресном номере. Она открывала статью «Уборка урожая в чадробском колхозе». Тракторист и водитель комбайна были видны очень плохо, но зато внизу стояла подпись: «Бригадир тракторной бригады Васо Кенчошвили и передовой комбайнер Гигла Эпремидзе».

Этот номер газеты в бригаду принес Шакуро. Мамука, удивленный, долго смотрел на снимок. Потом наивно сказал:

— Что ж это получается, мы работаем в поте лица, можно сказать, не покладая рук, а про них в газете печатают, с портретами... Нет, я этого так не оставлю. Сегодня же отправлю письмо в редакцию.

— И чего ты этим добьешься? — Шакуро махнул рукой. — Не удостоят даже ответа. А начальство наше разгневаешь. Это ведь все с его ведома сделано. Не отчаивайся. Плюнь на все. Бывает и хуже.

Может быть, Мамука последовал бы совету Шакуро, но злорадство Гиглы не давало ему покоя. Один только вид его говорил: вот видишь, я ничего не делаю, а меня ценят, не то что тебя, дурачок, а ты работай, работай. К этому прибавилось еще и то, что Вашакидзе на общем собрании колхозников объявил Кенчошвили и Гигле благодарность за хорошую работу, за то, что они отличились на уборке урожая. Этому уже стерпеть Мамука не мог: он встал и сказал председателю — если редактор и ошибся, так ему простительно, он человек чужой, он был в колхозе проездом, а ему, председателю, должно быть стыдно.

Но Вашакидзе не растерялся. Он сделал вид, что забыл упомянуть Шакуро и Мамуку, просто выпустил их из виду, и стал их тоже хвалить.

Сразу же после собрания Кенчошвили подошел к Мамуке.

— Я думал, ты человек, — сказал бригадир, — а ты мелкий завистник. Сегодня напечатали наши портреты, завтра напечатают ваши. Какое это имеет значение? Главное, мы делаем одно общее дело.

11

— Здравствуй, мой дорогой Амиран, — поздоровался Окро, робко перешагивая порог кабинета председателя колхоза. Вашакидзе что-то читал и даже не поднял головы. То ли не расслышал, то ли просто не обратил внимания на посетителя.

Окро остановился в дверях, снял свою войлочную шапку и снова проговорил:

— Амиран, дорогой мой, здравствуй.

Председатель услышал, но головы все равно не поднял, а лишь отмахнулся рукой, что, наверно, означало: погоди, сейчас мне не до тебя.

Окро присел на стул, который стоял поближе, сперся обеими руками о свою суковатую палку и с удивлением уставился на Амирана. «Интересно, что он все это читает и читает? — подумал старик. — Такого ученого председателя у нас еще не было».

Вашакидзе словно в ответ на его мысли улыбнулся, отодвинул папку и спросил:

— Что привело тебя ко мне, старик, чем ты озабочен? Или, может, хорошие вести принес?

— Хорошего ничего, дорогой мой.

— Что же тогда случилось?

— Ничего особенного. Просто сегодня утром Гигла украл два мешка зерна.

— Да ну?! Гигла украл зерно? Этого не может быть! — Вашакидзе толкнул пальцами дверь, ведущую в соседнюю комнату, потом выглянул в окно, окликнул какого-то парня и велел позвать Гиглу.

В это время в кабинет вошел Георгий Чрдицели. Он поздоровался с Окро, поставил стул рядом с креслом председателя и сел.

— Ну-ка, Георгий, послушай ты, что говорит наш любезный Окро, — сказал ему председатель, а сам встал и принялся нервно ходить по комнате.

Когда старик кончил рассказывать, Вашакидзе укоризненно покачал головой:

— Дорогой мой Окро, что с тобой случилось? Как ты мог уснуть на посту?

— Что делать, видать, стар я уже стал, — сказал в ответ Окро, имея в виду те мгновения, когда он действительно задремал, окунувшись в прошлое, — но тогда я не спал, честное слово. Я все видел своими глазами.

— Нет, нет, старик, — возразил Вашакидзе. — Здесь что-то не так. Ты наверняка что-то путаешь. Не могу я поверить, что Гигла мог украсть.

— Ну, это пустые слова, — проговорил Георгий. — Поверить можно и в худшее.

Вашакидзе окинул парторга недовольным взглядом, прикусил от злости губы, но ничего не сказал.

В это время открылась дверь, и в кабинет вошел Гигла. Он прошел на середину комнаты, без разрешения сел и только лишь после этого спросил:

— Можно? Зачем звали?

— Это правда, что говорит Окро? — в голосе председателя прозвучали строгие нотки.

— О чем вы, товарищ председатель? — Гигла сделал большие глаза в знак удивления.

— Ну и ну! — усмехнулся Окро. — Посмотрите на него, какой наглый тип. Врет и не краснеет. И как тебе не стыдно? Детишки наши пшеницу по колоску собирают, чтобы у нас меньше потерь было, а ты, верзила этакий, воруюшь зерно мешками.

— Я? — удивился Гигла. — Какое зерно? Ничего не могу понять. Может, вы мне объясните, что тут происходит?

— Ты хорошо знаешь, о чем идет речь, не прикидывайся, — сказал Окро. — Я же тебя просил, верни зерно. А ты удрал...

— Кто? Я? — вскочил Гигла. — Какое зерно? Товарищ председатель, ей-богу, он, наверное, из ума выжил!

— Вот-вот, я же вам говорил, какой он наглец. Меня, старого человека, такими словами... Да как ты смеешь, мальчишка...

— Успокойся, Окро, — проговорил Чрдилели, — не порть себе нервы. Мы его научим разговаривать со старшими.

— Пусть он на меня не наговаривает, — закричал Гигла. — Воров и разбойников ищи в своей семье, слышишь? Присвоил небось себе колхозный участок, удобрения воровал, а еще о других говорит.

— Что? — У старика Окро задрожали колени, к горлу подкатил комок. Он смотрел то на Гиглу, то на Чрдилели и председателя и не мог слова вымолвить.

— Ничего не могу понять, кто из вас прав, а кто виноват, — безразлично сказал председатель, давая тем самым понять, что все это ему надоело.

— Я, конечно, я прав! — закричал Гигла. — Я укладывал в багажник автомобильные скаты, а ему показалось, что это мешки с зерном. Он же старый, слепой, он просто ненормальный.

— Если это были, как ты утверждаешь, автомобильные скаты, почему же ты тогда удрал, как разбойник? — спросил Окро, уже не обращая внимания на оскорбления мальчишки.

— Я нигуда не убежал, я сел в машину и уехал.

— Ничего себе уехал, — усмехнувшись, проговорил Окро. — И тебе не стыдно, парень? Ты ведь чуть не задавил меня! Я чудом под колесами не оказался.

— Не хочу с тобой вообще разговаривать, — грубо отрезал Гигла. — А эту клевету я тебе не прощу. Ты у меня еще за это ответишь. Запомни! — Гигла встал и быстро вышел из кабинета.

— Замолчи, сопляк! — закричал ему вслед старик. — А то ты у меня получишь!

— Послушай, Окро, успокойся! Давай хорошенько подумаем. Может, ты действительно принял эти самые скаты за мешки с зерном? — сказал Вашакидзе, когда Гигла вышел.

— Да что ты говоришь, председатель? Я все отчетливо видел. Не веришь мне, а веришь какому-то мальчишке... Эх, председатель...

— А почему тогда он отказывается?

— Потому что он вор!

— Ну, это еще не доказательство. Про каждого можно сказать, что он вор. Главное доказать, доказать надо.

— Эх, председатель, — вздохнул Окро, — слушаю я тебя и удивляюсь. Вора надо наказывать, он должен ответить за все, а вы тут... — Окро посмотрел и на парторга, — вы Гиглу защищаете, стараетесь его оправдать.

— Ну что ты говоришь, Окро? Дело обстоит совсем не так, как тебе кажется, — сказал Вашакидзе. — Гигла — передовой комбайнер, о нем знает весь район. Пойми, так просто, без доказательств мы не можем отдать его под суд. И для вас обоих будет неплохо, если вы сами между собой уладите это дело. Вы ведь соседи. Для чего наживать врага на всю жизнь?

— Моя жизнь уже кончилась, — с досадой проговорил старик, и на глаза его навернулись слезы. — Только так, председатель, вора не исправишь. Если

он сегодня и вернет то зерно, которое украл, завтра украдет другое. Нет, не знаю, как вы, а я молчать не могу. Не могу — и basta. Пойду расскажу всем, пусть народ нас и рассудит.

Старик, постукивая палкой, заковылял к выходу.

Оставшиеся в комнате Вашакидзе и Чрдилели некоторое время молчали, затем председатель сказал:

— Не знаю, как ты, Георгий, а я не исключаю, что спросонья старик мог принять эти проклятые скаты за мешки с зерном. И потом, не понимаю, зачем нам предавать огласке эту историю? Лишние разговоры пойдут, а это, сам понимаешь, ни к чему.

— Если мы будем молчать, народ не смолчит, — ответил Георгий.

— Ты зря, парторг, всякого болтуна считаешь за народ. Главное, ты молчи, и я буду молчать. А они пускай себе говорят. Это не имеет значения.

Чрдилели задумался, а потом сказал:

— Нет, Амиран, не могу я тебе обещать этого.

— Выходит, ты заодно с этим интриганом?

— Понимай как знаешь, — сказав это, Георгий резко встал и вышел из кабинета.

Когда уборка урожая закончилась, Кенчошвили сразу же решил начать ремонт комбайнов. Весной ведь всегда дел бывает невпроворот, а тут выдалась такая возможность, как же ею не воспользоваться. Работу эту поручили Шахро и Гигле, а в помощь им дали двух молодых парней.

В первый день ребята успели лишь снять один двигатель, разобрать его и почистить. Договорились продолжить работу завтра с утра, пораньше. Но на завтра Гигла приехал в парк на своей «Волге», расфуфыренный, и заявил, что занят и работать не может.

— Ну, а на вас я надеюсь! — закричал он уже с машины. — Знаю, что не подкачаете.

На следующий день он тоже не явился. Только теперь уже не сам предупредил об этом, а прислал Кенчошвили, и тот сообщил, чтоб они не ждали его, а начинали работать. Не пришел он и после.

— Хорошенькое дело, мы работаем, а он на своей машине Маквалу катает, — сказал как-то один из парней.

— Какое это имеет значение? В газете все равно напишут, что передовой механизатор Гигла Эмпремидзе сразу же после уборки отремонтировал по меньшей мере десять комбайнов. -- съехидничал Шахро.

— Да, да, и еще вокруг Кенчошвили шумиху поднимут, — подтвердил все тот же парень.

— Что Кенчошвили? — вмешался Мамука. — Счетовод — вот самое главное лицо. «Благодаря своим точным расчетам он обеспечил ремонт комбайнов и тракторов в рекордный срок». Убейте меня на месте, если этой фразы не будет в газете.

Все дружно стали смеяться, и никто не заметил подошедшего бригадира. Услышав последние слова Мамуки, Кенчошвили подождал немного, потом откашлялся, заявляя всем о своем присутствии, но и виду не подал, что был свидетелем разговора.

— Здравствуйте, ребята. Как дела? — спросил бригадир и, не ожидая ответа, заключил: — Я вижу, что еще денька два — и вы работу закончите.

— Почему два, товарищ бригадир? — ехидно спросил Мамука. — При такой работе можно и пораньше.

Ему хотелось разозлить Кенчошвили. Если раньше он избегал стычек с ним, то сейчас стремился к ним. У него была на это причина. Во-первых, он злился на бригадира за то, что тот всегда, днем и ночью находил для него работу, в то время как Гигла катал Маквалу в своей машине и иронически улыбался ему при встрече. Ну, а во-вторых... Вчера председатель сделал ему замечание. Бригадир, мол, жалуется, плохо, говорит, Мамука относится к работе, только и делает, что пререкается. Ну как же тут не вскипеть, как не разозлиться? Ведь это неслыханное нахальство — в глаза улыбаться, а за глаза говорить гадости.

Кенчошвили словно прочел мысли Мамуки.

— Ребята, давайте возьмемся за дело по-мужски, — сказал он заискивающим голосом, — а то дня через два-три начнем пахоту, тогда будет не до ремонта.

— Это говори тем, кто гуляет, а мы работаем, — огрызнулся Мамука.

Это было уже слишком. Кенчошвили не выдержал.

— Что, что? Что ты сказал? Ты с кем это так разговариваешь? Сопляк! Мальчишка! Трепач несчастный!

— Ты сам трепач, а еще и дурак! — закричал Мамука, вскочив на ноги.

— Кто дурак? Это ты дурак! — Кенчошвили гахохлился, как петух, и поднес кулак к самому носу Мамуки. — Сын дурака не может быть умным!

— Ты моего отца не тронь! Слышишь? А то я тебе...

— Убирайся, чтоб я тебя больше в бригаде не видел! — заорал Кенчошвили. — Не могу смотреть на тебя. Недалеко же ты ушел от своего братца Ираклия Мамука ринулся было на бригадира, но Шакро преградил ему дорогу, а за тем отвел его в сторону.

Стычка с бригадиром не выходила у Мамуки из головы. Удивительно, почему он все это время позволял ему так издеваться над собой, обращаться как с мальчишкой? Да, конечно, надо было пресечь это раньше. Иначе не осмелился бы он оскорбить сегодня еще и отца с братом. Но ничего. Во всяком случае, он получил за это сполна. Правда, лучше было бы дать ему в морду, тогда бы он сразу научился уму-разуму. Но это еще не поздно. Жаль только расставаться с трактором. Эта жирная свинья Кенчошвили, наверно, сегодня же посадит на него кого-нибудь другого. Лучше пойти в поле с сохой и мотыгой, чем работать под началом у этого наглеца бригадира.

Интересно, почему же Маквала сказала, что скоро придет. Странно. Уже прошло полчаса, а ее все нет. Это, конечно, ничего, ждать Амиран готов хоть до самого утра, лишь бы она вообще пришла, хотя ждть мучительно...

Но что значат все эти муки по сравнению с минутами счастья, которое он испытывает, когда она рядом. Черт знает что! Кого здесь только не носит под окнами, а ее все нет... Вот Мамука идет, интересно, что ему здесь надо, чего он шляется по деревне? Поговаривают, что и он увивается за Маквалой. Ему-то уж наверняка делать здесь нечего.

Вашакидзе проводил Мамуку презрительным взглядом, а когда тот скрылся из виду, увидел Маквалу, которая уже подошла к самому дому.

— Идет! Идет, радость моя! — не выдержав, закричал председатель, бросился к столу и уткнулся в папку с собственными приказами. Когда раздался стук в дверь, Вашакидзе не поднял головы.

— Да, да! — сказал он. — Войдите!

Маквала вошла и остановилась в дверях. Председатель отложил папку, поднялся.

— А, это ты... Почему стоишь? Проходи, садись. — Вашакидзе придвинул стул поближе к себе и указал на него Маквале.

— Ничего, я здесь сяду.

— Как хочешь, — не стал настаивать Вашакидзе. — Я только хотел, чтобы тебе было удобней.

Девушка села, Вашакидзе тоже опустился в кресло, но потом вдруг встал, уперся руками в стол и, улынувшись, проговорил:

— Это хорошо, что ты пришла. Мне очень приятно разговаривать с такой красивой девушкой, как ты.

— Вы меня звали, вот я и пришла, — сказала она.

— Да, да, конечно, — поспешил успокоить девушку председатель. — Но я говорю правду, честное слово. Мне действительно очень приятно видеть тебя здесь. Зачем позвал? Сейчас скажу. Вчера мне хвалил тебя твой новый бригадир. Любит, говорит, девушка свое дело, молодчина. — Амиран говорил неправду, но придумать что-нибудь более убедительное он не сумел. — Да, да, конечно, молодчина, — продолжал он. — Откровенно говоря, я знаю ее и без бригадира. Видел твой участок — отлично работаешь. Одного только не пойму. Как это случилось, что ты не попала в институт? Селу нужны врачи, а из города никто к нам ехать не хочет. Я думаю, таким, как ты, нужно делать какие-то скидки. Об этом надо написать куда следует. И я напишу, вот увидишь. Обещаю, что на будущий год добьюсь для тебя лимита. Как ты на это смотришь?

Как она могла на это смотреть? Конечно, положительно. И еще в этот момент она думала, что он самый добрый и сердечный человек на свете. А ведь раньше Вашакидзе казался ей сухим и бессердечным. Вот, оказывается, как легко можно ошибиться в человеке.

Она смотрела на него наивными, улыбающимися глазами, и он с облегчением понял, что трюк удался.

— Спасибо, — поблагодарила Маквала.

— Но ты должна меня слушаться, — продолжал Вашакидзе, — делать все так, как я хочу. Для начала переведем тебя на ферму. В поле тебе нечего делать. Доярки у нас больше в почете. Ну как, согласна?

— Не знаю. А вдруг не справлюсь?

— Об этом не думай. Я тебе помогу. Зачем же я вообще существую, если приятным мне людям помогать не буду? Тебе вообще-то здорово повезло, что ты встретила со мной. В общем, так: завтра придеешь на ферму, и все.

Через неделю после встречи с Маквалой Вашакидзе вызвал к себе Нателу.
— Зачем звал, председатель? — спросила она, садясь подле него.

— Хочу посоветоваться с тобой об одном деле, — ответил Вашакидзе. — Знаю, что ты умеешь держать язык за зубами и тебе можно доверять. Потому и позвал.

У Нателы перехватило дыхание. Вот, подумала она в этот миг, настала та долгожданная минута, о которой она с нетерпением мечтала все это время. Сейчас он бросится перед ней на колени, признается в любви.

— То, что я сейчас скажу тебе, действительно должно оставаться между нами. Поняла?

— Любая тайна во мне, как в могиле, а о зашей уж и говорить нечего, — заверила девушка.

Вашакидзе про себя усмехнулся. Натела была первой сплетницей. Об этом знали все.

— Так вот что, — председатель сделал паузу, намеренно выжидая, и продолжил, лишь когда глаза у нее загорелись от любопытства по-настоящему. — Сегодня утром мне позвонили из района. У них в этом году есть лимит на пять человек в медицинском институте. Одно место они решили предоставить нашей деревне.

— Это хорошо, — сказала Натела. — Наша деревня никогда не имела лимита. Этим мы, наверно, обязаны тебе?

— Да, это я хлопотал, — сказал председатель. — Ты мне лучше скажи, кого нам послать? Кто лучше?

— Ну, откуда я знаю, — безразлично ответила Натела. Она нетерпеливо ждала разговора о главном, но на всякий случай все же сказала: — Конечно, меня. Кого вы найдете лучше?

— Нет, нет, ты меня неправильно поняла, я не шучу, — поспешил поставить все точки над «и» председатель. — Может, лучше Маквалу? Она ведь, кажется, в прошлом году сдавала в медицинский, я не ошибаюсь?

— Кого, кого? — переспросила Натела. Слова Вашакидзе ее ошеломили.

— Маквалу Чрдилели. Она, оказывается, и школу окончила с золотой медалью. Хорошая работница, к тому же красивая девушка. Такую и в город не стыдно послать.

Натела прикусила губу.

— Да, это верно, — сказала Натела, — девушка она неплохая!

— Вот, вот, — обрадовался Вашакидзе, — такой я еще нигде не встречал. Это было уж слишком. Сердце Нателы заняло от боли.

— Они оба хороши, — ехидно сказала она, как бы невзначай. — И она, и ее жених.

— Жених? — удивился Вашакидзе. — Что ты говоришь, Натела, разве у нее есть жених? — Председатель явно не ожидал этого и потому был несколько обескуражен. — Кто, я тебя спрашиваю, кто? — почти закричал он дрожащим голосом.

— Кто? Будто вы не знаете! Гигла.

— Это неправда. Этого не может быть. Ты клеветешь! — возмутился Вашакидзе.

— Делать мне больше нечего, — спокойно ответила Натела. — Только не понимаю, чему вы удивляетесь? Что, Гигла ростом не вышел или больной какой-нибудь? А вообще, если спросить меня, так он даже лучше нее, честное слово. Маквала... смешно. Кто она такая, чья она дочь?

— Да, да, ты права, во всем права, — пробормотал вконец расстроенный Вашакидзе.

Но этого Нателе показалось мало. Она еще усердней начала поносить Маквалу и восхвалять Гиглу.

— Ну ладно, хватит. Мне теперь все понятно, — прервал ее председатель.

— А мне не все, — сердито проговорила Натела. — Мне не ясно, кому же ты все-таки отдаешь свой лимит?

— Маквале, — сказал председатель. — Только об этом пока никому ни слова.

Однажды вечером, когда Натела с Маквалой дежурили в коровнике, снова пришла уборщица и сообщила, что Нателу зовет председатель.

— Чего это он каждую минуту зовет меня? — с деланным удивлением проговорила девушка.

— Раз зовет, надо идти. Может, у него серьезное дело, — сказала подруге Маквала.

— Да, но ведь теперь уже так поздно. А ты не боишься остаться одна? — спросила Натела.

— Что я, маленькая, чего мне бояться? Иди, иди, я тебя буду ждать.

Когда Натела ушла, Маквала устроилась на табуретке возле телятника, и на лице было совсем темно и тихо. Из коровника доносилось мерное чавканье животных, в телятнике мычал теленок. Бедный, к маме, наверно, хочет, подумала Маквала. Только успела подумать, как вдруг в коровнике поднялся какой-то шум. Маквала хотела туда бежать, но было уже поздно. Одна из коров вышла из стойла и направилась к телятнику.

— А ну-ка на место! — закричала Маквала, схватив палку. Она перегородила дорогу корове, и та замычала, замотала головой, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если б из-за ее спины неожиданно не выпрыгнул теленок. Он прильнул к соску, и животное сразу успокоилось.

В это время дверь коровника скрипнула.

— Это ты, Натела? — спросила Маквала, даже не повернувшись. — Я тут без тебя такой бой выдержала.

— Что здесь происходит, почему телят выпускаешь? — послышался в ответ мужской голос.

От неожиданности Маквала вскрикнула и обернулась. Но увидела перед собой знакомое лицо Вашакидзе и немного успокоилась. В этот момент она еще не успела подумать, как он мог здесь оказаться, когда ему надо бы быть у себя в кабинете, с Нателой. Может быть, потому она совершенно спокойно ответила:

— Теленок так мычал, говариц председатель...

— Теленок мычал, корова мычала, я понимаю, — перебил ее Вашакидзе, — но надо соблюдать порядок.

— Теленок мычал от голода. Натела не разрешает телятам сосать молоко, вот они и мычат. А она за их счет повышает надои. Разве это дело?

— Я об этом не знал, честное слово. Как же так можно? — удивился председатель.

— А Натела утверждает, что это вы приказали отлучить телят пораньше.

— Я не отрицаю, боже упаси. Но ведь этот еще совсем маленький. Он и траву, наверно, щипать как следует не умеет.

Сказав это, Вашакидзе взял корову за ухо и потащил ее к стойлу. Теленок пошел за ней. Маквале еле удалось оторвать его от соска.

— Ну вот, видишь, — сказал председатель, привязав корову. — Разошлись по домам, и никакого шума.

Он вытащил из кармана носовой платок, вытер руки и подошел к девушке. Глаза его налились кровью, заблестели. Он пожирал ее взглядом.

— Значит, ты их жалеешь, этих животных, — глотая подкативший к горлу комок, с трудом проговорил Вашакидзе. Он подошел к девушке еще ближе и погладил ее по щеке. — Я всегда думал, что ты похожа на звезду с неба, а ты, оказывается, еще и добрая.

— Почему вы так делаете? Вы за кого меня принимаете? — в страхе проговорила Маквала.

— За ангела, конечно. За ангела, спустившегося с неба, — ответил Вашакидзе. — Ты не осуждай меня, пожалуйста. Я и сам не хочу этого. Не хочу, но не могу сдержаться. Я схожу по тебе с ума. — Сказав это, он раскинул руки и решительно пошел на нее.

— Отойди, а то закричу! — попятилась девушка.

— Не бойся, я ничего не сделаю тебе дурного. Ну скажи, почему ты меня боишься, почему? Клянусь, я и пальцем тебя не трону. Я только хочу, чтобы ты меня слушалась. Если ты будешь меня слушаться, я завтра же утром увезу тебя отсюда. Ты будешь жить в Тбилиси. У тебя будет все, все, чего ты только пожелаешь. Я сделаю тебя самой счастливой женщиной в мире.

Прижавшись к стене телятника, Маквала первое время стояла молча, не в силах произнести ни слова. Потом вдруг она опомнилась и вскрикнула.

— Уйдите, а то я закричу! Созову всю деревню.

— Ну зачем тебе кричать, девочка моя? — возмутился Вашакидзе. — Что я делаю тебе плохого? Ну скажи, разве я виноват, что не могу жить без тебя? Ты ведь тоже не виновата, что родилась такой красивой.

Вашакидзе старался изо всех сил. Он пыгался тронуть ее сердце, разжалобить, но все, как назло, получилось наоборот.

— Не разговаривайте со мной так. И вообще отстаньте от меня. Чего вы от меня хотите?

— Только чтобы ты была счастлива. Прошу, умоляю, пожалей меня, — молил Вашакидзе. — Если я совершу сейчас какую-нибудь глупость, то в этом виновата только твоя красота. Гигла достоин тебя. Прогони этого бездельника, негодая, воруя. Никто на свете не будет любить тебя так, как я. Я буду твоим рабом, вот увидишь...

Он замолчал. Маквала тоже не в силах была произнести ни слова.
— Ну, хоть улыбнись, — снова взмолился председатель. — Хоть дай надежду.

— Никогда этого не будет, — твердо ответила девушка. — Напрасно тратите время.

— Маквала, разве ты не человек? Почему ты так поступаешь со мной? В чем я перед тобой провинился? — Вашакидзе закрыл вдруг лицо руками, и ей показалось, что он заплакал.

Маквала успокоилась.

«Может, он и правда любит меня?» — подумала она вдруг и тут же почувствовала, что это не так уж ей и противно.

Вашакидзе уловил эту перемену в девушке и теперь уже переселить себя был не в силах. Он неожиданно обнял ее и прижал к груди.

— Ой! Мама! Помогите! — закричала испуганная Маквала. Она пыталась вырваться из его рук, но он был сильнее и уже лихорадочно целовал ей шею, глаза, губы.

Вдруг послышался властный голос:

— Отпусти ее!

Вашакидзе отпустил девушку.

— Кто ты? Чего тебе надо? — спросил он испуганно.

Некоторое время Мамука и Вашакидзе стояли друг против друга, сжав кулаки, но ни один не решался ударить первым.

— А, это ты, парень, — первым заговорил Вашакидзе. — А я-то думал, кто это. Чего ты здесь делаешь так поздно? Чего тебе надо?

— Такой же вопрос я могу задать и тебе, председатель, — ответил Мамука.

— Но ты же знаешь, что я здесь по долгу службы. Это моя обязанность — проверять...

— И приставать к девушкам тоже твоя обязанность?!

— Слушай, ты, убирайся отсюда, пока цел, — рассердился Вашакидзе.

— Мы уйдем вместе, — сказал Мамука.

Вашакидзе не ожидал этого. Он был убежден, что парень отступит, как только узнает, с кем имеет дело, но случилось наоборот, и это разозлило его еще больше.

— Сейчас же убирайся отсюда, щенок! — завопил Вашакидзе и так толкнул парня, что тот чуть не упал.

— А ты не щенок, ты — собака!

— Кто, я собака?!

Мамука едва успел увернуться от удара, но следующий был уже точным.

Вашакидзе бил парня безжалостно. Мамука ничего с ним не мог поделать. Слишком уж черавны были силы.

Маквала, прижавшись к стене, дрожала от страха. Когда Вашакидзе стал избивать Мамуку, она закричала:

— Перестань! Отпусти его! Что ты делаешь?!

Вашакидзе, казалось, не слышал. Он продолжал свое, но к этому времени Мамука пришел в себя. У него появились новые силы, и теперь уже Вашакидзе надо было защищаться.

Потом они оба повалились на землю. Сверху был то один, то другой, пока наконец Вашакидзе не удалось вырваться, вскочить на ноги и выбежать вон.

Ночь была безлунная, и Вашакидзе словно растворился в темноте. Искать было бесполезно. Мамука уже возвращался назад, когда где-то совсем рядом взревел мотор и зажглись фары машины.

— Стой, стой! — закричал он, бросившись на свет, но машина тронулась, и он понял, что бежать нет смысла.

Когда машина скрылась, Мамука достал платок, вытер залитое кровью лицо и вернулся в коровник.

Маквала все еще стояла у стены. Боясь, что Вашакидзе вот-вот появится снова, девушка не сводила глаз с двери и дрожала от страха. Когда дверь отворилась, она даже вскрикнула, но узнала Мамуку и успокоилась:

— Спасибо тебе, Мамука, — сказала Маквала, когда он подошел к ней совсем близко. — Если бы не ты...

«Для тебя я и жизни не пожалею», — хотел было сказать он, но смутился и не проронил ни слова.

Они стояли молча и оба глядели на тусклую лампочку, подвешенную к потолку. Вокруг лампочки кружила стая крошечных бабочек. Бабочки носились, как угорелье, обжигались, касаясь раскаленного стекла, и падали вниз. На земле они уже не летали, а ползали и выглядели ужасно беспомощными.

«Так же, как я сейчас», — подумал про них Мамука.

В коровник вошла Натела. Кого-кого, а уж Мамуку увидеть здесь она явно не ожидала. Но она быстро справилась с удивлением, кашлянула для порядка и ехидно заулыбалась.

— Ой, извините, что я ворвалась так неожиданно, — проговорила она. Я сейчас уйду.

— Ну что ты, как тебе не стыдно? — возразила Маквала. — Ты нам нисколько не мешаешь.

— Конечно, не мешаешь, — сказал Мамука. — К тому же я сейчас ухажу. Уже поздно, а завтра надо рано вставать. До свиданья.

— До свиданья, — проговорила Маквала и уже вслед ему прокричала: — Большое тебе спасибо, Мамука!

— Что случилось, почему ты так плачешь? — спросила Натела. Ей было любопытно... тут что-то произошло... Но что?

Маквала не ответила. Лишь слезы из ее глаз полились еще сильнее.

— Послушай, я видела, как Вашакидзе летел на «Волге», как ошпаренный, — не унималась Натела. — Может, он тебя обидел?

Маквала начала говорить, лишь когда совсем успокоилась. Она подробно рассказала подружке обо всем, что случилось, но о драке умолчала.

— Я бы на твоём месте пожаловалась в партком, — посоветовала Натела. В душе она была рада, что все так случилось.

— Спасибо, но я этого делать не буду. Что было, то было, не стоит поднимать лишний шум.

«Посмотри на нее, какая хитрая, — подумала Натела. — Да и плакала она, наверно, только для виду. Сама небось рада, что все так вышло».

— Да, ты права, — сказала она вслух. — Действительно, не стоит поднимать шум. Бывает и хуже.

— Натела, только и ты никому ничего не говори. Я тебя очень прошу.

— Зачем ты мне об этом напоминаешь? Ты ведь этим обижаешь меня.

Она действительно сделала вид, что обиделась, но на следующий же день уже рассказывала каждому встречному о том, что Вашакидзе, оказывается, любит Маквалу и вчера Мамука застал их вместе в коровнике, когда они целовались.

14

После драки с Мамукой Вашакидзе прикинулся больным и несколько дней не выходил из дома. В тот вечер, когда машина Гиглы остановилась около ворот Чрдилели, он дремал на кровати, но, едва услышал визг тормозов, вскочил и подбежал к окну. Из «Волги» вышли Маквала и Гигла, постояли немного, о чем-то говоря, потом друг обнялись и стали целоваться.

От неожиданности у Вашакидзе потемнело в глазах. Он даже подумал, не сон ли это. Подумал и, словно проверяя себя, выбежал на веранду как был, в нижнем белье. Нет, это был не сон.

В эту ночь Вашакидзе долго не мог уснуть. Наконец он встал, зажег свет и уселся за стол. Ручка была во внутреннем кармане пиджака, бумага лежала тут же на столе. Он достал ручку, придвинул лист бумаги и написал заявление районному прокурору, в котором сообщалось о краже зерна.

Утром председатель пришел в правление, но не зашел в свой кабинет, как обычно, а прямо направился к секретарю партийной организации.

— На вот, прочти, — сказал он Чрдилели, — и подпиши, если не возражаешь, конечно!

Чрдилели прочел и не смог скрыть своего удивления.

— Ничего не понимаю, — проговорил он. — Еще несколько дней назад ты...

— Я был неправ, — прервал его Вашакидзе, — и спасибо тебе за то, что ты не уступил. Справедливость превыше всего.

— Это верно, — согласился Чрдилели, — но и преувеличивать тоже не годится. Насколько мне известно, Гиглу раньше никто не обвинял в воровстве. А ты тут пишешь, что это не первый случай.

— Ты прав, это, конечно, лишнее. Я зачеркну.

Он действительно переписал заявление и отправил его в прокуратуру. Затем вызвал Нателу, рассказал ей обо всем этом и попросил держать в тайне, зная, конечно, что она все равно не удержится и кому-нибудь да расскажет.

Выйдя из кабинета председателя, Натела сообщала эту новость, конечно по секрету, каждому встречному, а к Эпремидзе пошла даже домой.

В тот же вечер Резавс прибежал к председателю. Вашакидзе принял его, но не поднялся даже с тахты, на которой лежал.

Гость, как положено, справился о здоровье хозяина, но по всему было видно, что пришел он не за этим.

— Говорят, — как бы невзначай начал Эпремидзе, — тебя повышают должности. Я слышал, будто ты в райком переходишь?

Вашакидзе самодовольно заулыбался, хотя и стал отрицать, мол, вранье все это. Реваз знал, что не вранье, слухи такие ходили давно, но попытываться не поспел, да и не нужно ему это было.

— Может, вечером заглянешь ко мне? — спросил он председателя. — Я барана зарезал. Каурмой побалуемся.

— Не знаю, — проговорил Вашакидзе, — не могу обещать. Что-то нездоровится мне, всего ломит.

— Ну хотя завтра или послезавтра зайди, — не унимался счетовод. — Мы ведь все съестъ все равно не сумеем.

— Послезавтра... — задумался председатель. — Нет, послезавтра я не сумею. Не будет у меня для этого времени. Людей жду из прокуратуры.

— Из прокуратуры? А зачем они приезжают?

— По делу твоего Гиглы.

Голос Вашакидзе был таким решительным и спокойным, что Реваз не на шутку испугался. Откровенно говоря, он не очень-то верил словам Нателы и даже на что-то надеялся, но теперь уж сомнений быть не могло.

— Что делать? — безразлично продолжал председатель. — Если бы я не сообщил, сообщили бы другие.

— Но ты ведь не веришь, что Гигла мог украсть, — взмолился Эпремидзе, — ну скажи, веришь?

— Я-то не верю, — успокоил его председатель, — но это не меняет дела. Даже не снимает обвинения. Ты ведь знаешь, Окро его обвиняет. Да и мне он покоя не дает. Если, говорит, не привлечешь Гиглу к ответственности, я на тебя пожалуюсь. Я ведь не сразу, Реваз, прокурору сообщил. Хотел дать тебе время. Почему же ты дела с этим Окро не уладил?

— Не вор мой Гигла, поверь. Ну, а если даже и так, если вдруг нечистый его поштал, как же ты можешь из-за двух мешков зерна парня губить?

Вашакидзе многозначительно посмотрел на Реваза.

— Это я-то его гублю? Вот что, мой милый, кто его губит, к тому и иди.

— Если ты не дашь делу ход, Окро будет молчать. Будь спокоен, об этом уж я позабочусь. А так... так даже нет смысла что-нибудь делать. Так мы погибли.

— Просто не знаю, что тебе посоветовать. — Вашакидзе задумался, хотя по всему было видно, что в его голове созрел план, но раскрыть его он пока не решался, — Вот если бы... — снова проговорил Вашакидзе.

— Говори, говори... — заинтересовался Реваз.

— Понимаешь... — Лицо председателя сделалось серьезным, и в голосе его Эпремидзе почувствовал заинтересованность. — Клянусь честью, Реваз, я этой историей расстроен не меньше тебя. Только вот слишком уж много людей о ней знают. Впрочем, есть один выход.

— Какой же? — зажегся Эпремидзе.

— Очень простой. У жены секретаря парткома управления есть незамужняя сестра. Недавно супруга товарища Мшвидобадзе видела Гиглу, и он ей очень понравился. Какой, говорит, красивый, представительный парень. Вот я и подумал: а почему бы нам его не сосватать этой незамужней сестре?.. Хотел бы я посмотреть на того, кто тогда посмеет твоего Гиглу тронуть? Такой свояк многого стоит. Он и в институт Гиглу устроит, и работу ему подыщет хорошую. Ну, как ты на это дело смотришь?

— У тебя светлая голова, мой дорогой Амиран. Только разве пошлет нам господь такое счастье?

— Ты только заручись согласием Гиглы, а там не беспокойся. Остальное я беру на себя. Идет?

— Идет, — согласился Реваз. — Ты только сделай это дело. Магарыч за мной.

Когда Манана позвонила Вашакидзе и попросила срочно приехать, он решил, что она хочет сообщить ему что-то приятное.

«Чем черт не шутит, — думал председатель по дороге в райцентр, — может, она узнала что-нибудь о моем повышении?»

Манана была одна. Мшвидобадзе еще утром уехал в Тбилиси, и, зная об этом заранее, она отправила Кетико к тетке в деревню. Однако все время, что пришлось ждать, она была беспокойна, нервничала, ничем не могла заняться и простояла у окна до тех пор, пока у дома не остановилась машина Вашакидзе.

— Ну вот, слава богу, приехал, — облегченно вздохнула Манана, радостно побежала к зеркалу, пригудрила нос и, дрожа от волнения, пошла открывать.

Каково же было ее удивление, когда прямо перед собой она увидела Кетино и лишь несколько позже, позади нее — ослепительно улыбающегося Вашакидзе.

— Что, не ожидала меня так быстро? — спросила Кетино у растерявшейся сестры.

— Что за глупости ты говоришь? — рассердилась Манана. — Войди-ка сначала в дом и пропусти гостя, а потом будем разговаривать.

Когда они, наконец, вошли в гостиную, Кетино стала оправдываться:

— Тети не было дома, вот я и решила вернуться. К счастью, мимо автостанции проезжал Амиран, он меня и подвез.

— Странно, чего это тебе так домой не терпелось? — ехидно спросила Манана. — Обычно ты не торопишься.

Кетино, конечно, не ожидала такого приема.

— Не понимаю, почему ты злишься? Если тебе неприятно мое присутствие, я могу сейчас же уйти. — Кетино вдруг расплакалась и, закрыв руками лицо, выбежала в другую комнату.

— Ну, что ты, глупышка, зачем же плакать? — бросила ей вдогонку Манана. — Значит, с тобой и пошутить нельзя, так, что ли?

— Я не привыкла к таким шуткам, — сквозь слезы проговорила Кетино и захлопнула дверь.

«Ну теперь они не скоро помирятся, — подумал Вашакидзе. — Как бы это не помешало делу. А может, наоборот, обрадую одну и другую? Впрочем, будь что будет».

— Послушайте, Манана, — сказал он так, чтобы наверняка было слышно за дверью. — Какое время ссориться? Я ведь к вам с хорошим предложением пришел, как сват.

— Сват? — удивилась Манана.

— Да, хочу Кетино выдать за одного прекрасного парня.

— Не может быть! — обрадовалась старшая сестра. — Ну говори же скорее, что за парень. Чего ты ждешь?

— Гигла Эпремидзе.

— Я такого не знаю.

— Ну как же? Да это ведь тот самый...

Вашакидзе специально не договорил. Остальное он сказал Манане шепотом на ухо.

Проводив Вашакидзе, Манана поспешила к сестре.

— Ну, моя милая, — сказала она как ни в чем не бывало, — я тебя поздравляю.

— С чем это, хотела бы я знать? — спросила Кетино.

— Как это с чем? С прекрасным будущим. Амиран сватает тебя за прекрасного парня. Я его видела и сразу же обратила внимание. Отличный парень: высокий, стройный, красивый...

— А мне наплевать. Я за него замуж не пойду.

— Это почему же?

— Потому.

— Эх, милая ты моя сестренка... Я-то, конечно, знаю, кого тебе хочется. Но подумай хорошенько сама, если бы у Амирана были на тебя виды, разве он стал бы сватать тебя за другого?

— Но ты ведь сама меня уверяла, что я ему нравлюсь.

— Значит, я ошибалась. Да и что, разве на нем одном свет для тебя клином сошелся? Плюнь ты на него и поверь мне. Этот Гигла ничуть не хуже. А может, даже и лучше. И родители у него состоятельные. Чего тебе еще надо?

Кетино захныкала, и Манане стало ее жаль. Она подошла к сестре, обняла ее за плечи, прижала к груди.

— Девочка ты моя, — сказала Манана, — если бы ты знала, какое счастье для женщины иметь семью. Иметь любимого мужа, детей...

Кетино успокоилась, заулыбалась.

— Ну так что, ты согласна? — обрадовалась Манана.

— А вдруг он мне не понравится?

«Скорее всего ты ему не понравишься. Это тебе не приходит в голову?» — подумала старшая сестра, но вслух сказала другое:

— Об этом не беспокойся... Парень он что надо.

Итоги минувшего литературного года

Прошедший год, как, впрочем, и все предшествующие ему и уже ставшие уделом истории, был для нашей страны очень значительным, по-своему достопримечательным и во многом неповторимым.

Для характеристики его достаточно и того обстоятельства, что в 1972 году наша великая Отчизна, все братские народы с исключительной радостью и гордостью отпраздновали полувековой юбилей Союза Советских Социалистических Республик. Превратившись в большое торжество советского народа, народа-победителя, народа-созидателя, этот замечательный всенародный праздник получил отзвук далеко за рубежами Страны Советов.

Столь знаменательная дата не могла не наложить своего отпечатка на все области нашей духовной жизни и, конечно, в первую очередь на литературную жизнь, поскольку подготовка к ней началась задолго до юбилейных празднеств.

В связи с этим хочется подчеркнуть, что это большое историческое событие минувшего года и, в частности, связанный с ним доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева «О 50-летию Союза Советских Социалистических Республик» дают много принципиально нового и полезного и для литературного дела, поистине громаднейшей области великого созидательного труда советских людей, для всего дальнейшего развития советской теоретической мысли, для эстетики социалистического реализма, для всей нашей литературно-художественной практики.

Этот исключительно важный и в теоретическом и в практическом отношении документ, несомненно, явится большим стимулом для активизации и последующего усиления боевого наступательного духа советской художественной и научной мысли, всей литературы социалистического реализма и вообще для активизации всей нашей общественной жизни.

В докладе Л. И. Брежнева, содержащем глубокий анализ опыта исторического развития многонационального Советского государства, сказано: «...Ломка национальных перегородок, о значении которой не раз говорил Ленин, формирование предпосылок для дальнейшего сближения народов СССР происходят и в материальной, и в духовной сферах. Могучим объединяющим началом стали общность исторических судеб всего советского народа, всех составляющих его наций и национальных групп, совместные традиции, взгляды, жизненный опыт, рожденные полувековой совместной борьбой и совместным трудом».

«Возникновение в нашей стране новой исторической общности людей — советского народа, — говорится далее в этом докладе, — наше великое достижение. Мы вправе рассматривать его как своего рода обобщенный итог тех экономических и социально-политических перемен, которые за полвека свершились в нашей стране».

Как отмечает академик М. Митин в своей статье, опубликованной в газете «Правда», «раньше, характеризуя становление социалистического общества, мы справедливо подчеркивали роль индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции. Теперь в одном ряду с «тремя китами» социалистической революции по праву занимает свое место национальный вопрос. Этим самым строительство социализма и коммунизма в СССР встает перед всем миром во всей многогранности и масштабности.

В докладе Л. И. Брежнева получило дальнейшее творческое развитие нашей партией ленинского учения по национальному вопросу, сделаны новые теоретические выводы»¹.

Для советской литературы большое значение имеют положения доклада, касающиеся роли и значения новой исторической общности людей — советского народа, интернационализации всей общественной жизни и дальнейшего сближения наций и народностей Советского Союза. В докладе тов. Л. И. Брежнева мы читаем: «За полвека существования СССР у нас сложилась и расцвела

¹ См. газету «Правда» от 27 января 1973 г.

единая по духу и по своему принципиальному содержанию советская социалистическая культура. Эта культура включает в себя наиболее ценные черты и традиции культуры и быта каждого из народов нашей Родины. В то же время любая из советских национальных культур питается не только из собственных родников, но и черпает из духовного богатства других братских народов и, со своей стороны, оказывает на них благотворное влияние, обогащает их». И что: «В разнообразии национальных форм советской социалистической культуры все заметнее становятся общие, интернационалистские черты. Национальное все больше оплодотворяется достижениями других братских народов. Это прогрессивный процесс. Он отвечает духу социализма, интересам всех народов нашей страны. Именно так закладываются основы новой, коммунистической культуры, которая не знает национальных барьеров и в равной мере служит всем людям труда».

Новизной, смысловой емкостью и глубиной отмечено данное в докладе определение социалистического содержания и многогранности национальной формы: «Сегодня мы уже с полным правом можем сказать: наша культура — социалистическая по содержанию, по главному направлению своего развития, многообразная по своим национальным формам и интернационалистская по своему духу и характеру. Она представляет собой, таким образом, органический сплав создаваемых всеми народами духовных ценностей».

Принципиально важно то положение доклада, где речь идет о превращении русского языка в один из распространенных языков мира, в могучее средство общения братских народов СССР: «Быстрый рост межнациональных связей и сотрудничества ведет к повышению значения русского языка, который стал языком взаимного общения всех наций и народностей Советского Союза. И всех нас, товарищи, конечно, радует, что русский язык стал одним из общепризнанных мировых языков!».

В наше время, в пору зрелого, развитого социализма, когда наше государство все более и более становится общенародным, все это приобретает первостепенное значение.

Если минувший год как бы увенчался таким событием исторической значимости, как полувековой юбилей Союза Советских Социалистических Республик, то и начало его было ознаменовано принятием такого важного общественно-политического документа, как постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике».

Не останавливаясь на задачах, поставленных перед критикой Центральным Комитетом КПСС, ибо они всем хорошо известны, скажу лишь, что грузинская литература не могла оставаться в стороне от этих двух больших общественных явлений; именно они в значительной мере повлияли на весь ход ее развития, на всю нашу художественную практику. Яркое свидетельство тому плодотворная в целом работа грузинских писателей в истекшем году.

Какую же «жатву» сняли мы за этот год?

Постараюсь нарисовать хотя бы схематично картину литературного года, причем, обрисовать ее по основным жанрам, так как охватить все невозможно. Поэтому остановлюсь более или менее подробно на работе грузинской литературной газеты «Литературиლი Сакартвело» и двух «толстых» грузинских журналов — «Мнатоби» и «Цискари», ибо третий журнал — «Литературная Грузия» — выходит на русском языке и, печатая большей частью переводы произведений грузинских авторов, естественно, помещает на своих страницах многое из того, что появлялось в этих двух грузинских журналах. Коротко охарактеризую и отдельные издания.

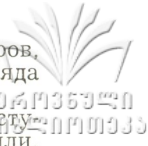
* * *

Говоря о грузинской художественной прозе прошлого года, с удовлетворением хочется отметить все ту же высокую активность, которая была ей присуща в последние 10 — 15 лет. И очень отраднo, что она не спадает!

Как известно, до этого грузинская проза хронически отставала от жизни, не стояла на желаемом нам уровне, не занимала того ведущего места, которое и по традиции, и по своим потенциальным возможностям должна была занимать.

Являясь не только богатой, самобытной, непрерывной в своем развитии областью грузинской литературы, она в то же время очень традиционна для нее. На протяжении пятнадцативековой истории грузинского литературно-художественного творчества проза всегда играла ведущую роль. Поэтому неправильно утверждать, будто только лирика созвучна грузинскому национальному характеру, будто лишь она более соответствует укоренившимся литературным традициям.

«Равновесие», которое установилось за последние полтора десятилетия в отношении поэтического и беллетристического творчества (поэзии и прозы), в

значительной мере повлияло на различие и характер литературных жанров, на своеобразие их развития, в результате чего мы стали свидетелями ряда отрядных явлений.

Это в определенной мере вызвано тем, что на литературное поприще вышло новое поколение грузинских прозаиков: Н. Думбадзе, Г. Рчеулишвили, А. Сулакаури, О. Иоселиани, Э. Кипиани, Р. Инанишвили, Л. Мрелашвили, Т. Чиладзе, М. Элиозишвили, Г. Панджикидзе, Н. Цулейскири, Р. Чеишвили, Г. Гегешидзе и другие.

Несомненно их большая роль в активизации современной грузинской прозы. Начав свою литературную деятельность после середины пятидесятых годов, они быстро вошли в форму, и вскоре их творчество получило всеобщее признание.

В грузинской прозе последних лет заметно обращение известных поэтов к этому жанру. В новом для себя «амплуа» художественной прозы мы видим ряд поэтов. Это первым делом Г. Абашидзе, А. Сулакаури, Д. Квицианидзе, Т. Чиладзе, Л. Мрелашвили, А. Шенгелия и некоторые другие.

Совместными усилиями нового подкрепления грузинской прозы (как пришедшего из другого жанра, так и вновь приобретенного в ходе притока молодых сил) и предыдущих поколений — старшего (К. Гамсахурдиа, Д. Шенгелия, С. Кидиашвили, А. Кутатели, К. Лордкипанидзе, Г. Натрошвили, Л. Готуа и другие) и среднего (Т. Доникашвили, О. Чхеидзе, Р. Джапаридзе, Г. Гогичаишвили, Л. Авалиани и другие) — значительно усилена «производственная мощь» современной грузинской прозы.

Но обращение ряда поэтов к художественной прозе явление отнюдь не вынужденное, порою обусловленное иссяканием поэтических сил. Напротив, в нем нам видится насыщенная потребность в чередовании двух разновидностей литературы (прозы и стиха), которое нередко приносит положительный результат для творческой личности (при условии ее несомненной одаренности). Это своеобразная отдушина, порою столь необходимая писателю; подобное же перемещение «главного удара» своего творчества с одного жанра на другой нередко чрезвычайно плодотворно. В качестве примера назову двух известных поэтов разных поколений — Алио Адамия и Отара Чиладзе.

А. Адамия опубликовал интересный роман на современную тему «Большая и маленькая Екатерины», а Отар Чиладзе, талантливый представитель нового поколения, закончил в этом году исторический роман «Шел человек по дороге». Никогда до этого О. Чиладзе не обращался к прозе.

Несколько слов о романе Алио Адамия. Это произведение критического пафоса, отличающее некоторые недостатки нашего быта на примере жизни современной интеллигенции. Особенно сильно критикуется в нем мещанский подход к пониманию личного счастья, стремление некоторых людей ограничить жизненные цели и задачи лишь собственным благополучием, забвение принципов гражданственности и общеобязательных норм поведения. А все это часто проявляется с виду во вполне «интеллигентной» среде. В романе А. Адамия во всем своем «блеске» перед нами предстает такой себялюбивый интеллигент, стремящийся всеми средствами достигнуть личного благополучия. Ему противостоит персонаж, искренне стремящийся принести пользу обществу.

Безусловно, многообещающ роман Отара Чиладзе «Шел человек по дороге». Автор обращается в нем к далеким временам Меден и Язона, к периоду ранней греческой колонизации. Но, несмотря на отдаленность изображаемой им эпохи, он хорошо чувствует дыхание нашей жизни. И как это всегда бывает в настоящем художественном произведении, в романе ощущается параллель с современностью благодаря тем жизненным примерам и явлениям, подобранным писателем, которые имеют место и сегодня и, очевидно, будут существовать и в будущем.

Роман написан прекрасным языком. Так бывает, когда хороший поэт переходит к прозе. Стиль отработан безупречно. Невольно поражает, что первый же прозаический опыт поэта отличает столь высокий уровень. «Шел человек по дороге» — в определенном смысле произведение философское, и это обстоятельство значительно расширяет его рамки.

В силу того, что журнал «Мнатоби» провел большую работу по привлечению прозаиков, ему удалось опубликовать в 1972 году несколько заслуживающих внимания романов. Вероятно, скоро они появятся на русском языке — в «Литературной Грузии».

В романе «Преображение» В. Урджумелашвили описана судьба молодого инженера, вышедшего из честной трудовой крестьянской семьи. Герой попадает в чуждую ему и по воспитанию и по духу среду. Он человек благородный, преисполненный стремления нравственно победить своих противников. И в этом основной пафос произведения, смело, едко бичующего пережитки в быту и в

морали, в частности, такие, как стяжательство, которое, к сожалению, имеет еще более чем достаточное распространение.

Жизненностью, искренностью, яркостью колорита привлекает роман Ладо Мрелашвили «Кабахи» (в истекшем году опубликована его вторая часть). Писатель умело пользуется народными истоками литературы, прекрасно владеет разговорным языком. Стиль его, в отличие от некоторых современных (особенно молодых) грузинских писателей, не выхолощен, не приглажен. В «Кабахи» великолепно описано современное село, в особенности та колхозная верхушка, которая стремится во что бы то ни стало набить карман. С сожалением надо признать, что такие примеры в колхозной жизни не единичны и не случайны.

Известно, что за последнее время в Грузинской ССР был вскрыт ряд серьезных недостатков в партийно-организационной работе, в хозяйственной и культурной областях; случаи правонарушений, забвения партийных норм поведения, неорганизованности, недисциплинированности позорили нашу республику, нашу действительность.

Все это нашло отражение в постановлении Центрального Комитета КПСС о работе Тбилисского городского комитета партии. Это дальновидное и своевременное постановление ЦК КПСС помогло партийному и советскому руководству республики быстро и оперативно разобраться в создавшемся положении, наметить и осуществить ряд конкретных и действенных мер по ликвидации выявленных недостатков. Эта напряженная и продуманная работа ведется у нас и в настоящее время.

И похвально, что грузинские писатели, передовая часть которых — коммунисты, одними из первых почувствовали необходимость серьезных мероприятий по оздоровлению создавшейся атмосферы; вооруженные постановлением ЦК КПСС, они смело подняли голос против недостатков, позорящих советскую общечеловечность, против недисциплинированности, неорганизованности, индивидуализма, стяжательства, преступного хладнокровия. Можно сказать, что современная грузинская литература своевременно отреагировала на жизненные явления и, сориентированная Коммунистической партией, решениями XXIV съезда КПСС, сумела правильно понять и оценить стоящие перед ней задачи, найти свое место в общем строю.

Создавшимся в республике положением объясняется сильная критическая струя в художественной прозе прошлого года. Она чувствуется как в произведениях уже названных, так и в тех, о которых я еще скажу. Они подтверждают, что грузинские писатели верно выбрали основное направление удара и поставили на повестку дня ряд злободневных, острых, актуальных вопросов современной жизни и быта.

В 1972 году были напечатаны произведения и иного плана. Это, например, новые рассказы Григола Чиковани, а также его книга «Вадилан-вадила», вышедшая на русском языке (издательство «Художественная литература»). В ней объединены понравившиеся русскому читателю «Одишские рассказы» Григола Чиковани и его последний роман «Февраль» — об установлении Советской власти в Грузии. Книга эта представлена на соискание Государственной премии СССР. Произведения писателя колоритны и поэтичны. И хотя рассказы его главным образом опираются на исторический материал, в них хорошо показаны народ и его жизнь.

Радует неувядающий талант такого большого мастера грузинской советской прозы, как Серго Клдншвили, который и в минувшем году опубликовал несколько рассказов. Большинство произведений последних лет он посвятил переломному моменту в истории грузинского народа, 90-м годам прошлого века, то есть началу революционно-освободительной борьбы и эпохи первой русской революции. Последние же его рассказы посвящены современности. В них художественно отразились чувства, помыслы, стремления людей сегодняшнего дня.

Новая повесть Ростоме Бежанишвили «Последний перегон» — о грузинском рабочем классе. В ней выведен образ грузина-машиниста, который, не принимая исторического хода явлений, невольно мог оказаться штрейкбрехером, но потом превратился в убежденного революционера. Этот процесс духовного преобразования рядового человека предстает перед нами наглядно и убедительно. «Последний перегон» — не первое произведение писателя о рабочем классе. Еще в 1954 году был опубликован его роман «Судьба солдата», главный герой которого становится кадровым рабочим. Отрадно, что новая повесть Р. Бежанишвили получила премию Союза писателей СССР и ВЦСПС на всесоюзном конкурсе на лучшее произведение о рабочем классе.

Отар Чиджавадзе — писатель среднего поколения, которому долгое время пришлось жить за рубежом — во Франции. Там он вступил в ряды Французской коммунистической партии, боролся вместе с французскими коммунистами. Его роман «Самоубийцы» — интересное и поучительное произведение, отличаю-

щеся реальностью ситуации, правдивостью характеров и увлекательным сюжетом. В 1972 году написана и опубликована вторая книга этой трилогии.

Рассказ Николая Микава «Пора величия» посвящен классику грузинской литературы Александру Чавчавадзе — родоначальнику грузинского романтизма, который был близок к русским декабристам. Он знал Пушкина и Лермонтова, встречался с ними, был тестем Грибоедова. Образ этого интересного человека и поэта автор воскрешает и в другом рассказе — «Под занавес».

Следует отметить рассказ О. Иоселиани.

В конце истекшего года в журнале «Мнатоби» появилось пятое по счету крупное произведение Нодара Думбадзе — «Белые флаги». Хотя оно будет завершено в первом номере «Мнатоби», уже сейчас можно сказать, что этот многообещающий роман интересен по стилю, по богатой лепке характеров, запоминающимся ситуациям, колоритности, пластичности, яркости и жизненности.

Любопытен его сюжет. Сам по себе он не нов — чистый, бескорыстный, благородный молодой человек случайно попадает в тюрьму и там, сталкиваясь с разными людьми, соприкасается с миром преступности, аморальности. Вот этот контраст и создает коллизии, движущие действие опубликованной части романа.

Если в «Мнатоби» упор делается на романы, то в журнале «Цискари» преобладают рассказы и повести (в грузинской литературе нет жанра повести, и мы имеем в виду рассказы, которые по своему характеру тяготеют к повести). Возможно, это объясняется тем, что в «Цискари» преимущественно печатают молодых авторов, а они обычно начинают с рассказов.

За последний год в журнале можно найти ряд интересных новинок. При чем все они касаются жизни и быта наших современников. В «Цискари» был напечатан один роман писателя, к сожалению, пока мало известного русскому читателю и читателям братских народов. Это — Чабуа Амiredжиби.

В его романе «Дата Туташкия» дана картина начала революционно-освободительной борьбы грузинского народа на заре нашего века, выведен новый характер борца за народную свободу.

Показывая звериное лицо фашизма, мы порою оглуляли всех немцев, всех врагов. В результате получались ходульные, гротескные фигуры. А ведь это был умный и поэтому страшный, сильный, коварный враг, который своими корнями уходил в политические и социальные явления своей страны, своей эпохи.

Есть также романы, где нарочито оглулены все представители самодержавия. При таком изображении напрашивался вывод, что царская власть держалась только на глупости, а не на особых социальных и политических устоях, которые надо было разрушить, а сделать это было крайне трудно — на это потребовалась масса сил, жертв, крови.

Показывая революционно-освободительную борьбу, Ч. Амiredжиби не умаляет достоинств грозного противника, напротив, он рисует его хитрым, смелым, коварным. Это враги, которые могут постоять за себя и беспощадно бороться с революционным началом. Отсюда накал борьбы, ее драматизм. Все это показано через живые, полнокровные образы. Роман Чабуа Амiredжиби — широкое, сложное, многоплановое полотно грузинской прозы последних лет. Правда, роман еще не закончен, опубликована лишь одна его часть, но она во многом примечательна.

Историческая тема представлена отрывками из романа Григола Абашидзе «Цотне Дадияни». Опубликованная в «Цискари» часть озаглавлена «Эргаслан Бакурисцихели».

Г. Абашидзе — автор двух широкоизвестных исторических романов «Лашарела» и «Долгая ночь». Оба изданы на русском языке, о них не раз высказывалась русская советская критика. Роман «Цотне Дадияни» — третья, завершающая книга трилогии. В центре событий, относящихся к середине тринадцатого века, Ц. Дадияни — известный государственный и общественный деятель. Это эпоха господства монголов в Грузии. Цотне был одним из организаторов всенародного движения против их владычества.

Его единомышленники организовали заговор против монголов. Они были схвачены, осуждены и приговорены к пытке: осужденных оголяли, смазывали медом и клали на солнце. Цотне не был среди них, но, когда он узнал об участи своих товарищей, тут же явился к месту казни, разделся и сел вместе с другими. Он заявил: если монголы судят невиновных людей и мучают их, то и он невиновен и тоже к их услугам.

Образ этого бесстрашного борца за свободу народа лег в основу нового произведения Г. Абашидзе. Без ложной идеализации прошлого, на примере проверенных эпизодов народно-освободительной борьбы, в которых проявлялся дух и характер народа, передана историческая правда целой эпохи, закономерность социальных и классовых явлений, создана яркая картина прошлого.

Историческим произведением Г. Абашидзе свойственны глубокое проникновение в эпоху, незагулающий интерес к жизни широких народных масс, умение найти и впечатляюще преподнести характерные черты народа. Все это в полной мере проявилось и в новой его работе.

Историческая тема лежит в основе и напечатанного в «Цискари» в прошлом году рассказа молодого автора Гиви Магулария «Бунтовщики».

Вся же остальная литературная продукция журнала в 1972 году, то есть подавляющее ее большинство, на современную тему. Такое ее преобладание над исторической тематикой свидетельствует о возросшем интересе к сегодняшнему дню.

К недавнему революционному прошлому обращен рассказ Константина Лордипанидзе «В мутной воде» — о первых комсомольцах-грузинах, о борьбе за Советскую власть. Это излюбленная тема автора, и он успешно воплощает ее в художественные образы.

Рассказ Георгия Хоргуашвили «Черная душа» (журнал «Цискари») — изображение характера. В нем показано, насколько сильны в некоторых людях такие пагубные качества, как корысть, эгоизм, индивидуализм, карьеризм, подхалимство, в силу чего, к сожалению, и сегодня еще удается кое-кому всплыть на поверхность и занять ведущее положение в обществе.

Жизни и моральному облику современной молодежи посвящены рассказы Ираклия Бернашвили, повесть Тамаза Бибилури «За всех святых» и рассказ Гурама Дочанашвили «Мой Бучута, наша Тереза». В этом сатирического склада произведении ярко и красочно передано столкновение положительного начала нашей жизни с ее отрицательными явлениями, сопутствующими росту и возмужанию нового человека.

На конкретных примерах, рисуя образы живых людей, рассказывает Георгий Зедгенидзе о современной Месхетии. Это хороший образец прозы, имеющей документальную основу, которая получает все большее распространение в нашей литературе.

Месхетия — этот пленительный уголок Южной Грузии — колыбель грузинской национальной культуры, родина Шота Руставели, край волшебной природы и высоко развитого сельского хозяйства. В результате постоянных нашествий Турции и Ирана он превратился в руины. Но вот сюда пришли советские люди и вновь обжили запустелые места. Месхетия восстала из пепла и руин. Она вся преобразилась. Именно об этом преобразовании края — древней земли грузин — и повествует Георгий Зедгенидзе.

Рассказ Валерия Чекуришвили «Судьба» — о современных грузинах-горцах, о тех, кто ведет изумительную по стойкости и выносливости борьбу со стихией за ту же высокую цель — обновление древней земли.

«Ферейданские рассказы» Ильи Руруа отражают сегодняшнюю жизнь нескольких тысяч семей, насильно переселенных в XVII веке из Грузии в Иран, где они сохранили свой язык, свои нравы и обычаи. И сейчас эти люди переживают, что находятся в отрыве от родины. На этом и основан этот яркий и волнующий рассказ.

Колоритны «Мухительские мастера» Бориса Чхеидзе, писателя старшего поколения, глубоко изучившего жизнь сельских тружеников, воспевающего их патристический труд.

Вызвали интерес новые произведения Т. Гоголадзе, Эл. Зедгенидзе, С. Демурханшвили, Г. Гелашвили, Р. Мешвиладзе, А. Васадзе, С. Кетелаури.

Кроме произведений, напечатанных в журналах в минувшем году, следует отметить и те, которые вышли отдельными книгами. Среди них и одноименный Тамаза Чиладзе, талантливый представитель нового поколения. Он хорошо знает жизнь и смело вторгается в нашу действительность. Его выделяет своеобразие стиля, отмеченного несомненной новизной. Даже говоря о мелочах, он умеет придать им общественное звучание. Впечатляют внутренняя сила и убежденность автора. Пишет он ярко, рельефно.

Отрадно, что незабываемые события Великой Отечественной войны ожили под пером наших писателей и в отчетном году. И это не случайно: Великая Отечественная война — вечная тема советской литературы, в том числе и грузинских писателей. Ведь на этой войне менее четырех миллионов грузин послали на фронт более 600 тысяч человек. Это большое место не только для русского, украинца, белоруса, испытавших на себе все мытарства войны, но и для каждого грузина. Ведь это была война не на жизнь, а на смерть для всех братских народов Советского Союза.

О борьбе грузинских партизан в белорусских лесах пишет Давид Квицианидзе, сам активный участник партизанских боев. В его книге «Прощайте, дремучие леса» правдиво, без прикрас описаны мужественные образы народных мстителей, благодаря самоотверженности которых под ногами фашистских захват-

чиков всюду «горела земля». Эта книга обогащает нашу литературу об Отечественной войне.

Уже вышли первые книги многотомных сборников таких авторов, как С. Квдиашвили, однотомники И. Лисашвили, А. Ломидзе.

Серго Квдиашвили — один из крупнейших мастеров грузинской советской прозы, старейший наш прозаик. Выход первого тома его собрания сочинений, безусловно, факт большого историко-литературного и общественного значения.

Большие заслуги перед грузинской советской литературой у Иакинте Лисашвили, одного из основоположников грузинской пролетарской литературы. Его книги и на современную и на историко-революционную темы широко известны.

Свое место в строю грузинских советских писателей занимает Андро Ломидзе, представитель так называемого «среднего» поколения прозаиков, первый грузинский маринист. Его произведения о жизни и труде грузинских моряков, и военных и гражданских, завоевали их автору широкую популярность.

Несомненный интерес вызывает сборник «Цветок, выросший в военном шлеме» Акакия Гецадзе, ярко представляющего новое поколение грузинских писателей. Это — по-настоящему хороший подарок читателям.

Вышла также книга, объединяющая три романа такого талантливого беллетриста нового поколения грузинских писателей, как Отия Иоселнани. Но поскольку эти его произведения, как и произведения вышеупомянутых писателей, представленные в их однотомниках, созданы задолго до 1972 года, мы не будем здесь их касаться.

Приобщим лишь к ним сборник рассказов и очерков Симона Цверав, «Избранное» О. Чиджавадзе, объединяющее все рассказы, и первую часть его романа, новый роман Элизбара Майсурадзе «Потерянные мечты», недавно вышедшие книги Мирона Хергани, Мартины Минтеги Бильбао и некоторых других.

Военную тематику нашей беллетристики обогащают книги военных деятелей, которые сами прошли через горнило войны. Их авторы — генералы Курашвили и Бабалашвили, капитан первого ранга Я. Иоселнани, военный журналист подполковник Кокилашвили и некоторые другие своими воспоминаниями, очерками, повестями помогают новому поколению читателей, не изведавших военных тягот, глубже постичь подвиг своих отцов и старших братьев.

Но еще много героев и много подвигов не раскрыто, о них ничего не известно. Поиск по следам Отечественной войны — дело благородное, исполненное патриотизма. И мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы ничто не было забыто и никто не был забыт.

Разнообразнее и насыщеннее стал в журналах раздел очерка, этого наиболее оперативного и мобильного жанра. Стоя на стыке художественной и документальной прозы, он незаменим, когда необходим быстрый и своевременный отклик на запросы нашей быстротекущей современности.

Из очерков, опубликованных в 1972 году, выделим очерк Гурама Панджикидзе о прославленном грузинском сталеваре Панцулая. Технологические процессы и машины не заслоняют в нем людей, тружеников новаторского склада, их чувств, переживаний и помыслов.

Удачны, на мой взгляд, очерки Николая Микава «Когда поют дожди» и «Рождение света». В особенности запоминаются художественные пассажи первого из них. Вот, к примеру, один интересный эпизод... Половодье. Разбушевавшаяся водная стихия размывла кладбище, где погребены участники Великой Отечественной войны. Вода уносит их тела. Вся деревня как один человек выходит на борьбу со стихией, чтобы спасти трупы погибших и снова их захоронить. В этом эпизоде образно-эмоционально передано отношение советских людей к тем, кто отдал жизнь за свободу и независимость своей Родины.

Появившаяся в минувшем году и произведения приключенческого жанра к примеру, можно назвать книгу Иорама Чадунели «Расплата». Автор сумел придать освещаемым событиям социальный аспект, который умело перемежается с элементами, присущими детективу и приключенческому жанру.

Нельзя без горечи отметить и ту большую потерю, которую понесла в прошлом году грузинская литература со смертью талантливого прозаика Эдшера Килиани.

Подытоживая работу, сделанную грузинскими прозаиками за истекший год, можно сделать несколько обобщающих выводов.

Первое. Все еще мало произведений, отражающих героические дела советского рабочего класса. Это, пожалуй, один из основных и наиболее существенных недостатков современной грузинской прозы. Сегодня эта тема имеет и политическое значение, ибо зарубежные антисоветчики утверждают, будто

главенствует в нашем государстве не рабочий класс, а интеллигенция, в частности научно-техническая интеллигенция, которая якобы давно откололась от советского рабочего класса и превратилась в самостоятельный и самодовлеющий класс. Мы должны показать всю ложность подобных клеветнических измышлений, показать то ведущее место, которое в жизни нашего социалистического общества занимает советский рабочий класс.

Грузинской литературе, и в частности художественной прозе, надлежит уделять больше внимания теме рабочего класса, тем более что современная Грузия это высокоразвитая индустриальная республика. У нас есть чисто промышленные города, такие как Рустави, Чиатура, Маднеули, Ткибули, Тьварчели. Основной их народнохозяйственный профиль абсолютно промышленный. В этих городах живет рабочий класс, который пока не стал объектом художественного изображения. А сколько полнокровных чудесных героев может перекочевать из этих городов и предприятий республики в романы и рассказы наших писателей! Как обогатилась бы наша литература, если бы мастера художественной прозы ближе познакомились с новаторским, вдохновенным трудом представителей героического рабочего класса!

Правда, за последнее время создан ряд романов о грузинском рабочем классе («Вепхвია Холибаури» — Ак. Велиашвили, «Новый горизонт» — Л. Авалиани, «Седьмое небо» — Г. Панджикидзе) и несколько рассказов, но это недостаточно. Не от хорошей жизни один из старых романов писателя старшего поколения Соломона Тавадзе «Грузинская сталь» переиздается только потому, что на эту тему пока очень мало что написано.

Второй большой недостаток современной грузинской художественной прозы в том, что все еще не создан полнокровный высокохудожественный образ нашего героического современника — многогранного советского человека.

Настоящий советский характер — величайшее достижение социалистического общественного строя, и как жаль, что и сегодня нет в нужном количестве и масштабах образов людей этого изумительного советского характера. Правда, такое положение не только у нас, оно, к сожалению, имеет место и в других братских литературах. Но недостатки требуют искоренения. Наши писатели должны энергичнее взяться за создание полнокровных образов наших замечательных современников.

Грузинская литература создала запоминающиеся образы героев периода коллективизации, индустриализации, гражданской и Отечественной войн. Что же касается послевоенного периода, самого важного, наивысшего этапа в жизни нашего общества, то столь же достойных художественных образов, рожденных этим временем, у нас пока нет.

Плохо еще показываются непосредственные создатели материальных благ, наши советские труженики. Чаще всего такой герой — придаток к профессору или к различным рационализаторам. Если порою повествование и начинается с какого-либо колхозника, то автор сразу же переходит на показ, скажем, сельского учителя. Полнокровный образ простого хлебороба, виноградаря, вообще крестьянина-колхозника пока не вылеплен. Такие персонажи еще не стали подлинными героями нашей прозы.

Деревенская тема всегда имела большое значение для грузинской литературы. Можно даже сказать, что сама ее национальная форма в какой-то мере предопределялась колоритом деревенского быта, как наиболее традиционной формы жизнедеятельности народа и его хозяйственной практики. На примере городской жизни труднее передать национальный колорит, народные традиции современной жизни. Поэтому деревенская тема в этом смысле очень благодатна, она помогает лучше разглядеть национальное нутро, уловить своеобразный колорит. В результате этого наши писатели больше шли по указанному руслу, и постепенно оно стало традиционным.

Но сейчас положение стало иным, существенно изменилось само понимание национальной формы литературы, ее характер. Национальная форма не может быть ни самоцелью, ни предметом красования. Видоизменились и составляющие ее компоненты. Стремление ограничить себя ради придания произведению народного характера и национального колорита лишь показом деревни — большое зло для писателя в наши дни. В современной прозе должны занять достойное место образы героев из рабочего класса. Это одна из первоочередных задач грузинской советской литературы.

Переходя к грузинской поэзии прошедшего года, следует с самого же начала сказать, что наши поэты потрудились неплохо. Поэтическая продукция года достаточно богата и добротна. Хотя в 1972 году и не наблюдалось особо высоких поэтических взлетов, тем не менее были созданы прекрасные образы как в лирике, так и в эпосе.

Говоря о новых стихотворениях, нельзя не назвать ряд имен, многие из которых хорошо известны как читателям русского, так и других братских на-

родов. Это в первую очередь Г. Абашидзе, И. Абашидзе, Р. Амашукели, Ш. Амисулашвили, М. Бараташвили, Х. Берулава, З. Болквадзе, Г. Гегечкори, Н. Гурешидзе, А. Гомнашвили, В. Горганели, В. Джавахадзе, Т. Джангулашвили, Г. Дзеладзе, К. Каладзе, А. Каландадзе, М. Кахидзе, Э. Квитаишвили, Н. Киласония, М. Квлидидзе, Б. Кешелава, З. Кухнианидзе, М. Лебанидзе, З. Лордкипанидзе, Р. Маргиани, О. Мампория, М. Мачавариани, М. Мирисели, К. Надирадзе, И. Нонешвили, Ш. Нишнианидзе, И. Орджоникидзе, Ш. Порчхидзе, М. Поцхвишвили, А. Салуквадзе, Л. Стуруа, А. Сулакаури, Л. Сулаберидзе, Ф. Халваши, Т. Чантурия, Дж. Чарквиани, Н. Чачава, О. Челидзе, О. Чиладзе, О. Шаламберидзе, Н. Шаманадзе, С. Шаншиашвили, А. Шенгелия, З. Шеразадишвили, Т. Эристави.

Прошедший год ознаменовался радостным событием, делающим честь всей грузинской советской поэзии. Это присуждение индийским правительством премии имени Джавахарлала Неру Ираклию Абашидзе за цикл стихов, посвященных Индии. Эти стихи прекрасно переведены А. Межировым и несколько раз публиковались на русском языке. Премия Дж. Неру поистине отрадное явление во всеоюзном масштабе, она еще раз свидетельствует о том, как следят за советской литературой во всем мире, как ее ценят.

Минувший литературный год знаменателен и тем, что вышли в свет сборники стихов К. Каладзе, А. Каландадзе, Н. Чачава, А. Шенгелия, Н. Гурешидзе, Дж. Чарквиани, Т. Чантурия, Т. Джангулашвили, Н. Киласония, З. Болквадзе, Т. Мебуришвили и однотомники современных грузинских поэтов — М. Лебанидзе, Л. Сулаберидзе, О. Челидзе, Ф. Халваши, Г. Цецхладзе, И. Хоштария.

Однотомник, сборник стихов — это плод многолетних трудов. Это ступень творчества поэта. Среди сборников названных авторов много действительно хороших книг, разнообразных, вдохновенных, не только полных смысла и значения, идейно целеустремленных и содержательных, но и радующих поэтическим мастерством, оригинальным звучанием, высоким пафосом гражданственности, интересом к современности, подлинно творческим горением.

Возьмем, например, однотомник Мурмана Лебанидзе, представителя того героического поколения советской поэзии, которое прямо с фронта пришло в литературу, принес с собою чистую и могучую фронтовую любовь. Любовь к своей Родине, к советскому народу, к своим товарищам, к своему делу, к своему дому, к своей возлюбленной. Любовь эта светла, непорочна и благородна. Кто может измерить, сколько этому поколению пришлось выстрадать, пережить, передумать... Но это — не только военное поколение, это поколение мирного времени. Только в наших условиях, только в советской Отчизне мог человек, оторванный от мирной деятельности многими огненными годами войны, вновь обрести душевное спокойствие и так органично вписаться в мирный пейзаж, так легко включиться в мирную созидательную деятельность своего народа.

Мурман Лебанидзе — талантливый грузинский поэт, очень своеобразный и интересный. Его поэзия подкупает непосредственностью, впечатляющей силой: его поэтический голос не похож ни на чей. Поэзия М. Лебанидзе крепко связана с землей. Он родом из горной грузинской провинции и как горец смел, одарен, откровенен. Пишет он очень колоритно. Благодаря зоркости его поэтического глаза все значительные события современности находят преломление в его творчестве. Это поэт-глашатай, певец труда, чести, мужества, гражданской активности и высокого патриотизма. Недаром редколлегия журнала «Мнатоби» представила книгу стихов Мурмана Лебанидзе на высшую республиканскую премию — имени Шота Руставели.

Много нового содержат две книги Джансуга Чарквиани. Он также представлен на республиканскую премию имени Ш. Руставели. Это книги стихов «Стена веры» и «Кольчуга». Звучная, напористая, патетически приподнятая и в то же время лирически-взволнованная поэзия Дж. Чарквиани отличается высокой гражданственностью, молодым задором. Он часто обращается к крупным общественным явлениям и умело передает чувства и настроения передовой советской молодежи; для него характерны идейная целеустремленность, актуальность темы, связь с современностью, ораторское звучание стиха. Искренность и доверительность делают ее милой и привлекательной.

Интересно «Избранное» Ладо Сулаберидзе. Это человек нелегкой судьбы, прошедший тяжелыми дорогами войны. Где только он не побывал — на Сахалине и в Молдавии, в Средней Азии и на Украине... Богатая биография нашла отражение в его творчестве. Книга Л. Сулаберидзе полна романтического пафоса, непосредственного восприятия действительности. Поэт одинаково силен и в лирике и в поэтическом эпосе. Это настоящий мастер стиха, всегда правдивый, меткий, преодолеваемый глубокими раздумьями, охваченный подлинной восторженностью.

Чтобы дать представление о так сказать «количественном» положении на поэтическом фронте, я бы назвал нескольких грузинских поэтов, которые своими добротными стихами внесли свою лепту в дело успешного завершения прошедшего литературного года.

Первым делом здесь хочется отметить удивительное поэтическое достижение старейшины грузинских поэтов, одного из основоположников грузинской советской поэзии Сандро Шаншиашвили. Этот маститый поэт прошел сложный путь от символизма до социалистического реализма, став в ряд крупнейших представителей грузинской литературы XX века. Ближайший друг Тихонова, поборник русско-грузинской поэтической дружбы, он и в прошлом году порадовал читателей несколькими великолепными стихами. Мудрость, простота, народность, оптимизм присущи ему и сейчас. А ведь поэту — уже 85!

Не сдает своих позиций и другой старейший грузинский поэт — Колау Надирадзе, «однополчанин» Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, Валериана Гаприндашвили и Георгия Леонидзе. Он тоже из шеренги талантливейших представителей грузинской поэтической культуры и тоже на подступах к восьмидесятилетнему рубежу. Видный представитель грузинских «голубороговцев» (символистов) К. Надирадзе, испытал сложную эволюцию, ныне стал одним из крупнейших мастеров современного грузинского стиха. Философская углубленность и совершенство формы, мелодичность и вдохновение и поныне отличают его поэзию. Подтверждение тому — его стихи, переведенные и на русский язык.

Подобно этим двум маститым писателям и старейшая грузинская поэтесса Мариджан на девятом десятке лет продолжает писать стихи, изящные, исполненные материнского тепла.

Именно они, поэты старшего поколения, с одной стороны, и поэтическая молодежь, лишь недавно вступившая на литературное поприще, с другой, создают тот «временной» диапазон, который ныне необычайно широк. Видимо, поэзия, как и любовь, «всем возрастам покорна». Причастность к ней поэтов, шагнувших в девятое десятилетие, и двадцатилетней поэтической молодежи именно об этом и говорит.

В связи с этим следует сказать, что журнал «Цискари» делает хорошее дело, смело открывая двери в поэзию талантливой молодежи. Благодаря этому в истекшем году появились еще несколько новых, пока не известных для русского читателя имен: Н. Бартая, М. Барнабишвили, Д. Герсамия, И. Гоцадзе, Д. Мчедлური, З. Эбаноидзе, Ш. Зондзе, Т. Квдиашвили, Ш. Кавтарадзе, М. Чхетиани, В. Чхиквадзе, Д. Чумбуридзе, Н. Хведелидзе и некоторые другие.

Хват и представителей предыдущего поколения, которое уже успело «закрепиться» на поэтическом поприще (В. Харанаули, Т. Мебуришвили, Дж. Инджия, Х. Гагуа, Л. Чавчавадзе, А. Абулашвили, Д. Ивардава, Б. Миндадзе, Дж. Пховели, Б. Шавлашвили, М. Джгубурия, Н. Некерашвили, Г. Джулухидзе, Т. Алхазидзе, М. Арабули), это — надежная смена старшим. Конечно, не все из них выдержат испытания на тернистом пути поэта, многие, очевидно, отойдут от поэзии, но само количество новых имен, а главное стихи молодых авторов, отмеченные определенным (хотя, естественно, и не вполне зрелым) профессионализмом и печатью одаренности, весьма обнадеживают.

Однако не следует думать, что активно работали лишь поэты самого старшего и самого младшего возраста. Львиная доля поэтической продукции принадлежит среднему поколению, творчество которого в основном и делало погоду в поэзии в минувшем году.

Что же наиболее характерно для грузинской поэзии 1972 года?

Прежде всего в отличие от прежних лет это несомненный рост гражданской ответственности, стремление найти свое место в общем строю, желание более активно включиться в созидательную деятельность советского общества.

Такая целеустремленность радует, тем более что недалеко то время, когда некоторая апатия, индифферентизм, увлечение сугубо интимными переживаниями и локальными темами (чтобы не сказать мелкотемьем) приглушали звучание нашей поэзии, зачастую придавали ей либо неоправданно тревожную, либо самодовольно-спокойную окраску, но в обоих случаях нередко затушевывали подлинно гражданский пафос, партийную направленность.

Появление новых образцов гражданской лирики в творчестве поэтов разных возрастов свидетельствует о преемственности этого замечательного качества, об общности идейных позиций представителей разных поколений.

Второе. Это ярко выраженное чувство ответственности перед партией, страной, народом. В лучших поэтических образцах минувшего года поэт предстает не только восторженным певцом, но и сугубо заинтересованным человеком. Он не сторонний наблюдатель, не порхающая бабочка, а соучастник всех событий и общественных явлений.

В этом сказывается партийная заинтересованность поэтов, качество, без которого наша лирика потеряла бы общественную значимость и превратилась бы

в чисто умозрительную, созерцательную форму творчества. Отсюда и лирическая взволнованность поэта, вызванная заинтересованностью в успехе своего дела как частицы общего созидательного труда, отсюда и стремление смотреть вперед, желание предвосхитить события, узреть наше завтра.

Третье. Это чувство долга. Лучшие поэтические образцы года свидетельствуют о том, что чувство долга у наших писателей неуклонно растет. Поэты стали лучше и глубже понимать задачи, стоящие перед современным художественным творчеством. Они стараются помочь в осуществлении дерзновенных планов, стоящих перед нашей Родиной. А это ведет к поиску нового, к смелым броскам в развитии поэтического слова, усилению его действительности, эмоциональности, содержательности.

Четвертое. Это близость к народу, не эгоцентрическое желание оторваться от него, «возвыситься» над ним, а стремление постичь его великий дух, созидательную силу, всесторонне и глубоко отобразить черты лучших сынов народа, которые с наибольшей полнотой олицетворяют его прогрессивные коренные черты — и традиционные, и вновь приобретенные.

Не чувство одиночества, щемящее ощущение оторванности от народа и безысходной тоски, как его результат, а чувство локтя, шеренги, высокое чувство коллективизма — вот что отличает сегодня наших поэтов, во всяком случае лучшую и большую их часть.

И последнее. Это широкий интернационализм, искренняя любовь, глубокое уважение ко всем народам, направляющим свои усилия на осуществление прогрессивных целей, на достижение всеобщего мира и счастья.

Одно из конкретных проявлений интернационализма — все более и более обширная публикация стихов поэтов братских народов. В прошедшем году грузинские журналы и издательства напечатали множество переводов с языков братских народов, стран народной демократии и из зарубежной поэзии.

Таковы, например, переводы Г. Абашидзе — Шандора Петефи, О. Челидзе — Пушкина, М. Мачавариани — болгарской поэзии, а также переводы М. Поцхишвили, Г. Гегечкори, Т. Чантурия, В. Джавахадзе, Т. Чхенкели, Т. Эристави, Т. Бегишвили, Л. Эрадзе и других.

Переводы способствуют совершенствованию поэтической формы, помогают разнообразить стихотворные возможности каждой национальной литературы, но главное — они интернационализируют поэтическую культуру и, следовательно, ведут ее по линии восходящего развития.

* * *

На протяжении длительного времени грузинская оригинальная драматургия испытывала хроническую слабость. Лишь за последние 10 — 15 лет она воспрянула духом. Это связано с приходом нового поколения драматургов, резко усиливших ее «производственную» мощь. Новое пополнение грузинской драматургии за последние годы создало много интересных пьес и тем самым заметно активизировало этот отстающий род литературы¹.

Новое пополнение пришло в драматургию из прозы, как, в свою очередь, в прозу (немногим ранее этого) — из поэзии. Это такие прозаики, уже получившие всеобщее признание в этом жанре, как О. Чхеидзе, Н. Думбадзе, О. Иоселиани, Д. Квициридзе, А. Гецадзе, А. Сулакаури, Т. Чиладзе. Вскоре к ним присоединились поэт О. Мампория, критик Г. Хухашвили, а также А. Чхаидзе и некоторые другие. Кстати, аналогичное явление наблюдалось и в первое послевоенное десятилетие, когда в драматургию влились прозаики Г. Шатберашвили, М. Мрвлишвили, Л. Готуа, О. Чиджавадзе и другие.

На первых порах пьесы прозаиков, пробующих свои силы в драматургии, то есть тех, кто «переквалифицировался» из прозаиков в драматурги, скорее являлись инсценировками их же рассказов и романов, чем по существу драматургическими произведениями. В большинстве подобных случаев мы имели дело с механической переделкой прозаической формы в драматургическую. Следовательно, здесь преобладала чисто инсценировочная сторона, когда персонаж беллетристического произведения так и не становился подлинным действующим лицом, когда образ раскрывался не в драматургическом действии, а характеризовался больше словом (т. е. чисто беллетристическими приемами), иначе говоря, слово не становилось действенным.

Сейчас «драматургизация» прозаических произведений этих же авторов не только приобрела более глубокий характер (они более органично, продуманно «переплавляют» прозаическое произведение в драматургическое), сейчас они

¹ Поскольку в журнале «Литературная Грузия» (№ 1 за 1972 год) была опубликована моя обширная статья о состоянии современной грузинской драматургии, здесь я только кратко останавливаюсь на нескольких пьесах, созданных за последние годы.

сами создают произведения чисто драматургического жанра, у которых нет «двойников» и проработок в прозе.

Таким образом, если драматургизация нового поколения, пришедшего из прозы, на первых порах шла преимущественно по пути создания инсценировок, то сейчас мы имеем дело с самостоятельным драматургическим творчеством довольно высокого класса. Это можно сказать о последних пьесах Н. Думбадзе, О. Иоселиани («Пока арба не перевернется») и «Шесть старых дев и один мужчина»), Т. Чиладзе («Забывая историю»), Г. Хухашвили («Судья» и «Три жизни Георгия»), а также о пьесах А. Гецадзе, О. Чхеидзе и других.

Мы, конечно, не хотим сказать, что современное драматургическое произведение не может родиться из прозаического. В истории мировой литературы таких фактов немало, вспомним хотя бы классические пьесы А. Дюма, А. Чехова, Ш. Дадьяни, представляющие собой органичную переделку рассказа в пьесу. Здесь речь идет лишь о необходимости глубокой переработки материала, о подыскании драматургической формы, адекватной содержанию.

Современные грузинские пьесы создаются двумя вышеуказанными способами, когда по сюжетной канве (или мотивам) прозаического произведения пишется драматургическое произведение, то есть когда пьесе предшествует рассказ, роман и когда драматургическое произведение создается непосредственно, без промежуточной прозаической ступени.

Почти все пьесы, которые в 1972 году были опубликованы либо представлены на сцене, созданы вторым путем, и в этом одна из причин, обусловивших их положительные качества.

Говоря о грузинских оригинальных пьесах минувшего года, следует отметить два произведения Георгия Хухашвили — «Судья» и «Три жизни Георгия». Первое из них удачно поставлено театром имени Марджанишвили, вызвало положительные отклики общественности. Это оригинально решенное драматургическое произведение (пьеса в пьесе), написанное на тему морали. Но морально-этический аспект дан не в узком плане, а широко и масштабно.

Главный герой пьесы, оглядываясь на прожитое им пятидесятилетие, анализирует свои поступки, действия и оценивает их с точки зрения высокой чести и справедливости. В этом ему помогают участники тех жизненных ситуаций, которые ему пришлось пережить; они и выносят приговор каждому его поступку. Пьеса эта интересно построена, остра, актуальна. Автор умело заостряет внимание на важных проблемах морально-этического характера, решая их правильно и увлекательно.

Не менее интересна вторая пьеса Г. Хухашвили — «Три жизни Георгия», напечатанная в журнале «Театр» (в сентябрьском номере за 1972 год). Ее действие разворачивается на фоне жизни моряков. Используя так называемый принцип «трех зеркал», автор показывает историю главного героя в сопоставлении с жизнью его отца и деда. Таким образом, это пьеса о взаимоотношениях разных поколений, о смысле жизни современного человека. Главный герой как бы заменяет собою своих предков, чтобы, исходя из их позиций и опыта, оценить верность взятого им курса. Эта пьеса героико-романтического плана, больших страстей и накала.

Пьесы Г. Хухашвили отличаются актуальностью решаемых проблем, высоким пафосом гражданственности, который не переходит в голую лозунговость, а глубоко сочетается с человечностью образов, не нанося вреда их правдивости и жизненности. Это очень ценное качество, и, видимо, потому и пришлось его пьесы по вкусу всеобщему зрителю. Они с успехом идут в Киеве и Риге, Казахстане и Белоруссии.

На примере пьес В. Канделаки, Н. Думбадзе, Г. Хухашвили, О. Иоселиани, А. Гецадзе видно, как расширила географию своего распространения современная грузинская драматургия. Так, например, пьеса «Судья» кроме грузинских театров с большим успехом идет в Кишеневе, она внесена в репертуар Московского театра имени Маяковского. «Три жизни Георгия» поставлена в Севастополе (на сцене Театра Черноморского флота), переведена на украинский язык и готовится к постановке на сценах театров Украинской ССР; пьеса В. Канделаки «Время — 24 часа», переведенная на узбекский язык и поставленная в театре гор. Намагана, готовится к постановке и в ряде других театров Узбекистана.

В театрах разных городов Советского Союза шли и идут пьесы М. Бараташвили, Т. Чиладзе, А. Гецадзе и других.

В минувшем году во многих театрах республики с успехом шла новая пьеса Отя Иоселиани «Шесть старых дев и один мужчина». Драматург задался целью показать, как недопустимо забвение советской женщиной долга материнства. Она, безусловно, должна быть активным и равноправным членом общества, участницей всех значительных явлений и процессов, деятельным

гражданином и патриотом, но вместе с тем ей не следует забывать, что именно она должна быть матерью и воспитателем нового поколения.

Не случайно во многих театрах страны ставится пьеса О. Иоселиани «Ка арба не перевернется». Чрезмерная, причем часто не оправданная отход к городской жизни и как результат этого опустение деревни заставляют задуматься всерьез. Это обстоятельство в последнее время обеспокоило многие народы нашей страны. Поэтому объективный показ этого явления, положенного драматургом в основу пьесы, раздумья по этому поводу привлекли внимание многих.

О. Иоселиани преподносит эту тему не сухо-наставительно, а образно и увлекательно, в форме жизнерадостной лирической комедии. Положительные качества этой пьесы привлекли многие театральные коллективы. Ее поставил ведущий театр нашей страны — МХАТ. Она идет на сцене столичного драматического театра имени Гоголя, а также в театрах Харькова, Воронежа, Орджоникидзе, Перьми и других городов.

Одним из злободневных откликов на некоторые стороны нашей современной жизни явилась новая пьеса Тамаза Чиладзе «Забывшая история». Эта интересная психологическая драма, созданная в 1972 году, успешно поставлена в театре имени Руставели.

В пьесе убедительно показано отталкивающее нутро индивидуалиста. Эгоизм и себялюбие одного из главных героев не дают ему возможности трезво оценить свои аморальные поступки. Действие разворачивается на фоне жизни современной интеллигенции, в частности в среде научных сотрудников. Автор умело показывает, что очень часто незначительные с виду проступки превращаются в настоящее зло и могут принести большую беду.

Т. Чиладзе в этой своей новой драме, так же как и в первой пьесе «Неожиданный гость», с успехом шедшей в нескольких театрах, остается верен себе — он стремится изнутри раскрыть образы героев, показать психологическую основу их решений и действий. Глубокий психологизм и умение тонко, ярко очертить характеры действующих лиц делают увлекательными его пьесы.

Валериан Канделаки — один из наиболее плодотворных драматургов среднего поколения — опубликовал в прошлом году драму «Аэт» (грузинский журнал «Сабчота хеловнеба», № 9), которая построена на мифологическом сюжете с оригинальным продолжением. По-новому интерпретируя традиционный сюжет, автор постарался осовременить далекое прошлое и на историческом материале коснуться извечной проблемы добра и зла, насилия и гуманизма. Но не в умозрительном плане, а на реалистически очерченных образах древних легенд.

В пьесе перед нами предстают древняя Колхида и ее царь Аэт, когда у него похитили золотое руно и дочь Медею. Аэт полон решимости вновь взяться за строительство опустошенной страны, хорошо понимая при этом, что восстановить разрушенное порою труднее, чем строить заново.

В этой пьесе ощутим «авторский почерк» В. Канделаки, тяготеющего к героической народной драме, к монументальности образов, сплаву сугубо драматических и комедийных моментов.

Содержательную, полезную пьесу создал представитель того же среднего поколения Амиран Абшилава. Называется она «Горы, горы Кавказские». Пьеса поставлена на сцене Тбилисского русского театра имени А. Грибоедова. Посвящена она героической обороне Кавказа от немецко-фашистских захватчиков. Автором искусно решается тема преемственности поколений советских людей, показано, как перекликаются чувства и патриотические устремления 20 — 25-летних защитников Кавказа, сложивших свои головы на Марухском перевале в борьбе с иноземными захватчиками, и их сыновей, которым уже за тридцать.

Группа студентов подымается на Марухский перевал, и каждый из них, перевоплощаясь в погибшего защитника Родины, как бы вторично разыгрывает кровавую схватку с врагом. Это пьеса большого патриотического пафоса и интернационального духа. Ведь Кавказ защищали представители всех народов нашей многонациональной Отчизны. Поэтичность, мастерский диалог, приподнятость, правдивость характеров делают ее значимым драматургическим произведением.

Известная грузинская писательница Марика Бараташвили, признанный мастер жизнерадостной комедии, пьеса которой «Стрекоза» обошла многие театры страны, порадовала зрителя новой комедией «Скорый поезд».

Посвящена она проблеме воспитания подрастающего поколения. В центре действия «чрезмерно хорошая» мать, которая всецело отдала себя делу воспитания детей и полностью отгородилась от всего остального. Такое «самопожертвование», по ее мнению, дает ей право вмешиваться во все дела детей и подвергать их постоянной мелочной опеке. В результате дети теряют ини-

циативу, чувство самостоятельности и превращаются в беспомощных индивидов.

Автор призывает больше доверять детям, не изнеживать их, не допускать излишнего вмешательства в их дела, не докучать мелочной опекой.

Как и все пьесы М. Бараташвили, «Скорый поезд» отличают поэтичность, чеканность характеров, лиричность, реальность идейного замысла.

Новая жизнерадостная комедия А. Гецадзе «Дорога» хотя и построена на бытовых явлениях, отнюдь не замыкается в них. Она призывает любить сегодняшний день, ценить сегодняшнее счастье, уважать окружающих людей, иными словами, направлена против недооценки их. На примере главного героя Карамана становится очевидным, что мы нередко ищем счастья за тридевять земель, когда оно совсем рядом. В прошедшем году А. Гецадзе опубликовал еще драму «Сулхан-Саба», в которой показана жизнь замечательного грузинского общественного деятеля XVIII века, великого просветителя и мудреца, писателя Сулхан-Саба Орбелиани.

Жизни сельской молодежи посвящена пьеса Отара Мампория «Непутевый», в которой молодой герой после долгих и праздных скитаний по городу возвращается в колхоз, где и находит свое счастье.

Мы коротко коснулись лишь нескольких наиболее удачных драматургических произведений. Но общее их количество не ограничивается вышеназванными. В среднем в год в нашей республике пишется около 50 — 60 новых пьес. Ежегодно в области драматургии работает около 25 — 30 авторов, которые связаны с театром и драматургией.

Даже беглая характеристика новых пьес, либо напечатанных, либо поставленных на сцене в 1972 году, дает представление о том, насколько «подтянулась» грузинская драматургия.

Большинство пьес прошлого года посвящено современности, а среди созданных на историческую тему преобладают произведения историко-революционного характера, показывающие борьбу народа за социальную и национальную свободу.

Нельзя не отметить жанрового многообразия драматургических произведений. В отличие от прежних лет, когда все авторы, словно сговорившись, писали только комедии (и притом почти все о колхозной жизни), сейчас больше создается серьезных драм со вдумчивым отношением к актуальным проблемам современности.

Наряду с пьесами избалованного характера, смело выступающими против существующих недостатков, все больше появляется пьес, отражающих современный советский характер с его положительными качествами, что очень отрадно.

На примере пьес прошлого года видно, что мастерство драматургов повысилось. Оригинальное решение ряда пьес (Г. Хухашвили «Судья», А. Абшилава «Горы, горы Кавказские»), применение новых приемов, их разнообразие, жизненность образов, отточенность языковой характеристики героев, несомненно, говорят об этом. О некоторых успехах грузинской драматургии свидетельствует и тот факт, что в минувшем году несколько грузинских пьес было поставлено многими театрами разных городов Советского Союза, в том числе Москвы.

Но сказанное еще не означает, что грузинская драматургия полностью отвечает предъявляемым к ней требованиям. Основной недостаток пока довлеет над ней — все еще нет полноценных образов героев нашей современности, представителей рабочего класса и трудового колхозного крестьянства.

Следует заметить, что и по организационной линии не все обстоит благополучно. Соответствующие органы Министерства культуры республики недостаточно борются за тесную творческую связь с драматургами, нет должного контакта между Министерством культуры и Союзом писателей Грузии. Не упрощен и не облегчен путь, который проходит пьеса от стола драматурга до сцены. На этом пути пока много ненужных заслонов.

Недостаточно активна театральная критика. Не проявила она себя и в прошлом году. Преобладающее большинство новых пьес и спектаклей не отрецензировано. Давно уже нет серьезных статей о театре и драматургии. Нет обзоров и обобщающих критических работ.

Плохо обстоит дело с публикацией драматургических произведений. Наши журналы, как правило, пьес не печатают. Исключение составляет журнал «Саб-чота хеловнеба» («Советское искусство»), что не решает этой болезненной проблемы.

* * *

1972 год для литературной критики исключительно ответственный и важный. В самом его начале было опубликовано известное постановление ЦК КПСС о литературно-художественной критике, которое поставило бое-

вые задачи перед всеми работниками литературного фронта. Нужно было немедленно отреагировать на это мудрое и своевременное постановление Центрального Комитета нашей партии, а это требовало срочной мобилизации сил и перестройки работы журналов, газет, издательств, творческой активизации критических кадров.

И действительно, наша критика, выйдя из состояния спячки, мобилизовав свои силы, более продуманно взялась за выполнение возложенных на нее задач. Немалую работу провели в этом направлении Союз писателей Грузии и его печатные органы. В итоге прошедший год ознаменовался появлением ряда критических работ; в сравнении с предыдущим, 1971 годом прогресс несомненен. Но здесь же следует оговорить, что наша критика не полностью использует все свои резервы. Еще не привлечены к активной критической работе известные грузинские критики, которые еще не так давно несли на себе тяжесть ответственности грузинской критической мысли (Г. Джигладзе, Ш. Радиани, Г. Натрошвили, А. Гацерелия, Д. Бенашвили, Е. Карелишвили, В. Цулукидзе и другие).

Хотя республиканские журналы и газеты увеличили количество публикуемых критических материалов, их роль основных организаторов критических выступлений оставляет желать много лучшего.

Все еще очень значителен литературоведческий крен: преобладающее большинство статей в той или иной мере носит литературоведческий характер, в них преобладают вопросы истории литературы.

Много у нас сугубо теоретических статей, не связанных в должной степени с литературной практикой сегодняшнего дня.

Не полностью искоренены и недостатки, указанные в постановлении ЦК КПСС. Правда, наша критика стала более взыскательной, объективной и нелицеприятной, более строгой, хотя и доброжелательной, но все еще не полностью изжиты комплиментарность с оглядкой на чины, мягкотелость и дипломатическая отбечаемость формулировок критических статей.

Несмотря на все это, литературная критика в 1972 году заняла новые рубежи, и факт ее творческой активизации несомненен. Можно сказать, что она сделала первый решающий шаг по пути выполнения постановления Центрального Комитета нашей партии о литературно-художественной критике.

Прошлый год отмечен еще одним событием в литературной жизни республики — создан альманах «Критика», его редколлегия укомплектована опытными представителями грузинской критической мысли. Получен уже его первый номер. Правда, он, к сожалению, не особенно интересен в смысле освещения сегодняшнего литературного процесса: в нем опять-таки заметен литературоведческий крен. Более двух третей статей посвящены истории литературы. Но это лишь первый номер. Будем надеяться, что в дальнейшем альманах будет интереснее, содержательнее, наступательнее.

Создать новый печатный орган, придать ему собственное лицо, найти ему свое место в общем строю — дело нелегкое.

Но мы уверены, что целеустремленность альманаха, старания его редколлегии (гл. редактор Г. Мерквиладзе) и сотрудников, которые для нас уже очевидно, помогут им преодолеть все трудности.

Из критических выступлений, посвященных вопросам советской литературы, следует отметить статьи Григола Абашидзе (о состоянии и задачах критики), Георгия Натрошвили (о Георгии Леонидзе), Георгия Маргвелашвили (об Ираклии Абашидзе), Павла Антокольского (об А. Межирове), Гиви Вардосанидзе (о грузинской литературной критике), Реваза Асаева (об осетинской литературе), а также статьи Гиви Гачечиладзе, Г. Мерквиладзе, Гурама Гвердцители, Гурама Асатиани, Арчила Чачибая, Реваза Тварадзе, Акакия Баградзе, Мухамеда Заверина, Реваза Мешвиладзе, Джумбера Титмерия, Дмитрия Иовашвили, Джансуга Гвинджилия, Георгия Нишчианидзе, Зураба Лордкипанидзе, Георгия Авалиани, Андро Мирианашвили.

Среди работ литературоведческого характера необходимо назвать статьи Виссариона Жгенти (о творчестве Нико Лордкипанидзе), Георгия Джигладзе (о поэзии Ладос Асатиани), Реваза Джанашидзе (о прозе Н. Лордкипанидзе), Шалвы Гозалишвили (об очерках времен Отечественной войны), а также статьи Григола Херхеулидзе, Авлиния Зурабашвили, Акакия Топурия, Александра Каландадзе, Тамаза Чиладзе, Реваза Чхартушвили, Мурмана Киквадзе, Давида Лашкарадзе, Константина Гамсахурдия, Васо Ваиадзе.

Из критических работ, вышедших отдельными изданиями, заслуживают быть отмеченными второй том статей старейшего грузинского критика Ш. Радиани и книга В. Жгенти «Нико Лордкипанидзе» — одно из самых глубоких исследований этого ведущего грузинского критика.

Кроме книг этих двух зачинателей грузинской советской критики, следует отметить и другие интересные издания.

Актуальностью затронутых проблем и правильным их освещением отличается сборник критических статей Григола Абашидзе «Время и расстояние». Они написаны со знанием дела, вдумчиво и профессионально.

Многообразен по поднятым в нем проблемам первый том критических статей С. Чилая, посвященный новейшей грузинской литературе. В нем глубоко и правильно проанализировано творчество деятелей литературы конца XIX и начала XX века, некоторые из которых стали выдающимися советскими писателями.

Объемистая книга критических статей Л. Каландадзе, одного из старейших грузинских критиков, подытоживает его почти полувекovou литературную деятельность. Статьи эти отличаются глубоким проникновением в материал, верная методологическая установка и ясность суждений. Их многогранность говорит о широте литературоведческих интересов критика.

Большой интерес вызвала книга А. Кутелия о мировоззрении А. Церетели. Автор по-новому осветил ряд сторон художественной деятельности классика грузинской литературы, дав глубокий анализ идейности, содержательности, образности его поэзии.

Актуальна книга М. Чичуа «Проблемы грузинской советской прозы». Это — попытка осветить путь исторического развития грузинского советского романа.

Существенный вклад в изучение грузинской поэтической культуры вносят труды А. Хинтибидзе по вопросам поэтики.

Ряд аспектов современной грузинской литературы рассматривается в книге, объединяющей литературно-критические статьи М. Глонти. Такого же плана книга критических очерков Т. Чхенкели, изучающего творчество представителей нового поколения грузинских поэтов, а также проблемы художественного перевода.

Проблемные стороны развития грузинской литературы XIX века лежат в основе критических очерков А. Каландадзе, стремящегося по-новому осветить некоторые этапы художественного развития.

Актуальным вопросам грузинской литературы посвящена книга А. Бакадзе «Литературные размышления».

Сборник З. Какабадзе содержит статьи о творчестве отдельных зарубежных писателей, а также исследования теоретического характера об искусстве.

Зарубежная литература стала объектом изучения в книгах Д. Лашкарадзе и С. Турнава. Первый монографически исследует наследие Гете и Гейне, второй — Андре Стиля.

М. Заверин в своей книге касается творчества как некоторых грузинских классиков, так и современных мастеров художественного слова.

Из книг, посвященных литературным взаимосвязям, следует отметить — «М. Горький — друг грузинской литературы» Г. Гвенетадзе, в которой приведен ценный материал, помогающий осветить деятельность М. Горького по популяризации грузинской литературы, и «В. Маяковский в Грузии» В. Лаперашвили — о грузинских связях великого поэта советской эпохи.

Особо заслуживает быть отмеченным выход третьего тома трудов отдела литературных взаимосвязей братских народов Института грузинской литературы имени Ш. Руставели АН Грузинской ССР «Литературные взаимосвязи», содержащего ряд интересных работ о литературных связях как советских авторов, так и зарубежных, в том числе литераторов стран народной демократии.

Конечно, не все статьи и книги вышеперечисленных авторов стоят на должном уровне; часто критическая острота не совмещается с необходимой объективностью; в ряде случаев полемика лишена доброжелательности; порою еще «задабриваются» писатели, не свободны мы и от либерализма, от затушевывания явных недочетов.

Но, кроме отмеченных выше недостатков, присущих отдельным критическим статьям, есть еще не изжитые пробелы общего порядка, характерные для нашей критики в целом.

Все еще крайне мало интересных и важных проблемных статей, почти нет обзорных работ по отдельным жанрам или периодам, недостаточно так называемых «обобщающих» исследований (обобщающих опыт писателя или группы писателей, жанров, этапов). Нет смелых, остродискуссионных работ, вызывающих желание поспорить; пока очень ограничен круг жанровых форм критики, в журналах сравнительно редко печатаются статьи, специально написанные для них, преобладают материалы диссертационного, портретно-монографического характера.

Серьезным недостатком следует считать отсутствие дискуссий. В 1972 году на страницах журналов республики не было проведено ни одной интересной, научно оправданной дискуссии.

Несмотря на все эти существенные недостатки, расширение фронта литературной критики, углубление ее деятельности вселяют уверенность, что начавшаяся активизация грузинской критики пойдет по восходящей линии.

Заканчивая разговор о грузинской литературной критике, необходимо отметить, что, к большому сожалению, не все критические и литературоведческие статьи были одобрительно встречены нашей литературной общественностью, а некоторые из них вызвали серьезные и обоснованные нарекания.

В частности, на Всесоюзном совещании главных редакторов литературно-художественных журналов и литературных газет, рассмотревшем работу печатных органов СС ССР по выполнению постановления ЦК КПСС о литературно-художественной критике, справедливо критиковали журнал «Литературная Грузия» за опубликование в одиннадцатом номере прошлого года статьи критика Георгия Маргвелашвили «Выход в Грузию», содержащей ряд неверных утверждений.

Совершенно прав был выступивший на этом совещании первый секретарь Союза писателей СССР Г. М. Марков, который отметил некоторые ошибки журнала и раскритиковал статью Г. Маргвелашвили.

Эта статья посвящена творческим взаимосвязям известного русского поэта Бориса Пастернака с грузинскими писателями. Вопрос рассматривался автором с широким привлечением стихов и переводов поэта, его переписки с грузинскими друзьями и мемуарных фрагментов. В центре внимания статьи находится творчество Б. Пастернака 30-х и начала 40-х годов.

Однако в некоторых более общих положениях, выходящих за пределы заявленной темы статьи, автором допущены явные ошибки, а в некоторых случаях мысль сформулирована нечетко, что привело к ее двусмысленному и противоречивому звучанию. Так, желая показать, что буржуазные зарубежные фальсификаторы советской литературы и творчества Б. Пастернака спекулировали и продолжают спекулировать на публикации его романа, игнорируя или в кривом зеркале воспринимая его поэтическое творчество, автор статьи в одном ряду с ними упомянул и «некоторых отечественных журналистов и литераторов», которые, как он пишет, не смогли «с достаточной глубиной и серьезностью оценить» эти же явления. Такое само по себе неверное утверждение, да еще в такой нечеткой и расплывчатой редакции дало повод и основания для более обобщенного прочтения, которое расходится с положениями, четко определенными и высказанными в свое время советской литературной общественностью. В статьях встречаются и другие ошибки.

Редакция журнала должна была позаботиться о таком четком и ясном звучании каждого положения и каждой мысли, которое начисто исключало бы двусмысленность, неопределенность, а тем более противоречивость и ошибочность некоторых положений. Тогда и статья в целом, написанная с благими намерениями и любовью к советской поэзии, принесла бы общественно-литературную пользу, которую она подразумевала по своему замыслу.

С критическими замечаниями первого секретаря Союза писателей СССР Г. М. Маркова в адрес журнала «Литературная Грузия» нельзя не согласиться. Нужно самокритично признать, что «Литературная Грузия» поторопилась опубликовать во многом спорную и противоречивую статью критика Г. Маргвелашвили. Журналу, в частности, главному редактору следовало более критично подойти к ней и тщательно отредактировать. Опубликовав же статью в недоработанном виде, с формулировками, дающими повод к их разночтению и превратному пониманию, а также ошибочными положениями, журнал допустил досадную ошибку.

«Литературной Грузии» необходимо глубже вникать во все вопросы, связанные с историческим и социально-классовым подходом к явлениям прошлого. В связи с этим следует признать справедливость критического замечания доктора исторических наук А. Яковлева, высказанное в его статье «Против антигисторизма» (см. «Литературную газету» от 15 ноября 1972 г.), где среди других критикуется и литературоведческая статья, опубликованная в «Литературной Грузии» (в восьмой книжке журнала за 1970 год).

В настоящее время в Грузии проводится огромная работа по претворению в жизнь предначертаний XXIV съезда КПСС. Трудящиеся республики во главе с ЦК Компартии Грузии настойчиво борются за успешное решение народно-хозяйственных задач и задач культурного строительства. Третий, решающий год девятой пятилетки требует от всех тружеников полной самоотдачи. А это немислимо без высокой сознательности, четкой организованности, железной дисциплины и патристического горения.

Именно поэтому так настойчиво, энергично и продуманно ликвидируются свойственные некоторым республиканским организациям в недавнем прошлом недостатки в организационной работе, хозяйственной деятельности и на идеологическом фронте.

Грузинские писатели должны сказать свое веское слово в этом чрезвычайно важном деле, и есть все основания предполагать, что это так и будет.

Марк ЗЛАТКИН

„Когда книга сближает народы“

КООРДИНАТЫ ТЕМАТИЧЕСКИХ ПЛАНОВ

Издание переводной литературы в условиях данной республики ставит целью отразить все многообразие жанров и видов литературы, дать читателю цельное и ясное представление о духовном мире и языковой культуре народа в историческом прошлом и в нашей современности, и поэтому не случайно мы в своей деятельности уделяли и уделяем особое внимание сокровищнице народного творчества, черпая из нее лучшие жемчужины подлинной мудрости, непосредственного юмора, сказочной фантастики.

Издательство не ошибалось в своем благородном пристрастии к фольклору, и все книги издаваемой нами серии «Сокровищница грузинского народного творчества» расходились по стране в больших тиражах, достигавших двухсот, трехсот (и более) тысяч экземпляров. Здесь прежде всего надо назвать «Грузинские народные сказки», «Волшебные сказки», «Сказания и легенды», «Народный юмор», «Грузинская народная новелла», книги сказочных повестей, народной героини и фантастики: «Амиран-Дареджаниани», «Русуданиани».

Чрезвычайно богат и разнообразен мир грузинских сказаний и легенд. На протяжении веков народ выражал в них со всей непосредственностью и размахом творческой фантазии свое отношение к окружающей действительности, свою мораль, свои традиции и неосыпаемую веру в могучие силы трудового человека. Идеи гуманизма, добра и справедливости, в борьбе за которые раскрываются лучшие черты духовного облика таких героев грузинских легенд и сказаний, новелл и повестей, как богоборец Амиран, как олицетворение чистоты, любви и верности — Этери, как борец за свободу народа Арсен, являются основополагающими и направляющими во всех произведениях, созданных народом. Они и эти произведения и вызывают у читателей горячее сочувствие к судьбе их героев, обладают огромной силой художественного, эмоционального воздействия. И не удивительно, что многие из этих сказаний и легенд давно уже перешагнули границы Грузии и известны далеко за ее пределами.

Довольно сильной струей в грузинском фольклоре является юмор. Острой шуткой гневно клеймил на протяжении веков грузинский народ всех своих врагов и поработителей. С искрометным юмором и социальной заостренностью рассказывал народ о своих вековых чаяниях, идеалах и надеждах. В сокровищнице грузинского юмора запечатлен характер самого народа — его создателя и подлинного героя.

Весьма разнообразны грузинские народные новеллы. Основные их черты — остроумная сатира, самый короткий рассказ, неожиданная развязка.

Ориентируясь в популяризации фольклорных богатств на массового читателя, издательство отнюдь не забывает и о запросах численно ограниченного круга специалистов-фольклористов и выпускает научные разработки фольклора. Так, нами был издан подготовленный видным грузинским фольклористом профессором М. Чиковани свод вариантов сказаний об Амირани.

Здесь же надо отметить, что такой разносторонний подход к изданию фольклорных образцов расширяет и рамки литературоведения, дает возможность лучше и глубже понять народные истоки творчества таких грузинских писателей, как Важа Пшавела и Александр Казбеги, Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели.

Важной задачей издательства было всегда и остается — знакомить широкие массы читателей Советской страны с грузинской классикой. Так, неоднократно нами издавался шедевр мировой литературы, гениальное творение Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Мы выпустили многие лучшие произведения

классического наследия, а именно: «Мудрость вымысла» Сулхан-Саба Орбелиани, двухтомники избранных сочинений Важа Пшавела, Ильи Чавчавадзе, Александра Казбеги, Георгия Церетели и Давида Клдиашвили, однотомники избранных произведений Акакия Церетели, Эгнате Ниношвили, Нико Ломоури, Екатерины Дабашвили, Шно Арагвиспирели, Лаврентия Ардазиани, Тедо Разикашвили, Даниэля Чонкадзе и многих других.

Над переводом этих книг много лет тщательно, с чувством большой ответственности перед читателем работали переводчики Е. Гогоберидзе, Н. Чхеидзе, Ф. Твалтвадзе, Э. Ананашвили, Г. Маргвелашвили, Н. Долидзе, Н. Аккерман, Л. Багратиони, а также русские писатели А. Кочетков, А. Дроздов, Н. Чуковский, В. Гольцев, Е. Лундберг, В. Киреева и другие.

Особо надо выделить два больших тома «Грузинская классическая поэзия» в переводах Николая Заболоцкого. В первом томе представлены Шота Руставели и Давид Гурамишвили, во втором — Григор Орбелиани, Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Важа Пшавела.

Эпическое произведение Давида Гурамишвили «Давитиани» было выпущено нами в отдельной книге. Редактируя и сопровождая вступительной статьей это издание, Георгий Леонидзе писал: «Перевод «Давитиани» на русский язык, сделанный поэтом Н. А. Заболоцким, наиболее полный из существующих переводов... Большому мастеру стиха Н. Заболоцкому удалось передать вдохновенную силу лучших страниц Гурамишвили, сохранить всю свежесть и силу творений великого грузинского поэта».

Дав общую оценку переводческому труду Н. Заболоцкого, С. Чиковани отметил, что «Н. Заболоцкий совершил своего рода поэтический подвиг, сделал очень важное для потомства дело и еще более укрепил святую духовную дружбу между нашими народами».

Переводы классиков — это труд, действительно подобный подвигу. Он требует от переводчика полной отдачи сил и способностей. Переводчики не раз возвращаются к проделанной работе, совершенствуя и улучшая ее.

Осуществив издание двухтомника (проза и поэзия) выдающегося классика и общественного деятеля Ильи Чавчавадзе, наше издательство приступило к обору и переводу богатого публицистического наследия писателя.

Эта весьма ответственная, кропотливая и тщательная работа еще не завершена издательством, но уже можно сказать, что в ближайшем будущем читатели впервые получат на русском языке такую изумительную часть классического наследия, которая поразит богатством мысли, суждений по вопросам общественной и литературной жизни и животрепещущим в те годы проблемам национально-освободительного движения.

Отдельные русские поэты уже приобщились в своем творчестве к сокровищнице публицистики Ильи Чавчавадзе. Так, Николай Тихонов, посвящая юбилею Ильи Чавчавадзе стихотворение, пользовался цитатой, которую он радостно спешит привести в письме к другу своему Гогле Леонидзе.

Вот что он пишет: «Зная, как всегда важно иметь под руками текст той цитаты, которой пользуешься, я тебе его приведу. Я говорю о словах Ильи Чавчавадзе, приведенных в первых строках моего стихотворения. Эти слова такие: «Как хорош человек в час пробуждения! Но еще лучше тот, кто не спит, тот, кто и во сне скорбит сердцем о мирской неволе. Моя прекрасная страна, есть ли у тебя такие сыновья?» Это из «Записок проезжего».

Подготавливая том публицистики Ильи Чавчавадзе на русском языке, мы не можем не привести слов писателя о значении русской литературы, искусства и науки: «Слов нет, что русская литература оказала большое руководящее влияние на путь нашего развития, оказала воздействие на то, что составляет духовную силу, наше сознание, нашу мысль. Она оказала свое положительное влияние на наши чувства и направление. Русская школа и наука открыли перед нами двери просвещения, и русская литература дала духовную пищу нашему разуму и нашей мысли...».

В 1960 году грузинская общественность широко отмечала 120-летие со дня рождения великого грузинского поэта и общественного деятеля Акакия Церетели. Наше издательство выпустило к этому празднику большой однотомник «Избранные произведения» — редакция, составление, комментарии и предисловие принадлежат Георгию Маргвелашвили.

Этот однотомник нельзя недооценить. В нем собраны и впервые переведены на русский язык большая часть публицистических статей Акакия Церетели, равно как и целый ряд статей, блестяще написанных им по-русски.

Писатель Иракий Андроников, получив в нашем издательстве верстку этого однотомника, писал Георгию Маргвелашвили:

«...Получил в издательстве верстку последних листов однотомника, включая примечания Ваши, и нахожу их превосходными, а книгу далеко выходящей

за границы обыкновенных переводных однотомников. То, что неизвестные стихи Акакия появляются впервые именно в этой книге и что вообще публикация его включена Вами в число избранных произведений его, дело немаловажное, новое и рисует его с новых сторон — и как блистательного критика-публициста (для читателя, разумеется, русского), и как великолепно писавшего на русском языке. М. Златкин обещал мне выслать однотомник, как только он выйдет в свет».

Каждое новое издание классического наследия грузинской литературы в переводе на русский язык служит как бы подлинным откровением, углубляет представления всеобщего читателя о масштабности произведений, в которых нашел отражение духовный мир грузинского народа. Именно таким изданием явился двухтомник поэзии и прозы (рассказы, пьесы, статьи) Важа Пшавела, вышедший в свет, когда в связи с празднованием столетия со дня рождения автора к его творчеству было приковано всеобщее внимание как у себя на родине, так и во многих странах мира. Как бы заново прочитывались вдохновенные строки Важа Пшавела, постигалась их мудрость, их гуманистическая сущность, и каждый его образ вырастал в целую систему философских обобщений.

Достаточно сослаться на небольшой прозаический этюд «Горы высокие», в котором читаем:

«Стоят и ждут. Беспредельно ожидание гор. Ожидание наполняет их сердца, словно безбрежное море сгустившейся алой крови. Но ничего не прочтешь в их чертах, кроме суровой отчужденности. Эта отчужденность — печать ожидания. Кто угадает, что таится в сердце гор, какой огонь там клокочет?

О горы, горы, кого вы ждете или чего ждете?..

Кто сказал, что у вас нет чувств? Мыслей? Идей? Что вы не мечтаете? Не может этого быть. Откуда же взялись тогда эти чудесные цветы, украшающие вашу грудь? Они ведь ваши мечты, надежды и отрада.

Зачем вы окутываетесь густыми туманами, если не для того, чтобы утаить от людей сокровенные думы?

Зачем вам эти травы? Зачем даете пробиться своим студеным родникам? Зачем обрушиваете в пропасть обвалы? Зачем растите этих вольных туров? Нет, нет, вы никого не обманете, родные мои!

Стоят они и ждут. Их хлещут ливни, молнии опаляют золотистые чубы вершин, грозы, играя, полыхают в глазах и подчас пронзают стрелами грудь...

Стоят и ждут. Болит у них сердце, нет конца-края этой боли. Но горы не умирают, не чахнут, они ждут. Ждут кого? Или чего? Да, ждут чего-то.

Жаждут увидеть невиданное, изведать неизведанное. Хотят нового, необычного, чего еще не постигло сердце. Это и есть ненасытность духа и глаз? Да, поистине так».

Эти строки большого символического значения были написаны в конце прошлого столетия, когда царизм особенно жестоко душил свободное слово, и поэт выразил в образе гор, затаивших свои думы и мечты, огромные потенциальные возможности народа. Прошли десятилетия, и уже в нашу новую эпоху горы воочию смогли «увидеть невиданное, изведать неизведанное». По-новому зазвучал вещий голос поэта, и безгранична народная благодарность ему.

Приведем одно из многочисленных приветствий, полученных в дни больших торжеств по случаю празднования столетия со дня рождения великого Важа.

«Я горько сожалел, что в этот день я не с вами, дорогие грузины и грузинки.

Но разве в том дело, где я буду находиться в этот знаменательный день? Все равно, мое сердце и душа будут с вами. Важа Пшавела, бесспорно, писатель мирового значения, и в этот день примите меня в число тех, кто по-сыновьи, с любовью склонит головы перед прахом того, чьи творения дают нам негаснущее эстетическое наслаждение, кто поистине бессмертен!

М и х а и л Ш о л о х о в».

Развитие грузинской культуры за последние полвека, опыт, накопленный в области художественного перевода, рост материальной и полиграфической базы позволили издательству приступить к выпуску на русском языке многотомных изданий избранных произведений наиболее выдающихся грузинских советских писателей. Некоторые из этих многотомных изданий распространялись по подписке и становились достоянием всеобщего читателя, тем самым закрепляя заслуженный авторитет грузинской художественной литературы в широких массах. Первым в этой серии вышел шеститомник избранных произведений выдающегося грузинского писателя Константина Гамсахурдиа. Он создал серию романов и новелл, отображающих как важнейшие события современности, так и значительнейшие периоды многовековой истории грузинского народа. Одновременно писатель непрестанно выступает в печати с острыми литературно-

критическими статьями и публицистическими этюдами на злободневные темы общественной жизни, по вопросам литературного языка и советской исторической романистики, пишет о творческом наследии классиков, грузинской, русской и западноевропейской литературы.

Произведения К. Гамсахурдиа пользуются в Грузии исключительной популярностью. Многие из них переведены на русский язык, на языки других братских народов СССР, на западноевропейские языки, на три языка Индии. В собрание избранных произведений вошли два крупных романа на темы советской действительности — «Похищение луны», «Цветение лозы», исторический роман «Десница великого мастера», исторический роман-тетралогия «Давид Строитель»¹, новеллы, повести и «Роман жизни Гете».

Учитывая интерес читателей, вызванный выходом в свет этого шеститомника, издательство наметило выпуск более расширенного подписного издания, которое включает в себя, помимо названных произведений, два дополнительных тома: том новелл и том литературно-критических статей.

Другим значительным многотомным изданием явилось собрание избранных произведений Михаила Джавахишвили в пяти томах. В первом томе — роман «Арсен из Марабды», пользующийся особой популярностью и переведенный на многие языки. Это большое историческое полотно, отображающее жизнь грузинского народа в двадцатых годах XIX столетия, его борьбу против самодержавия и феодальной тирании. В центре повествования — образ прославленного народного героя Арсена, вожака восставших народных масс. Во втором томе собрания сочинений М. Джавахишвили — «Женская ноша» и «Обвал». Оба произведения посвящены судьбам части грузинской интеллигенции, но только в первом романе действие происходит в революционные дни 1905 года, а во втором — уже при Советской власти, в первые месяцы ее установления в Грузии. В третий том включены повести «Гиви Шадури», «Белый воротничок», «Маленькая женщина» и другие. Эти произведения — о путях, избираемых интеллигенцией под влиянием величайших революционных потрясений и социальных преобразований в стране. Четвертый том показывает автора как большого мастера рассказа, новеллы, пятый том содержит письма, статьи, заметки Михаила Джавахишвили.

Продолжая издание многотомных собраний сочинений выдающихся грузинских советских писателей выпуском двухтомников Демны Шенгелая и Серго Квдиашвили, трехтомника Константина Лордкипанидзе и других, издательство вносит значительный вклад в дело популяризации многонациональной советской классики.

Видное место среди подписных изданий занял шеститомный роман-эпопея Анны Антоновской «Великий Моурави», удостоенный Государственной премии. На протяжении ряда лет этот роман выходил последовательно отдельными книгами. Он вызвал многочисленные отклики и приобрел широкую популярность среди читателей. Это первое произведение в русской литературе, посвященное историческому прошлому Грузии, одному из выдающихся государственных деятелей — талантливому полководцу XVII века Георгию Саакадзе. Живой общественный интерес, проявленный читателями к роману, побудил наше издательство выпустить подписным изданием полный комплект книг романа в едином улучшенном оформлении. Издательство учитывало при этом и то, как роман этот был принят грузинской творческой интеллигенцией, в частности писателями, историками. Вот что, например, писал Анне Антоновской Михаил Джавахишвили:

«Я прочел Ваш роман «Великий Моурави» с большим интересом и даже увлечением. Книга написана писателем много для меня народа. К тому же жанр исторический, а тема очень тяжелая, сложная, грандиозная. Согласитесь, что все это давало мне право отнести к Вашему труду скептически и даже, не скрою от Вас, с недоверием. Но «Моурави» рассеял мои сомнения, заставил прочесть себя без перерыва и с большим напряжением. Поздравляю Вас от всей души. Вы преодолели чрезвычайно тяжелую вершину, Вы совершили подвиг.

Я сам недавно закончил исторический роман «Арсен из Марабды», истратив на него семь лет моей жизни, и мне известно лучше, чем другим, как трудно написать роман из грузинской истории, тем более не грузину и трижды «тем более» из жизни Георгия Саакадзе. Подчеркнуто повторяю: несомненно, Вы совершили подвиг. Охватить фабулу, найти узелку и уловить стиль эпохи — вот наиболее трудные задачи, с которыми Вы, в общем, безусловно, справились.

¹ Удостоенный государственной премии имени Шота Руставели.

В этом коротком отрезке времени (около 25 лет) судьба нагромодила над Грузией такие глыбы трагических событий, в которых очень нелегко разобраться, а еще труднее — просеять их сквозь сито художника и уместить чрезмерно богатые факты в определенные границы. И с этой задачей Вы справились без большой натяжки... Сюжет развивается искусно и с большим размахом. Композиция не громоздкая, плавная...

Ваш брат по перу М. Джавахишвили.

Такой отзыв воспринимается, конечно, не только как блестящая оценка романа, но и как яркий пример дружбы народов, дружбы литератур.

Известно, что роман Анны Арнольдовны Антоновской «Великий Моурави» выплыл в многотомную эпопею.

И вот после издания первых книг эпопеи издательством «Заря Востока» Гослитиздат (Москва) предпринял выпуск этого романа полностью.

С четвертой книгой романа, в которой «органически развивается основная тема предыдущих томов», Гослитиздат обратился к академику Евгению Викторовичу Тарле с просьбой дать отзыв на этот том. Мы считаем полезным ознакомить и наших читателей с мнением известного историка.

«В IV томе романа Анны Арнольдовны Антоновской «Великий Моурави», — писал академик Е. Тарле, — органически развивается основная тема предыдущих томов и борьба знаменитого грузинского государственного деятеля и полководца Георгия Саакадзе (XVII в.) с феодалами за централизованное грузинское государство и его борьба с внешними врагами грузинского народа, с агрессивными мусульманскими державами — Ираном и Турцией.

«Родина и народ превыше всего!» — с этим девизом Георгий Саакадзе организует освободительную партизанскую войну против иранских захватчиков — Иса-хана и Хосро-миры.

Вместе с тем в IV томе романа значительное место отведено автором показу взаимоотношений Руси с грузинскими царствами в XVII веке и влиянию взаимоотношений Руси со странами Запада и Востока на политическое состояние грузинских царств.

Еще яснее звучит голос грузинских патриотов, убежденных, что «Русия по-может рано или поздно», «Русия для иверской Грузии уже союзник», «Дорога — дальняя к Русии, но дорога надежная».

Эта мысль очень акцентированно звучит в четвертом томе. Например, сравнить приезд воеводы Юрия Хворостинина (стр. 67 и сл.), а также прием послов царя Теймураза в Москве (стр. 88).

Неукротимая ненависть Саакадзе к персам и туркам еще более оттеняет это логически и исторически неизбежное тяготение к Москве, свойственное героям романа.

В IV томе оттеняется рост в XVII веке могущества московского царства. «...Время изменилось. Русия крепла, и уже трудно заслонить ей глаза персидской парчой...» (стр. 163).

Автор не скрывает политических увлечений Саакадзе и его скептического отношения к вопросу о военном союзе с северной державой, постепенно передвигавшейся к кавказскому предгорью. Но героический образ вождя и политика, так много сделавшего для облегчения феодального ига, удушавшего страну, не тускнеет.

Исторически неизбежное сближение Грузии с Россией намечалось еще в XVI веке, а попытки навязать нужные для Грузии сношения с некоторыми западными державами (империей Габсбургов, Польшей, Швецией) оказались совершенно бесплодными для Грузии. И это неминуемо после колебаний и зигзагов должно было в XVIII веке и в XIX привести к окончательному приобщению судеб Грузии к судьбам великой России.

Это сближение уже в XVII — XVIII вв. было настолько велико, что отразилось в достоверных преданиях грузинского народа. Таким образом, одна из основных идей романа, очень живо и ярко разработанная автором, имеет свое серьезное обоснование в грузинском фольклоре. Роман использует эти предания для исторического показа того факта, что русский народ задолго до официальных выступлений России в пользу Грузии уже проявлял симпатии и стремление к сближению с грузинским народом, и народ грузинский шел навстречу русским.

Роман «Великий Моурави» уводит мысль читателя к размышлениям об исторических судьбах кавказских народов вообще: что было бы с Грузией, с Арменией, с Азербайджаном, если бы шах Аббас или изверг Ага-Магомет-хан сумели завершить свои широкие планы, завоевать территории и поработить эти народы?

А как бы это могло им не удасться, если бы приближение, а потом и появление русских в Закавказье не спасло закавказские страны от двух могуще-

стеннейших деспотий — Турции и Ирана. Варварское уничтожение Тбилиси в 1795 году Ага-Магомет-ханом является ответом на вопрос о том, что ожидало грузин, армян, азербайджанцев, если бы не пришли русские.

Исторические судьбы, создавшие великую Россию, не только спасли эти героические маленькие народы, но и приобщили их к высокой мировой культуре, которую выполнил во время революции 1917 года и продолжает выполнять в наши времена русский народ.

Познавательльно-просвещающее значение романа, ярко объясняющее роль России на материале, плохо известном (или вовсе не известном) большинству советских читателей, весьма значительно. И думается, что IV том будет иметь такой же успех, который имеют три первых.

Выводы: IV том романа Анны Арнольдовны Антоновской «Великий Моурави» разработан на точных исторических данных. В монументальной форме отображаются и правильно освещаются подлинные исторические события. История Грузии первой половины XVII века показана правильно в тесном взаимодействии с историей других стран Запада и Востока — России, Ирана, Турции, Швеции, Польши.

Опубликование романа с позиций исторической науки не вызывает никаких возражений. Роман имеет не только большую художественную, но и познавательную ценность».

Все более развивающаяся из года в год практика подписных многотомных изданий грузинской советской литературы как бы выделяет и подытоживает из общего литературного процесса все наиболее значительное, получившее признание читателей, проверенное временем.

От первой небольшой книжечки молодого автора до его же двух- или трехтомника — это творческий рост многих талантливых писателей, рост, который нам довелось не только наблюдать, но и которому мы во многом способствовали.

Ежегодно издательство отражает в своих редакционно-производственных планах все то новое и лучшее, что появилось в грузинской литературе, и переводит на русский язык. При этом издательство внимательно следит не только за развитием художественной прозы и поэзии, драматургии и мемуаристики, но и за подъемом грузинской литературной критики и литературоведения. К примеру, назову капитальный труд А. Барамидзе, Ш. Радиани, Б. Жгенти «История грузинской литературы», о котором профессор Д. Д. Благой сказал в 1958 году, что «подобный очерк истории национальной литературы в Советском Союзе создан впервые», затем капитальную работу Шалвы Нуцубидзе «Творчество Руставели», Вано Шадури «Декабристская литература и грузинская общественность», книги С. Чилая «Очерки истории грузинской советской литературы», Г. Гвердцители «Образ положительного героя в грузинской советской литературе», Д. Гамезардашвили «Становление критического реализма в грузинской литературе XIX века», Ш. Чичуа «Роман, герой, время», Г. Маргвелашвили «Свет поэзии», М. Заверина «Не исчерпан поиск» и «В ожидании эпоса» (кстати, в журнале «Вопросы литературы» в № 5 за 1970 год напечатана рецензия Л. Антопольского на книгу М. Заверина «В ожидании эпоса». Эта рецензия привлекла наше внимание еще и потому, что она относилась к книге сотрудника нашего издательства), Э. Елигулашвили «В оригинале и переводе» и многие другие книги этого жанра.

Все чаще мы встречаем имена молодых критиков, и это служит залогом тому, что семья критиков растет и пополняется.

В связи с этим не лишне сослаться на выступление В. Озерова в газете «Правда» от 15 июля 1971 года. В статье «Литературной критике — широкие горизонты» он пишет:

«...Возможности у литературной критики есть, и немалые. За последние годы они стали квалифицированнее и аргументированнее судить о художественных произведениях, решительнее преодолевать аполитичность и эстетство, субъективизм и предвзятые оценки, групповые нравы и настроения. Рядом с опытными мастерами этого жанра, такими как Е. Книпович, А. Метченко, В. Перцов, Л. Новиченко, Г. Ломидзе, Л. Якименко, действует способная молодежь; в союзных республиках из ее среды выдвинулись имена, уже получившие всеобщую известность, — Мурат Ауэзов, А. Бучис, Ар. Григорян, В. Дончик, Э. Елигулашвили и другие».

Отрадно отметить, что упомянуто имя молодого критика Э. Елигулашвили — воспитанника нашего издательства, где он начинал свой литературный путь.

Целый ряд книг, изданных нами, посвящен жизни и деятельности русских писателей XIX — XX столетий, чья общественная деятельность и творчество в

той или иной степени связаны с Грузией, с социальной и духовной жизнью грузинского народа.

По этому поводу хорошо заметил Н. С. Тихонов:

«...Ведь нельзя сказать, что Пушкин просто так оказался в Грузии, что Лермонтов случайно попал в Тбилиси, что Грибоедов оказался в благословенной поэзией стране по служебной командировке, что Марлинский попал сюда в порядке ссылки...»

И в другие времена здесь начали свой литературный путь многие русские литераторы и среди них такие разные, как Лев Толстой и Максим Горький.

Все они проходили через большую дружбу, все воспринимали очарование страны, всех коснулось волнение, все унесли в памяти сердца взаимоотношение, полное неожиданных открытий, поэтических возможностей, больших чувств¹.

Далее Тихонов приводит строки молодого Полонского о Тбилиси, говорит о Маяковском и Есенине, Пастернаке и Заболоцком.

С каждым из этих имен, так же как с именами Чернышевского и Островского, Успенского и Чехова, Яблочкиной и Немировича-Данченко, Савиной и Шаляпина, Чайковского и Ипполитова-Иванова, связаны многие события их жизни и творчества, протекавшие в Грузии или вне Грузии, но в общении с грузинскими писателями и общественными деятелями.

Вот почему многие литературоведы и искусствоведы Грузии считали и считают своим моральным долгом посвящать исследованию этих замечательных примеров братской дружбы грузинского и русского народов отдельные свои труды и книги.

Они изучают документы и материалы в архивах Тбилиси, Москвы, Ленинграда и других городов, идут по следам минувших событий, поднимают пласты порой давно забытых или ускользнувших от внимания материалов.

Так рождались изданные нами книги: И. Андроникова «Лермонтов в Грузии в 1837 году», Л. Асатиани «Пушкин в Грузии» и «Дружба братских литератур», В. Шадури «Декабристская литература и грузинская общественность», Г. Гвенетадзе «Максим Горький и грузинская литературная мысль в начале XX века», И. Ениколопова «Пушкин в Грузии», «Лев Николаевич Толстой в Грузии», «Грибоедов в Грузии», В. Имедадзе «Горький в Грузии», Л. Маяковской «Пережитое», В. Лаперашвили «Жизнь Маяковского в Грузии», О. Лордкипанидзе «Русские революционные демократы в грузинской публицистике и критике», Г. Бебутова «Гимназия», Б. Пирадова «У истоков творчества Максима Горького», А. Николадзе «Русско-грузинские связи», И. Богомолова «Я. Полонский в Грузии», В. Челидзе «Вано Мачабели», Н. Вержбицкого «Встречи с Есениным», В. Татишвили «Грузины в Москве».

Особенно нужно выделить горьковскую тематику.

Имя Алексея Максимовича Горького органически связано с тематикой грузинского литературоведения, и это вполне понятно, ибо многие не только биографические, но и творческие моменты жизни и деятельности великого писателя вписались в историю Грузии конца XIX и первых десятилетий XX века.

А. М. Горький, вспоминая Тбилиси — город, где началась его литературная работа, писал: «Я никогда не забываю, что именно в этом городе сделан мною первый неуверенный шаг по тому пути, которым я иду вот уже четыре десятка лет. Можно думать, что именно величественная природа страны и романтическая мягкость ее народа — именно эти две силы — дали мне толчок, который сделал из бродяги — литератора».

Долгие годы тему «Горький в Грузии» разрабатывал Валериан Константинович Имедадзе. В итоге была нами выпущена его книга. Открывается она описанием рождения Максима Горького как писателя. То были годы, когда еще безвестный Алексей Пешков, придя в Тифлис, познакомился с лучшими представителями грузинского народа, он установил контакт с передовыми пролетариями, видными деятелями революционного рабочего движения в Грузии, с русскими революционерами, высланными царским правительством на Кавказ из центральных губерний России.

И совершенно правильно отмечает исследователь, что на Буревестника революции, уже определявшего в то время направление своего жизненного пути и смело вступающего в борьбу за светлое будущее человечества, не могли оказать глубокого впечатления край, в недрах которого неустанно клокотали революционные силы, направленные против двойного — социального и национального — гнета.

Не раз в дореволюционное время А. М. Горький встречался и общался с грузинскими революционерами и деятелями культуры также в России и за границей. Его уже тогда знали, любили и высоко ценили Эгнате Ниношвили и Ми-

¹ «Летопись дружбы», 1967, стр. 281.

ха Цхакая, Михаил Джавахишвили и Лео Киачели, Яков Николадзе и Мосе Тондзе, Филипп Махарадзе и Шальва Элнава и многие другие представители грузинской передовой общественности.

Творческие контакты установились между Максимом Горьким и Котэ Маджанишвили в связи с постановкой горьковских пьес, между Горьким и Иваном Мачабели в связи с подготовкой к изданию альманаха грузинской литературы в русских переводах. Как установлено, А. М. Горький знал лично Акакия Церетели, Давида Клдиашвили, В. Алексева-Месхишвили и даже Ивана Мачабели, с которым встречался в Тифлисе.

В настоящее время, изучая ту же тему — «Горький и Грузия», литературовед Г. Гвенетадзе еще шире раздвинул ее рамки, ибо он углубился в изучение грузинской прессы начала XX столетия, в историю грузинской общественной мысли и пришел к интереснейшим выводам, характеризующим живейший интерес грузинской общественности к творчеству Максима Горького.

Отметим также разработку Б. А. Пиравовым архивных материалов, дающих представление о связях Горького с грузинскими и русскими революционными деятелями в Грузии.

Не случайно поэтому встреча Горького в 1928 году в Грузии, встреча его на грузинской земле, вылилась в подлинно народные торжества. Его беседы с рабочими тифлисских газет и с грузинскими писателями, его выступления на пленуме исполкома Тифлисского Совета надолго запечатлелись в памяти современника.

И конечно, научные, литературоведческие исследования о Горьком в Грузии не исчерпываются названными мною работами. В этом направлении работает большая группа критиков и литературоведов, и само издательство наше не считает свои задачи в этом отношении решенными окончательно.

Не случайно выдающийся грузинский писатель Михаил Джавахишвили назвал Горького маршалом советской литературы. Все советские писатели, в том числе и крупный отряд грузинских писателей, видели в Горьком не только талантливейшего писателя, но и глубокого мыслителя, мудрого учителя молодых литературных сил. И в этом смысле издательство видит дальнейшее плодотворное развитие горьковской темы в Грузии.

Владимир Маяковский называл Грузию своей родиной, а себя — «по рождению» грузином. Его родное село Багдади, значительно преобразившееся за годы Советской власти, переименовано по просьбе трудящихся в Маяковский и стало районным центром.

Только «стоверстные скалы», густые леса, навечно протоптанные горные тропы и небольшой дом, сложенный из теса, да неизменно журчащая речка Ханисцкали остаются по сей день немymi свидетелями рождения и детства Володи Маяковского.

Кутаиси, расположенный на крутых берегах Риони в километрах двадцати от Маяковского, являвшийся в годы первой русской революции очагом восстаний во всей губернии, был городом первых школьных лет Маяковского. Здесь в атмосфере ожесточенных классовых боев, доходивших до баррикадных схваток с царскими войсками, здесь, в условиях большой пропагандистской работы, развернутой Имеретинско-Мингрельским большевистским комитетом, охватившим своим влиянием и все городские учебные заведения, формировалось сознание двенадцатилетнего, не по годам возмужавшего Владимира Маяковского.

Не может быть никакого сомнения в том, что, только получив такую зарядку, надыхавшись грозным воздухом первой русской революции, мог Маяковский в свои 15 лет быть уже партийным пропагандистом в Москве и вынести на своих юных плечах всю тяжесть арестов, отсидок в «предварилках» и одиночного заключения в Бутырской тюрьме.

За разработку материалов ученических лет Маяковского взялся еще в тридцатых годах литературовед Г. В. Бебутов. В итоге изучения архивных фондов Кутаиси, Тбилиси и Москвы и записи воспоминаний современников им была написана изданная нами в 1962 году книга «Гимназия».

Достоинством этой документальной повести является то, что автор не ограничился анализом развития сознания будущего поэта в переходные периоды его жизни — от детства к отрочеству и от отрочества к юности, а дал еще широкий историко-бытовой фон, показал ту атмосферу, ту политическую погоду, которая способствовала выработке мировоззрения Маяковского как поэта социалистической революции.

Конечно, этим трудом не исчерпывалась заинтересовавшая издательство проблематика. Поэтому мы стимулировали написание и опубликование статей и книг А. Николадзе, Г. Маргвелашвили, В. Лаперашвили о Маяковском.

Нами была издана также книга сестры поэта Людмилы Владимировны Маяковской «Пережитое».

Мы вовсе не склонны отрывать изучение детства и юности Маяковского от изучения его жизни и творчества после 1912 года, а в особенности в советские годы.

В этом плане отмечу вдумчивые статьи Г. Маргвелашвили о раннем творчестве Маяковского в книге «Литературно-критические статьи» (1958) и вторую книгу Г. Бебутова «Лицом к лицу с читателем», которая написана в результате изучения многих сотен и тысяч записок, полученных за несколько лет Маяковским от слушателей на поэтических вечерах. Это, как отмечает сам автор, «как бы заявка на исследование вопроса о массовости поэзии Маяковского».

Не могло наше издательство пройти и мимо такой волнующей и насыщенной содержанием темы, как «Есенин в Грузии».

Нельзя забывать, что месяцы, проведенные Есениным в 1924—1925 годах в Грузии, — творчески наиболее насыщенные и что сам поэт, обращаясь к Кавказу, писал: «Ты научи мой русский стих кизилowym струиться соком», а в письме, посланном Тициану Табидзе из Москвы, признавалась в своих чувствах к гостеприимно встретившему его краю: «Грузия меня очаровала».

Хочется напомнить и строки из автобиографии Георгия Леонидзе:

«Вспоминая Маяковского и Есенина, я должен сказать, что Грузия воздействовала на них куда сильнее, чем это непосредственно сказалось в их творчестве».

Первый не успел воспеть небеса Грузии, о чем он с такой болью в душе писал, и второму тоже не довелось пройти «грузинские кремнистые дороги».

Образ Есенина, его исключительно проникновенные и задушевные слова, обращенные к грузинским поэтам, запали глубоко в душу его современников, одним из которых является Георгий Леонидзе. И не случайно незадолго до своей смерти Георгий Николаевич испытал потребность поделиться своими впечатлениями о великом русском собрате.

Эти воспоминания начинаются яркими леонидзевскими строками:

«Бурная и дерзкая молодость наша осталась позади... Пришло время воспоминаний, и я все чаще тревожу свою память, вызывая из прошлого образы друзей и братьев. Среди них встает передо мною человек чарующей силы и неотразимого обаяния — большой русский поэт Сергей Есенин. Я будто слышу его голос, звучавший сорок с лишним лет назад:

Я — северный ваш друг и брат!»

Это большой заповедь для исследования темы «Есенин и Грузия».

Именно поэтому мы считаем, что эта тема не исчерпывается сугубо биографическими моментами, а требует глубокой разработки.

Выпущенная нами книга воспоминаний Николая Вержбицкого «Встречи с Есениным» и опубликованная в книге прозы Тициана Табидзе его статья «Сергей Есенин в Грузии» — это только первая дань разработке намеченной темы.

Каждая из таких книг — определенная веха в изучении развития общественно-литературной мысли. А сколько таких славных вех впереди, и велика роль издательства в их создании. Уже сейчас разрабатываются темы и публикуются отдельные статьи о русско-грузинских культурных связях нашей современности и, буквально, текущих дней. Так, были напечатаны статьи и материалы, например, о творческом содружестве в тридцатых годах Михаила Шолохова и Николая Шенгелая, Нато Вачнадзе и Эсфири Шуб, о творческой помощи Сергея Эйзенштейна, Виктора Шкловского и Сергея Третьякова грузинской кинематографии в период ее становления.

Мне уже сейчас видятся контуры будущей книги «Николай Тихонов и Грузия». Собственно говоря, почему — «будущей»? Эта книга составляется из дня в день, она начала складываться еще в 1924 году, когда состоялось первое знакомство поэта с Грузией. Помните, он писал в автобиографии, что в 1924 году впервые увидел Грузию и Армению, был на Земо-Авчалах, где тогда широко развернулось строительство первой плотины на Куре, где «кончалась вековая отсталость этого древнего места»¹.

И вот с тех пор прошло почти пятьдесят лет... Поэтому, посылая 3 декабря 1971 года Николаю Семеновичу Тихонову телеграмму с поздравлением в связи с его семидесятилетием, я упомянул, что дружба его с Грузией имеет полувековую историю и что мы всегда рады новым книгам, рады встречам с его новыми рукописями.

Не случайно я заговорил о новых рукописях Тихонова. Еще до его юбилейной даты, на бараташвилевских торжествах у нас в Тбилиси, мы впервые поставили перед Н. С. Тихоновым вопрос об издании однотомника его произведений о Грузии. Приведу полностью переписку по этому вопросу.

¹ «Советский писатель, автобиография», т. 2, М., 1959, стр. 429.

11 августа 1970 года я писал Николаю Семеновичу:

«В бытность Вашу у нас, на бараташвилевских торжествах, мы с Вами имели разговор о назревшей необходимости подытожить Ваш многолетний, и бы сказал, подвижнический труд о любимой всеми нами Грузии.

Мне хочется повторить его. Речь идет об издании Ваших поэтических изведений, рассказов, очерков, статей, докладов, речей и высказываний Грузии. Не буду их перечислять, он так хорошо знакомы нам, а тем более Вам, как автору, но если понадобятся наша «подсказка» в виде помощи в подборе материала, то мы охотно включимся в эту работу. Главное, чтобы Вы все это просмотрели и дали каждому произведению путевку в новое издание. Я себе хорошо представляю, как прекрасно оно будет выглядеть и какое большое впечатление произведет на читателя, на нашу общечеловеческую тематическую цельностью.

Не откладывайте в этот раз, Николай Семенович, подготовку однотомника, ведь время бежит стремительно и мы с Вами понемногу стареем. (Мы почти одногодки!). Так давайте же, пока «мы молоды», осуществим это издание.

Очень жаль, что нет с нами неповторимого Гоглы Леонидзе. Тяжела для всех нас эта утрата! Он был бы душой этого издания и предал бы книгу своим словом. Но что поделаешь. Во всяком случае, мы найдем достойного в этом отношении преемника, который выскажет в своем предисловии все, что чувствует и думает о Вас грузинский народ.

Буду ждать от Вас ответа и практических шагов.

Всего Вам доброго, дорогой Николай Семенович!

Вот что ответил Н. С. Тихонов:

«28 сентября 1970 г.

Дорогой Марк Израилевич!

Должен покаяться перед Вами. Даже принести самые глубокие извинения за то, что так задержал ответ на Ваше дружеское письмо. Должен Вам сказать, что виной разные обстоятельства, в том числе и не очень важное состояние здоровья и отпуск, и разные дела, которыми так богата жизнь старого человека в наше время. С годами-то ведь не считаются.

Спасибо Вам за добрые слова, которые я прочтал о себе и о моем творчестве в Вашем письме. Теперь об однотомнике. Видите ли, кончив азиатскую тему, выпустив итоговую книгу — «Шесть колонн», я переключился на тему Кавказа. Хочется мне тоже сказать какое-то мое слово о Кавказе. Это не значит, что я соберу все мной написанное на эту мою любимую тему и заключу в один переплет. Нет, в эту совсем новую книгу из старого может что-нибудь одиночное войти, но не больше. Но, конечно, среди тем этой книги, книги тоже только художественной, не очерковой, должна войти и грузинская тема.

Вот почему мне кажется, что следует подождать с однотомником и, собрав то, что есть, подождать новых рассказов на грузинскую тему. То есть сдать книгу не в этом, а в будущем году. Конечно, для однотомника материала хватит. Но хотелось бы добавить в него кое-что новое, помимо уже имеющегося.

Вот такое мое предложение. Как Вы к нему отнесетесь? В основном я буду трудиться над кавказской книгой, где будут и разные времена, и разные люди, и горы, и многое другое.

Буду рад получить от Вас ответ и Ваши соображения! Благодарный сердеч-но за дружбу и заботу!

Желаю Вам и всего самого лучшего!

Н. Тихонов».

Я ответил на это письмо:

«Дорогой Николай Семенович!

Письмо Ваше получил. Я тоже воспользовался отпуском, чтобы немного отдохнуть от быстро текущих дел.

Очень рад, что Вы вновь подтвердили свое согласие на подготовку одно-томника о Грузии и, более того, расширяются его рамки обещанием новых страниц на грузинские темы из задуманной Вами книги о Кавказе.

Мы вполне принимаем Ваше предложение, «собрав то, что есть, подождать новых рассказов». Но как Вы мыслите однотомник: только художественный или еще публицистический? Ведь ценно иметь собранными в одной книге все Ваши мысли и чувства по отношению к стране, с которой Вы так тесно связали свое творчество.

Итак, не откладывайте, дорогой Николай Семенович, на долгие сроки под-бор текстов и примите пожелание подлинного вдохновения в Вашем новом твор-ческом начинании.

Срок представления рукописи в будущем году — приемлем.

Ваш М. Златкин.

P. S. Имеете ли Вы наше издание «Грузинские страницы Ленинианы»? Если нет — вышлем»

И вот, спустя некоторое время, уже на съезде писателей Грузии, на котором Николай Семенович был почетным гостем, мы, прогуливаясь в минуты перерыва по кулуарам зала заседаний, снова обсуждали вопрос уже о наиболее полном издании всего написанного им о Грузии. И как бы в развитие нашего разговора вскоре я получил от Николая Семеновича подробное письмо: «9 мая 1971 г.

Дорогой Марк Израилевич!

Приветствую Вас с праздником — с днем пятидесятилетия Советской Грузии. Желаю дальнейшего процветания ее искусства и литературы, издательской деятельности, в частности издательства «Мерани». Желаю Вам здоровья и личных успехов в жизни и в работе.

Дни, проведенные в Тбилиси на съезде, были, конечно, прекрасными днями, но слишком быстрыми. И двенадцатого мая я уже сажусь в самолет и лечу в Будапешт, на сессию Всемирного Совета Мира. Я бы с удовольствием снова посетил Тбилиси во время торжеств, но должен ограничиваться письменными приветствиями.

Теперь о книге, о которой мы с Вами имели разговор во время съезда. Сейчас я Вам объясню, почему я откладываю ее формирование. Я сейчас не говорю о том, что уже было написано в прошлые времена. Но я имею уже почти готовую новую книгу стихов о Грузии, которую можно было бы назвать «Новая встреча». Туда бы вошли стихи о Грузии, не входившие в сборники и недавно написанные. Таких стихотворений есть уже около двадцати. Но к ним надо добавить еще десять-пятнадцать, и они будут, но не в мае — июне, а только осенью, потому что я сейчас буду до двадцатого мая в Венгрии, потом по возвращении в Москву отправлюсь в Ленинград, вернусь — начнется сессия Комитета по Государственным премиям, потом — подготовка к Всесоюзному съезду писателей и 29 июня — съезд. Он захватит и начало июля. Я освобожусь только в середине июля. Но мне надо передохнуть после стольких работ. А к тому же мне надо сдать прозу в «Знамя», которому я давно должен повесть. Таким образом, остается осень. К тому же, я еще хочу приготовить и для книги прозы (грузинская тема) новые рассказы, которые в работе и не окончены. Кроме того, надо привести в порядок статьи, речи и очерки, написанные о Грузии. На это тоже надо время. А там есть материалы о Шота Руставели, Гурамишвили, Казбеги, Леонидзе, Карло Каладзе, Важа Пшавела, И. Чавчавадзе, Николае Бараташвили, Сандро Шаншиашвили, Ираклии Абашидзе, Тициане Табидзе, о Тбилиси и другие. Всего много, и в этом надо разобраться.

Вот почему я возлагаю надежды на осень, и надежды реальные. А не приведа это в порядок и не написав новых рассказов и не окончив книгу стихов — это невозможно.

Возложим все на ближайшее будущее, и я думаю, что все будет в порядке. Я буду держать Вас в курсе дела. Кроме того, надо посмотреть новые переводы с грузинского, сделанные за последние годы.

Как видите, материал найдется — надо время, а время мы рассчитаем!

Напишите Ваши соображения. Буду рад получить их в ближайшее время! Пользуюсь случаем приветствовать дорогого Карло Каладзе, которому я написал сейчас отдельно, но не об этом...

Сердечный привет.

Николай Тихонов».

Вскоре же после получения этого письма я ответил Николаю Семеновичу:

«Говорят, что истина рождается в спорах, но в нашей переписке истина родилась при полном взаимопонимании. Конечно же, мы приветствуем Вашу книгу новых стихов о Грузии, как некогда были рады «Грузинской весне». Как только мы получим рукопись — ей будет открыта зеленая улица.

Теперь о ближайшем будущем. Вы совершенно правильно планируете, как мне кажется, **том прозы** (на грузинские темы). Я имею в виду производимые Вами отбор и просмотр, или, как Вы выразились, «приведение в порядок» статей, речей и очерков, а также рассказов, написанных о Грузии (как уже печатавшихся, так и новых).

Когда эти планы будут осуществлены полностью, мы с Вами сможем приступить к составлению **тома поэзии** — Ваших оригинальных стихов и поэм, посвященных Грузии. В этот том войдут произведения прошлых лет, а также новые, выпущенные предварительно отдельной книжкой («Новая встреча»).

К последующему этапу будет относиться объединение под одним переплетом всех Ваших переводов с грузинского. Таким образом мне представляется логическое завершение издания всего того, что Вами так блистательно создано о Грузии.

О праздновании 50-летия Вы, конечно, читали в газетах, но для полного представления о нем надо было бы быть в Тбилиси. Жаль, что предельная загруженность большими государственными и общественными заботами помешала Вам быть нашим гостем в эти дни».

Подготовка такого своего рода трехтомника — прозы, поэзии и переводов началась вслед за нашей перепиской. Думается, что издание трех таких книг лучший способ подытожить многолетние и многосторонние связи Н. С. Тихонова с Советской Грузией.

Мы потому так подробно остановились на взаимоотношениях Н. С. Тихонова с издательством, что видим в этом общественное явление большого значения. Связь Тихонова с Грузией — не только отдельные страницы творческих связей писателя с республикой, но и характерное выражение интернациональной сущности наших дней.

Особенно примечательно, что во всем этом проявляется преемственность поколений и дальнейшее развитие славных традиций дружбы. К примеру, внучка Н. Г. Чернышевского Нина Михайловна Чернышевская пишет из Саратова Русудане Николаевне Николадзе — дочери Н. Я. Николадзе, известного публициста и общественного деятеля, издавшего за границей роман «Что делать?» и принимавшего деятельное участие в освобождении Н. Г. Чернышевского из ссылки:

«Вчера вновь перечитала листки Ваших воспоминаний; и от них повеяло на меня таким теплом, что я не могу не послать Вам моего сердечного привет и благодарности за высокое переживание, с такой живостью почувствовалась идейная связь Чернышевского с благородным грузинским народом, с лучшими представителями его общности шестидесятых годов»¹.

Большие резервы видит наше издательство для своей деятельности в грузинской мемуаристике, как дореволюционной, так и советской. Грузинская мемуаристика — прямое отражение истории общественной мысли, связей и совместной борьбы грузинского народа с русским и другими народами против царского самодержавия. Возьмете ли вы мемуары Нико Николадзе — выдающегося революционного демократа, сподвижника Герцена и Чернышевского или мемуары Акакия Церетели, Ильи Чавчавадзе, вы неизменно найдете в них мотивы дружбы грузинского и русского народов, дружбы, которая с новой силой и в новых своих проявлениях дружбы всех народов нашей многонациональной Родины отражена в мемуарах советской эпохи.

При многоплановой работе издательства есть возможность внимательно следить за литературным процессом, за творческим развитием каждого писателя, за состоянием всего литературного фонда республики.

В 1958 году, к Декаде грузинского искусства и литературы, проводившейся в Москве, наше издательство подвело значительные итоги творческой работы писателей, представило для обсуждения более ста тридцати книг. Это дало поэту М. Луконину основание сказать в своем выступлении: «Надо, между прочим, поблагодарить грузинские издательства, которые блестяще справились со своей задачей и действительно в этом смысле подготовили Декаду отлично»².

В числе представленных на Декаде книг значительное место занимали в переводах грузинские романы, повести, рассказы. На обсуждении их В. Дружин сказал: «В настоящее время грузинская проза достигла такого положения, что она накопила много богатств, в ней происходит много интересных процессов, появляются новые интересные книги, и главное, что это новое в своих произведениях дают писатели разных возрастов, начиная от Ш. Даднани и К. Гамсахурдиа до молодого И. Руруа»³.

Эту мысль подтвердили и многие другие участники обсуждения, в частности Мариэтта Шагинян посвятила выступление книге рассказов молодого прозаика Реваза Инанишвили. «Я думаю, — сказала она, — что нарождается настоящая советская проза в лице той молодежи, которая знает своих людей, широко знакома с типичными грузинскими характерами и обстановкой»⁴.

За прошедшие с тех пор пятнадцать лет в грузинской прозе появилось много новых имен. Кроме упомянутых Нодара Думбадзе, Арчила Сулакаури, Тамаза Чиладзе, Отия Иоселиани, Эдишера Кипиани, можно назвать Г. Панджикидзе, Г. Гегешидзе, Н. Цулейскири, Р. Чейшвили и других.

Издавна сложилось мнение, что Грузия — страна поэзии и в грузинской литературе главенствует поэзия. Развивая эту мысль на обсуждении поэзии в дни Декады, поэт Сергей Смирнов продолжал: «И мы не можем не высказать чувства благодарности этой стране, которая в душе молодого Горького пробудила писателя, которая вызвала к жизни и дала орлиный полет стихам Лермонтова и Пушкина...»⁵.

¹ «Летопись дружбы», 1967, стр. 396.

² «Декада грузинского искусства и литературы в Москве», стр. 494.

³ Там же, стр. 449.

⁴ Там же, стр. 390.

⁵ Там же, стр. 516.

Максим Рыльский, отвечая на расширительное суждение Ираклия Абашидзе, что Грузия страна литературы, заметил: «...Грузию называют страной поэзии. Ираклий Абашидзе вносит изменение в эту формулу и называет Грузию страной литературы. Но я думаю, что и хорошая проза, и хорошая драматургия — это тоже поэзия. И я позволю себе остаться при старой формуле: страна поэзии, страна великих традиций и великих новых слов»¹.

С этим мнением крупнейшего украинского поэта соглашались и многие другие участники обсуждения книг грузинской поэзии. Это мнение получило подтверждение не только на Декаде в 1958 году, но и во весь последующий период и, в особенности, с выпуском к 50-летию Советской Грузии большой «Антологии грузинской советской поэзии», которой было посвящено специальное заседание совета по грузинской литературе Союза писателей СССР в январе 1972 года.

Главные координаты наших тематических планов проходят через темы современности.

Современностью мы называем все то, что рождено и создается в советской действительности с самого утверждения новой власти до наших дней.

Современен, например, роман К. Лордкипанидзе «Заря Колхиды», который начал печататься в 1933 году. Автор как бы шел по свежим следам событий социалистической перестройки деревни, он создал образ Меки Вашакидзе — сироты, горемыки, с детских лет принужденного прислуживать кулаку и теперь впервые почувствовавшего себя в новых условиях хозяином своего труда и своей судьбы.

Книги этого автора отражают почти все этапы в развитии социалистического общества — гражданскую войну, коллективизацию сельского хозяйства, Великую Отечественную войну, годы послевоенного развития. Он создал ряд образов, глубоко раскрывающих характер советского человека и в трудовых буднях, и в самых тяжелых испытаниях военного времени.

На темы современности, кроме книг, уже названных в предыдущих главах, — романов К. Гамсахурдиа, Д. Шенгелая и других, изданы нами романы «Гвади Бигва» Лео Киачели (удостоенный Государственной премии), «Лицом к лицу» А. Кутатели, «Вдова солдата» Реваза Джапаридзе, «Новый горизонт» Ладона Авалиани, «Я, бабушка, Илико и Илларион» Нодара Думбадзе, «Корнаги» Григола Абашидзе, «Рустави» Акакия Белиашвили, сборник рассказов Г. Натршвили, избранное Григола Чиковани и многое, многое другое.

Тема современности находит свое яркое отражение и в поэзии, от лирического стихотворения до многоплановой поэмы.

Все эти книги отражают как темы мирных лет строительства, так и Великой Отечественной войны.

Важнейшим разделом оперативного плана являлись произведения советских писателей, создававшиеся по свежим следам военных событий. Многие писатели непосредственно участвовали в работе фронтовых редакций, тут же под свежими впечатлениями писали свои произведения — повести и рассказы, стихи и поэмы.

О действительной силе выпускаемых книг говорили такие издания, как, например, «Песни победы» — сборник стихотворений грузинских поэтов, «Смерть немедком оккупантам» — сборник острых политических карикатур и стихов и др.

Испытывая острый недостаток бумаги, вызванный военной обстановкой, издательство использовало даже типографские отходы и печатало на обрезках бумаги целую серию книжек-малышек. Перед нами одна из таких книжек, выпущенная в 1942 году, — «Книжка-малышка. Будет Гитлеру крышка».

Эти стихи, брошюры и карикатуры предварительно появлялись на страницах газеты «Заря Востока», которую редактировал тогда В. Г. Григорьян. Он же был редактором отдельных сборников.

В самые тяжелые месяцы Отечественной войны Тбилиси радушно встречал и окружал заботой многих деятелей литературы и искусства Москвы и Ленинграда, Киева и Минска. В числе них были В. Немирович-Данченко, В. Качалов, М. Тарханов, С. Прокофьев, В. Вересаев, Ю. Шапорин, В. Сварог, И. Павлов, В. Орлов, И. Новиков, В. Каменский. И что особенно характерно, каждый из них не чувствовал себя оторванным от привычных дел и обстановки и находил сферу приложения своих творческих сил. Так, например, В. Немирович-Данченко читал лекции и передавал свой богатейший режиссерский опыт молодым работникам театров. В. Вересаев, которому тогда исполнилось 75 лет, заканчивал свой монументальный труд — перевод «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, а также писал новые рассказы из цикла «Невыдуманные рассказы». С. Прокофьев выступал в концертах с исполнением своих произведений, В. Сварог писал картины, созвучные переживаемым моментам, И. Павлов проявлял свое тради-

¹ «Декада грузинского искусства и литературы в Москве», стр. 457.

ционное пристрастие к живописным городским уголкам и создал графические рисунки Тбилиси, реки Куры, поэты переводили стихи поэтов...

Наше издательство, естественно, не могло оставаться в стороне от этого большого и многогранного творческого процесса. Мы выпустили книгу «Невыдуманные рассказы» Викентия Викентиевича Вересаева, книги стихов и переводов Ивана Алексеевича Новикова, Владимира Николаевича Орлова, Василия Каменского. В. Сварог выполнил в цвете обложку для брошюры «Разгром немецких войск под Ростовом», И. Павлов — зарисовки живописных уголков Тбилиси, одна из которых впервые публикуется в этой книге.

Произведения В. Вересаева и русских поэтов, как и вся литература наша того времени, печатались на простой газетной бумаге, в самом скромном оформлении, что в условиях военного времени было вполне понятно, но творческий резонанс этих изданий был тогда большой.

Эти издания широко распространялись в тылу и отвозились на фронт. Вместе с этой литературой было послано сыгравшее свою историческую роль письмо трудящихся Грузии грузинам-бойцам, принятое на антифашистском митинге в Тбилиси.

После окончания войны тематика героических лет заняла прочное место в грузинской советской литературе, что и нашло свое отражение в издательских планах.

Так, нами были изданы: «Человек гор» Лео Киачели, повести и рассказы Константина Лордкипанидзе, рассказы Георгия Натрошвили, «Алый цветок» Демны Шенгеляя, документальная повесть Героя Советского Союза, партизанского вожака Давида Баградзе «Кровью героев», документальные книги участника партизанского движения в Белоруссии Давида Квициридзе «В Ордышевском лесу», участника героической обороны Бреста Александра Каландадзе «Дни в Брестской крепости», Реваза Джпаридзе «Марухские белые ночи», Михаила Лохвицкого «Неизвестный» и многие другие.

Таким образом, издательство как бы ощущает по издаваемым книгам пульс нашего времени. Но чтобы уловить и отразить средствами художественного слова самое злободневное, текущие события, оно обращается к жанру художественного очерка.

Издательство основало «Библиотечку очерка», первыми выпусками которой были сборники «Разведчики грядущего», «Они смотрят вперед», «Черты советского характера», затем вышли: «От берегов Ингури до Ангары» Л. Мачаидзе, «Тепло человеческого» И. Месхи, «Под небом Грузии» и «Репортаж из Сакартвело» М. Давиташвили и другие книги.

Хочется особо остановиться на истории создания очерка «От берегов Ингури до Ангары». В сороктовую годовщину республики, в 1961 году, решено было отправить в дальний пробег от Кутаиси до Братска новую автомашину «Колхида», выпущенную грузинскими автомобилестроителями. Машине предстояло пройти путь в девять тысяч километров и показать свои технические и эксплуатационные качества. На этой машине поехал журналист Л. Мачаидзе, который и написал интересную книгу об этой поездке. Машина прошла через Новороссийск, Ростов, Волгоград, Саратов, Уфу, Челябинск, Кустанай, Омск, Новосибирск, Кемерово, Красноярск. Журналист записал все то интересное, что он видел в пути и в самом Братске. С собой он повез письмо строителей крупнейшей в Грузии Ингурской гидроэлектростанции. Ингурцы вызывали на социалистическое соревнование строителей Братской ГЭС. Так на материале тех дней, самых последних событий тогда же родилась книга.

А в пятидесятилетие республики были выпущены три книжки очерков: Н. Новичко «Восхождение», М. Давиташвили «Добрые всходы» и С. Гвелесиани «Жизнь в науке».

Уже традиционным стал в жизни издательства «Мерани» систематический выпуск литературно-художественных сборников («Содружество», «Современники», «Дом под чинарами»), в которых помещаются произведения писателей, живущих в Грузии и пишущих на русском языке.

Издательство обычно активно участвует в подготовке к знаменательным историческим датам и юбилеям, к важным событиям современности.

В 1966 году в масштабе всего Советского Союза и зарубежных стран праздновалось 800-летие со дня рождения Шота Руставели — великого грузинского поэта и мыслителя. В Тбилиси, а затем в Москве собрался в связи с этой юбилейной датой форум писателей, ученых и общественных деятелей советских республик и иностранных гостей. Тогда наше издательство задало целью не только выпустить юбилейное издание поэмы Руставели, но и напомнить читателям о праздновании 750-летия поэмы «Витязь в тигровой шкуре», состоявшемся в декабре 1937 года. К новым юбилейным дням был выпущен сборник «Деятели русской культуры о Шота Руставели» (составитель Г. Бебутов).

В эту книгу вошли статьи, речи и высказывания широкого круга писателей, публицистов, ученых, воздавших должное яркому светочу общественной мысли, нравственных норм и гуманизма, который зажегся в эпоху Ренессанса.

Ныне создается книга-отчет о новом руставелевском юбилее, так широко отпразднованном всей передовой общественностью мира.

В 1967 году, к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, были выпущены серии книг, как бы подытожившие творческие достижения поэтов и прозаиков Грузии за все годы Советской власти, а также двухтомное издание «Летописи дружбы грузинского и русского народов с древнейших времен до наших дней» и итоговое издание «Страницы грузинской советской литературы. Эпопея-хроника» (1917 — 1957).

1500-летие столицы Советской Грузии Тбилиси отмечено книгой «Тбилиси в поэзии», в которую вошли произведения поэтов разных эпох и народов с XII века до наших дней. Эта книга, пожалуй, наиболее полное из существовавших когда-либо отражений темы Тбилиси в художественной литературе.

Широко и торжественно было отмечено всеми советскими людьми, всем прогрессивным человечеством столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Наше издательство дало к этой знаменательной дате книгу стихов, посвященных Ленину (на грузинском языке) и капитальный сборник «Грузинские страницы Ленинианы» (на русском языке). В сборнике два основных раздела. Первый раздел «Ленин и Грузия» содержит высказывания Владимира Ильича о Грузии, о революционном движении в Грузии и деятельности большевистских организаций; переписку Ленина с грузинскими большевиками и местными партийными комитетами; воспоминания грузинских большевиков о Ленине. Раздел завершают письма и телеграммы трудящихся Грузии В. И. Ленину. Во втором разделе книги собраны стихи, рассказы, пьесы, посвященные Ленину. Первый раздел иллюстрирован документальными фотоснимками, второй — репродукциями с картин художников Грузии.

Казалось бы, под одним переплетом объединены две книги. Но это только на первый взгляд. В действительности все материалы сборника едины по духу своему, идейной направленности. В подтверждение этого можно сослаться на такой момент. Второй, литературный раздел сборника открывают стихи, печатавшиеся на страницах первой грузинской нелегальной газеты ленинско-искровского направления «Брдзола», выходившей в 1901 — 1902 годах, и на страницах грузинской легальной большевистской прессы 1906 — 1907 годов.

В этих стихах, как отмечается в предисловии, рождались традиции боевого служения художественным словом делу пролетарской партии.

«В материалах необъятной как океан Ленинианы, так же как в малой части ее, составившей этот сборник, — говорится в предисловии, — многие читатели найдут для себя «исследовательское начало», загорятся пафосом исследования, ибо многие эпизоды и события еще до конца не изучены, многие материалы еще не обнаружены, не найдены в архивах».

Вполне справедливо отмечено в предисловии, что «опыт обобщения в одном сборнике материалов различных видов и жанров и тематических аспектов — это только начало большой работы, потому что Лениниана создавалась и продолжает создаваться и дополняться самим временем, ежедневно и ежечасно, как сама величайшая сущность нашего поступательного движения к коммунизму».

Мы не считаем нашу работу по разработке тем Ленинианы завершенной. С этой работой непосредственно связана вся идейная сущность деятельности издательства.

Славный национальный праздник грузинского народа — 50-летие Грузинской Советской Социалистической Республики издательство отметило, как сказано было ранее, выпуском «Антологии грузинской советской поэзии» на грузинском и русском языках.

Эти книги явились величественным гимном поэтов Грузии новому строю, новой жизни, борьбе за коммунизм в нашей стране, отразили многообразие трудовой и духовной жизни грузинского народа.

Издана также серия книг «Грузинская ССР», повествующая о всех отраслях народного хозяйства и культуры республики за 50 лет.

Важной особенностью профиля нашего издательства является то, что по его редакционным планам и по выпущенным в русских переводах книгам можно составить определенное представление о развитии всех жанров и видов грузинской художественной литературы.

ПО ДОРОГАМ ГРУЗИИ

Творческое отражение первой поездки Алексея Толстого в Советскую Грузию

А. Н. Толстой никогда не порывал связей с Грузией, не переставал интересоваться ее жизнью, историей, искусством, культурой со времени своего первого посещения страны Руставели в 1911 году.

В советскую пору А. Толстой все более тесно сближается с грузинской культурно-литературной общественностью, чаще встречается с ее представителями, приезжает в Грузию, пишет о ней.

Первая поездка А. Толстого в Советскую Грузию состоялась в 1932 году. Об этой встрече с древней страной, вставшей на новый, социалистический путь развития, со страной, в которой последний раз писатель побывал в 1915 году в качестве военного корреспондента, он мечтал уже давно, готовился к ней и неоднократно предпринимал попытки после своего возвращения на родину осуществить ее. Однако эти попытки так и оставались незавершенными до 1932 года, когда после пребывания в Кисловодске он отправился по Военно-Грузинской дороге в Тбилиси, а затем в Батуми и по долинам рек Чорохи и Аджарисцкали. Творческим итогом этой поездки А. Толстого явилось несколько страничек в его записных книжках и очерк «Аджарисцкали», опубликованный 1 января 1933 года в газете «Известия».

А. Толстой обычно почти не прибегал к записям увиденного и услышанного, не любил вести записных книжек и в его литературном наследии их очень немного. Он довольно равнодушно относился к этому способу накапливать жизненный материал для последующего творческого его воссоздания, говоря не раз: «Записывать нужно очень мало. Лучше участвовать в жизни, чем ее записывать в книжку»¹. И тем интереснее, что на очень немногих сохранившихся страничках из записных книжек А. Толстого довольно заметное место занимает «кавказская» тема.

Стиль этих записей, естественно, лаконичный, краткий, емкий, что не меша-

ет возникновению яркого зрительного впечатления, живости и запоминаемости картин. Приведем полностью страницу с описанием Военно-Грузинской дороги:

«...Военно-Грузинская дорога. Стада овец, важные пастухи в пыльных папахах, как вожди племен. Синие, лазоревые планы гор, поднимающихся к облакам. Казбек, окутанный тучами.

Кайшаурская долина. Водопад мироздания. От снежных вершин, где клубятся облака, до аулов и садов глубоко в пропасти, где отдаленно шумит Арагва. Пышная, как рыхлый ковер, долина Арагвы. Огары овец, спускающихся на водопой. Гнезда аюлов с прямоугольными башнями.

В черно-серебристых облаках побежала по-южному ослепительная половина луны.

Р. С. Перевал. Позади пустынный Кавказ, снежные вершины цвета увядшей травы, песка и глины. Впереди — синий, лиловый юг, нагромождение лесистых вершин, теплые, густые тени»².

Нельзя, конечно, простую запись — набросок, кратчайшую фиксацию для памяти увиденного во время путешествия — принимать со всей серьезностью за художественное произведение и судить о ней по тем же критериям, с какими подходим мы к цельной и законченной вещи. Однако нельзя и не отметить, сколько в этих строках таланта, присутствующего их автору, как точно и выразительно схвачена картина, какой художественный вкус и такт проявился в ярких сравнениях и образах. Есть в этой записи и своеобразная кинематографичность, как будто видишь перед собой быстро сменяющиеся кадры превосходно снятого фильма...

Невольно память возвращает нас к пушкинским описаниям Военно-Грузинской дороги в его «Путешествии в Азрум». И хотя целое столетие отделяет Алексея Толстого от Пушкина, хотя совершенно разные они художники с очень далекими друг от друга мирами, творившие в несравнимо разные эпохи, — есть в их зарисовках, запечатлевших волшеб-

¹ «Литературное наследство». Из творческого наследия советских писателей, М., т. 74, 1965, стр. 276.

² Там же, стр. 333.

ную красоту и неповторимость этого замечательного места, что-то общее. Может быть, секрет здесь, во-первых, в общности предмета изображения — одинаково непривычной для обоих русских писателей кавказской природы, хотя уже и не совсем новой для них, воспринимаемой ими не впервые, а после перерыва в несколько лет как у Пушкина, так и у Толстого, и во-вторых — в близости стиля описания, характерного и в одном и другом случае благородного лаконизма, реалистичности и точности изображения.

Сходство и самое тесное родство между кавказскими пейзажами Пушкина и Толстого в том, что видение мира этих авторов отличается необычайной зоркостью, ясностью и реальностью. В обоих случаях перед нами не лирические словоизвержения и восторги в плане эмоционально-романтической поэтики, не замирание перед увиденной красотой и экзотикой в духе Марлинского. Художественный метод Пушкина и Толстого — в отыскании точных, так сказать, «деловых» определений и эпитетов, в стремлении создать картину, которая как можно вернее и выразительнее передала бы увиденное и услышанное, а также сохранить живость пережитого впечатления. Вот определения и сравнения, которыми оперирует в своей записи А. Толстой: «важные пастухи», «пыльные палахи», «синие, лазуревые планы гор», «снежные вершины», «отдаленно шумит Арагва», «пышная, как рыжий ковер, долина», «прямоугольные башни», «черно-серебристые облака», «цвета увядшей травы, песка и глины», «пустынный Кавказ», «синий, лиловый юг», «лесистые вершины». «густые тени»³. Как видим — точность и точность, передача конкретного качества, формы и так далее.

То же самое у Пушкина — определение немного, но если они и есть, то конкретно-точные: «снежный Кавказ», «лесистая гора», «ползали чуть видные стада», «казались насекомыми», «глухой шум», «грозный» Кавказ и «миловидная» Грузия, «обитаемые» скалы, «светлая», «веселая» Арагва, «трехверстная» пропасть, «опасная дорога», «ясное» небо, «светлые» долины, «мрачные» ущелья, «грозный» Терек, «голые» утесы, «зеленые» горы, «плодоносные» деревья и так далее. Никаких оценочных, обобщающе-отвлеченных определений типа «красивые», «прекрасные», «чудесные», «изумительные» и тому подобное, никаких эмоционально-лирических изъяснений и признаний автора нет. Все просто, ясно, точно, а в итоге — очень живо, зримо и ощутимо. Эта благородная пушкинская простота,

это стремление найти наиболее точное и близкое к изображаемому предмету, понятное и ясное, живое и конкретное слово стало одной из лучших традиций русской реалистической прозы, традицией, которая продолжается и развивается в творчестве советских писателей. В данном случае мы постарались продемонстрировать эту преємственность реалистического искусства на примере художественного отклика А. Толстого на впечатления от Военно-Грузинской дороги — этих ворот Кавказа, с одинаковой любовью названного Пушкиным и Толстым «святылищем»⁴.

В этой же записной книжке № 4 Алексей Толстой останавливается на краткой зарисовке Батуми и долины рек Чорехи и Аджарисцкали, куда писатель специально отправился посмотреть строительство гидроэлектростанции.

На всех этих страничках, посвященных Грузии, несмотря на уже отмечавшийся лаконизм записей, лежит печать удивительной поэтичности. Чувствуется, с каким вниманием, пристальностью и радостной удивленностью всматривается Толстой в природу давно полюбившейся ему страны.

Приехав в город Батуми, в котором он был еще в период первой мировой войны, в 1915 году, и вновь увидев Батумский порт, Черное море, писатель много, вероятно, вспомнил, о многом подумал, но, верный своему правилу поменьше записывать, занес в книжечку только несколько конкретных штрихов, которые ему впоследствии могли бы живо напомнить увиденное и пережитое здесь. При всей своей краткости и незавершенности, эти строки создают все-таки очень яркое впечатление цельных картин:

«Батум. Перед закатом. Над горами мглистые, переходящие в туман, тучи. За молот — светлые огни иностранных кораблей. На сияющем рейде лежат корабли. Медленный, сильный прибой. Темнеет. Близко, закрывая весь порт, проплывает силуэт гигантского корабля, полного бензина.

На другой день: безветренно, безоблачно, небо над морем в слоях пароходного дыма. Исковерканное солнце садится в море в стороне Турции. И небольшой закат, будто за ненадобностью, быстро растворяется в сумерках.

На бульваре — пальмы, бамбуки, подстриженные baskets. Еще не светящие фонари. Маленькая кудрявая девочка бе-

⁴ А. С. Пушкин — в «Путешествии в Арзрум» («...Кавказ нас принял в свое святылище»), Соч., ГИХЛ, Л., 1935, стр. 639; А. Толстой — в найденном нами стихотворении в письме к Н. Крайневой («Я новую любовь принес в твое святылище земное»), Архив ИМЛИ, фонд № 43, № 6241.

³ А. Толстой. Записные книжки, «Литературное наследство», М., т. 74, стр. 333.

жит, смеется. За ней — должно быть, брат. Догнал, она вскрикнула. Поднял на руки, она припала головой к его плечу. Затихла. Пошла молча. Миг хорошел. Все забылось»⁵.

Здесь внимание невольно останавливает один момент: оба дня Толстой заносит в свою книжечку какие-то подмеченные им детали, касающиеся одного и того же времени суток — «закатного» и сумеречного часа. Почему писатель заинтересовался именно этим в батумском пейзаже? Свою роль, возможно, сыграла и особая поэтичность этого часа, его несравненно более интересный и разнообразный мир красок, чем в другое время дня. А может быть, просто, именно в это время освободившись от всяких дел и дневной суеты, Толстой задумывался, с особым вниманием оглядываясь вокруг и фиксируя в памяти и на бумаге увиденное.

Батумское море, бульвар, батумские дети сменяются вскоре впечатлениями, полученными Толстым в ущелье рек Чороха и Аджарисцкали. Это, собственно, и было основной целью путешествия писателя — посмотреть, как строится электростанция, которая должна была изменить весь облик прежней жизни в этой части страны, стать одной из важнейших баз социалистического преобразования всего края.

В те годы советские писатели принимали активнейшее участие в дискуссиях по различным вопросам технического и культурно-бытового строительства, вмешивались в народнохозяйственные дела и задачи. Эти вопросы становились материалом для очень распространенных тогда очерков. Например, Мариэтта Шагинян писала о чиятурском марганце, о тьварчельском угле, о карабахских лесных промыслах и так далее. Так и А. Толстой, объединяя актуальную тематику социалистического строительства с вопросами развития и процветания одной из братских республик Советского Союза, обращается к постройке новой ГЭС в Грузии.

На материале, полученном здесь, Толстой вскоре пишет очерк в газете «Известия» под названием «Аджарисцкали (листки из блокнота)»⁶. Несколько строк, занесенных на месте тогда же, в Записную книжку⁷, почти без особых изменений вошли в этот очерк — в ту его часть, где Толстой описывает суровые условия жизни спустившегося с гор населения.

Только в очерке, как и следовало ожидать, дана более развернутая картина, введено больше подробностей и — самое интересное — оценочных определений.

Если в Записной книжке сказано просто: «женщины, повязанные белым и еще голубым пестрым», то в очерке художник работает ими и рисует более подробно: «Красивые, одетые пестро и пышно, загорелые женщины. Головные уборы их по-средневековому перехвачены лобной повязкой — монисты, серьги, бусы». Если в Записной книжке они «все вяжут, быстро, не глядя», то в очерке: «Женщины и девочки вяжут чулки — такие узоры можно встретить в египетских гробницах. Весело блестят белые зубы, блестят гордые черные глаза, торопливо мелькают спицы».

Мужчины в Записной книжке только «молчаливые, суровые, худые», в очерке их облик оживляется, изображен более подробно: «Впереди идут бронзоволицые люди в горных чоботах, домотканой одежде, войлочных шляпах».

Словом, Толстой как бы старается подчеркнуть в этих людях все яркое, интересное, значительное, показать читателю необходимость изменить их трудную, полную лишений жизнь, сделать ее лучше, удобнее, нормальнее.

Последняя фраза в отрывке из Записной книжки: «Рядом пробивают туннель ГЭСа» — как разрешающий аккорд, все ставящий на свое место. Строящаяся гидроэлектростанция как бы и есть дверь в то светлое будущее, которое придет к этим людям, живущим в тяжелых полуприродных условиях, вместе с развивающимся социалистическим хозяйством». В очерке А. Толстого одна эта фраза имеет сразу несколько аспектов: здесь дается и подробное описание строительства ГЭС, ее будущей мощности, и разговор о политико-хозяйственной роли этого события в жизни Аджарии — о его значении в плане общего материального развития этой, по словам Толстого, «одной из прекраснейших стран»⁸, и даже наглядная демонстрация того, кому и чему будет служить добываемое электричество.

Свой очерк А. Толстой строит на контрастном противопоставлении тяжелого прошлого и полного надежд, делового, трудового настоящего, озаренного еще более светлым будущим. Вначале он вспоминает о своем посещении в период первой мировой войны Грузии — этой, по его словам, «древней страны водопадов, овечьих стад, апельсиновых садов, неизжитого родового быта и мотыжного земледелия», о том, что «весной, во время наступления»⁹ ему «пришлось проехать верхом от Батума до турецкой границы» по дорогам, проложенным «горной артиллерией через места, куда не

⁵ Записная книжка № 4. «Лит. наследство», М., т. 74, 1965, стр. 333.

⁶ «Известия», 1933, 1 янв., № 1, стр. 5.

⁷ «Литературное наследство», т. 74, стр. 333.

⁸ «Известия», 1933, 1 янв., стр. 5.

⁹ Подразумевается ранняя весна 1915 года (февраль), когда Толстой был в командировке на Кавказском фронте.

часто заглядывал даже царский урядник». И тогда мысленному взору путешественника представилась страшная картина разорения и опустошения: «В аулах — опустевшие сакли, разбросанная кукурузная солома, обломанные ветви апельсиновых деревьев, разбитые ульи, обломки фруктовых ящиков. Ни человека, ни животного»¹⁰. Тут же Толстой объясняет, что все это было грязным делом рук царского самодержавия и его сатрапов, которые, считая, что местное население «ненавидело» их, что «чувство патриотизма им недоступно, как дикарям», выселяли его и даже... расстреливали! «Генерал Юденич действовал с военной решительностью, — пишет Толстой с горьким сарказмом. — Несколько сот человек было расстреляно. Великолепные земельные участки по Аджарисцкали, Чороху и морскому побережью конфискованы. Само собой возникло общество по покупке и продаже этих очаровательных уголков. Генерал Юденич стал крупным земельным собственником. Зеленые волны Аджарисцкали, наверное, мерещились ему, когда он хмурой осенью, хмуро сидя в Гатчине, посылал на Пулковое отчаянную сволочь, прикрывшую русскую сложную душу английскими шинелями»¹¹. Толстой в этих нескольких фразах совершенно недвусмысленно показывает, кто был в действительности «природными разбойниками и жуликами»¹² — сами ли российские генералы или местное грузинское население, которое они так чествовали.

Толстой не оставляет в стороне и мерзкого лицемерия царской политики по отношению к стране, в которой хозяйничало русское самодержавие. Он вспоминает, что, когда в качестве военного корреспондента от «Русских ведомостей» брал интервью у генерала, командующего фронтом, мимо окна его кабинета проходил грузинский полк. «Кавалеристы, — пишет Толстой, — были одеты в черные короткие кафтанчики и в странные шапочки — вроде шапки дожа». Генерал, увидев это, «не без юмора косился в окно» и говорил, что здесь, «в Закавказье», «приходится считаться с национальными особенностями», что вот, «извольте видеть, — сформировали лихой грузинский полк. Присвоили им национальный костюм. Поют себе грузинские песни. Что им еще нужно?..». И тут же добавляет: «Ну-с, а что касается прифронтовой полосы, нам пришлось очистить край от ненадежного населения...»¹³. Как видим, генерал не пытался даже скрыть своего презрительно-барского отношения к людям, в чьей стране он находился, своей

позорной политики жалких подачек селятающей с жестокостью и безобразиями притеснением свободы народа.

Эта вступительная часть дана Толстым как предыстория, как необходимый рассказ о том, что могло бы случиться с этой страной, если бы восторжествовали юденичи и им подобные, сколько еще людей из этих мест расстреляли бы царские генералы, считая их «ненадежными»... Затем писатель переходит к повествованию о своем сегодняшнем путешествии в эти места, о том, как «наркомпрос» повез его на Аджарисцкали — на постройку электростанции, как он узнавал эту — теперь мирную — дорогу, эти «домики на склонах гор, среди кукурузных полей, где человеку иной раз приходится привязывать себя веревкой, чтобы не свалиться»¹⁴.

Тщательно, подробно описывает Толстой, как в глубокой щели древней реки, вблизи от изъеденного веками горбатого моста строится котлован для электростанции, как сооружается туннель — новое русло, в которое устремится не только Аджарисцкали, но и речка Хохну — сверху с помощью вертикальной шахты в 60 метров. Толстой приводит поразившие его цифры о диаметре и длине туннеля, о мощности гидроустановки, рассказывает, как инженер Джаджанидзе повел его в среднюю часть строящегося туннеля, где в этот день должны были, по предположению, сойтись концы туннеля. И это важное и праздничное в подземных работах событие произошло на глазах гостей. Толстой весело повествует и о шутовском обычае «пленения» шахтеров, пробивающих туннель с противоположной стороны, тех, кому удается первыми схватить их буровое сверло и втащить к себе. Замечательный художник даже в обычном газетном очерке сумел воссоздать живую впечатляющую картину подземных работ, схватить все детали, увидеть все характерное и специфическое.

От строительства ГЭС Толстой переходит к изображению тех людей, которые будут пользоваться ее энергией, чья жизнь с ее помощью украсится, станет лучше, полнее, значительнее. Эта композиционная линия оправдывается и тем, что яркая картина, воссоздающая лагерь курдов, которые спускаются с гор зимовать на Батумской равнине, является как бы ответом на рассуждения генерала о «мошенниках» и вообще на колонизаторское отношение царского самодержавия к населению Кавказа. Если юденичи расстреливали сотни местных жителей, то советский наркомпрос, возивший в 1932 году А. Толстого по этим же местам Грузии, сокрушается по поводу того, что еще так мало сделано для людей

¹⁰ «Известия», 1933, 2 янв., стр. 5.

¹¹ Там же.

¹² «Известия», 1933, 1 янв., стр. 5.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

из этих суровых горных краев: «Здесь еще нужно много работать, за горами есть такие аулы, откуда спускаются раз в месяц за солью и спичками. А нам нужно изжить неграмотность и снять чадру»¹⁵.

Если в самом начале очерка Толстой горько иронизирует по поводу того, как в период первой мировой войны «с военной скоростью зананчивался процесс приобщения малых народностей к русской культуре»¹⁶ и тут же иллюстрирует, что понималось царскими генералами под этим пресловутым «приобщением», то, изображая сегодняшний день жителей горной Аджарии, Толстой наглядно демонстрирует, что такое Советская власть в ее практических деяниях и что значит подлинное приобщение малых народностей к русской культуре. С чувством удовлетворения он констатирует, что эти люди осенью «падают в лапы уже не чудо-генералу, но аджарскому Наркомпросу», что «мальчики и девочки переносятся от доисторического костра в батумские школы», где все предметы преподаются на их родном языке, где они узнают, что «их сердитая река Аджарисцкали волей пятилетнего плана вогнана в туннель, и там ее дикое бешенство превращается в свет, в покорную силу»¹⁷.

Толстого интересует не только строительство новой ГЭС, он старается охватить мысленным взором и другие материальные базы одной из самых бурно развивающихся советских республик. Остановившись на производстве чая, говоря о том, что чайные фабрики Чаквы, Салиджаури, Бобоквати и Хитсубани дают пять миллионов килограммов чая в год, он заглядывает и в недалекое будущее, сообщает, что в конце второй пятилетки фабрики Грузии должны обеспечить всю союзную потребность в чае.

Со знанием дела говорит Толстой и о третьей важной экономической базе Грузии — ее высших земледельческих культурах. Рассказывает о том, как садовник Чантуришвили водил его по Ботаническому саду, находящемуся под Батуми, показывая его поразительные богатства. Здесь, по восхищенным словам Толстого, на свободе растут едва ли не все деревья всех стран света — и укусное де-

рево, и лаковое, и мыльное, и камфорное, и восковое, и каучуконосы, и апельсины, и мандарины, и лимоны, и бамбуки... Чего только здесь нет!

Все увиденное дает Толстому возможность почувствовать, какая серьезная материально-экономическая основа создана уже за первую пятилетку для дальнейшего развития национальной культуры социалистической Аджарии — «одной из прекраснейших стран, едва в свое время не попавшей в широкие карманы генерала Юденича и его друзей»¹⁸.

Интересно, что очерк Толстого «Аджарисцкали» опубликован в том же номере и даже на той же самой странице «Известий», где помещена и статья К. Федина «Эхо», большая часть которой посвящена разговору о только что законченном строительстве гидроэлектростанции в Южном Бадене, в горах Шварцвальда, на Шлюхском озере. По словам Федина, это одно из «поистине случайных, единичных» строений нищей Европы¹⁹, и не было оно заброшено в годы кризиса только в благотворительных целях, для хотя бы ничтожного торможения роста гнетущей баденской безработицы. В статье подчеркивается вопиющая несуразица происходящего: когда строительство уже было закончено и станцию можно было пускать, обнаружилось, что во всей окрестности не нашлось ни одного потребителя энергии, так как, по словам автора, «развитая промышленность района поконит в летаргии кризиса, а бытовое потребление энергии неуклонно ползет вниз»²⁰. Очерк А. Толстого, помещенный рядом с этой статьей об экономическом кризисе в фашизирующейся Европе, особенно ярко демонстрировал здоровое развитие и процветание народного хозяйства и всей государственной системы в Советском Союзе, и в частности, в одной из его республик — в Грузии.

Характерен и знаменателен очерк «Аджарисцкали» и как иллюстрация активного интереса А. Толстого к жизни и культуре братских народов советского государства, его деятельного участия в разрешении и осуществлении важных и ответственных задач, стоящих перед советской научной и художественной интеллигенцией в вопросах дальнейшего укрепления дружбы и культурного сотрудничества социалистических наций.

¹⁵ «Известия», 1933, 2 янв., стр. 5.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же; К. Федина «Эхо».

²⁰ Там же.

МОРЕ, ПОКОРНОЕ ЧЕЛОВЕКУ

5

На следующее утро по одной из лучших автострад машина мчала нас к столице Голландии Гааге, все еще остававшейся для нас «terra incognita». По дороге решили заехать в Гаарлем, осмотреть ворота, разбитые герцогом Альбой. Нельзя приехать сюда и не повидать этих ворот!

От Амстердама к Гаарлему проложено два или три благоустроенных шоссе. Длина каждого из них около двадцати пяти километров, они связывают между собой разные районы городов.

Выехав из пригорода Амстердама, мы оставили справа тесную группу старинных построек, из середины которых мощно возвышался собор с высоким шпилем. На острие шпиля, там, где укрепляется крест, сидел золотой петух, казалось, готовый прокукарекать. Золотой петух на башне — знак того, что церковь протестантская. В национально-освободительных войнах XV—XVI веков, рядящихся в одежды религиозных войн, протестанты одолели католиков и вместе с религиозной независимостью завоевали независимость государственную. Петух упоминается в самом драматичном месте святого писания, и имя его произносит сам Иисус.

В конце тайной вечера, когда спаситель назвал имя предавшего его Иуды Искарота и после его ухода оставил апостолам последнее завещание, горячий, порывистый Петр вскочил и предложил спасителю свою жизнь и свою голову: «Господи, хотя бы надлежало мне и умереть с тобой, не отрекись от тебя». Но на это «ответил Иисус и сказал ему: Умереть со мной? Аминь, истинно говорю, что в эту ночь прежде, нежели пропоет петух, трижды отречешься от меня».

Так во времена кровавых дождей, которые в Европе называют эпохой религиозных войн, на шпили и башни христианских церквей взлетел петух — символ протеста и прозрения.

Но чем мог быть весь этот комплекс кирпичных построек вокруг протестантского собора? Оказалось, что это школа-интернат: она существует при церкви и почти целиком находится на ее содержании. Свои школы есть и у католических церквей. Как здесь, так и во всех государственных и частных школах обучение ведется по общеобязательным программам, пока учащийся не закончит начальный курс — 6 классов. К этому времени учитель уже досконально знает склонности и возможности своего ученика, и обучение продолжается по его совету.

В Голландии считают обязательным только начальное обучение. Начальная школа дает молодому человеку необходимый фундамент для приобретения знаний, вполне достаточный для обычного человека.

А если молодой человек или девушка пожелают продолжить учение, они в соответствии со своими задатками и возможностями выбирают один из двух путей: или поступают в лицей для подготовки в университет и там проходят курс одиннадцати классов, или становятся слушателями специальных учебных заведений.

Образование здесь нужно для улучшения жизни, а не для того, чтобы какой-нибудь неуч, прикрывшись институтским дипломом, мог бы бездельничать и тяжелым грузом висеть на шее у общества.

Получение высшего образования, кроме того, что оно требует специальных интеллектуальных данных и призвания, обходится весьма дорого. Лишь единицы избранных учатся за счет государства. Остальные оплачивают свое обучение. В

Продолжение. Начало в № 1.

высших учебных заведениях, так же как и во всех других сферах государственной жизни, все стоит денег. Во время экзаменационной сессии сдача каждого экзамена обходится студенту в пятьдесят гульденов. Это большие деньги. Самый дорогой костюм из шерсти стоит примерно двести гульденов. К тому же надо учесть, что как в весеннюю, так и в зимнюю сессию студент сдает по несколько предметов. Срежешься? Для повторной сдачи придется заново отсчитывать гульден администрации института.

Голландцы расчетливый народ. Какой дурак бросит на ветер или для удовлетворения своего тщеславия деньги, добытые потом и кровью! Высшее образование и его плоды нужны человеку для того, чтобы улучшить условия жизни, а все не для того, чтобы переплюнуть соседа, сын которого окончил колледж: «Как бы не ударить лицом в грязь! Заполучу-ка и я для своего сына диплом»...

Голландцы, я полагаю, лучше других знают, что показатель того, сколько лиц с высшим образованием приходится на каждую тысячу населения, не пригоден для определения культуры страны.

Весенний посев измеряется осенним урожаем. По этому же принципу устанавливается баланс каждодневной жизни народа.

На фламандском — родном языке голландцев — разговаривают двенадцать миллионов человек, то есть все население страны. Преподавателей этого языка каждый год выпускается столько, сколько требуется государственной сети просвещения. Допустим, их выпустят вдвое или втрое больше. Что произойдет? Куда денутся специалисты, обучение которых стоило огромных денег?

Те, кому приходилось бывать на стройках в грузинских деревнях и городах и при этом хотя бы поверхностно входить в курс дела, легко должны были заметить одно странное обстоятельство: у нас прорва инженеров-строителей, архитекторов и прочих специалистов более узких профилей, но почти нет тех, кто должен работать под их руководством, кто непосредственно должен возводить стены, заливать бетон, сваривать металлические конструкции, красить, отделывать старые и новые постройки. Куда делись грузинские мастера — ювелиры, часовщики, портные, сапожники, плотники, кузнецы, каменотесы, водопроводчики, да хоть стеклодувы, люди, владевшие десятками других специальностей и ремесел, люди, не так давно составлявшие основную массу населения столицы Грузии, опору нации? Неужели кто-нибудь и вправду думает, что честь этих ремесленников чем-нибудь ниже чести тех, кто окончил тот или иной институт и получил высшее образование? Да разве не руками этих старых мастеров были возведены храм Баграта и Гелати, Гегути и Никорцминда, Болнисский Сион и Алаверды, Вардзия, Джвари и Светицховели?

Куда они пропали сегодня? Почему их не видно?

Видимо, умные и расчетливые голландцы давным-давно раскусили эту опасность и организовали свою жизнь таким образом, что все слои населения развились взаимосвязанно, по пути сохранения национального единства.

Гаарлем начался с одноэтажных домов. Выстроенные из темного кирпича дома эти смыкаются друг с другом вдоль улицы. За широким, как витрина, окном видна самая большая комната дома, гостиная с белым камином, деревянной мебелью, всяческими на стенах семейными фотографиями и устланным линолеумом полом. В этой просторной комнате, отапливаемой лишь в исключительных случаях, зимой довольно холодно, но владельцы домов не могут распротиться с широченным окном: отсюда вся улица как на ладони, и в доме всегда много света и воздуха.

Пригород называется Гофмейстерстат и от главной части города отделяется глубоким каналом, заключенным в гранитные берега, стянутые такими же гранитными мостами. Старая городская стена, вокруг которой в тщетной злобе ходили испанские рыцари, тянулась вдоль этого канала и сворачивала там, где за подъемным мостом сохранилось огражденное кирпичной стеной, похожее на римский Колизей массивное здание. Здесь же — старинные ворота, некогда единственный вход в город — как в дни войны, так и в светлые дни мира. Они встают прямо из рва и накрепко закрываются подъемным мостом. Легко представить, скольких жертв стоило кровожадному герцогу взломать эти ворота...

За долгие годы крепость выдержала немало осад и приступов, но сохранилась прекрасно, впрочем так же, как и ворота. Можно подумать, что они выстроены совсем недавно.

От крепостных ворот начинается обычный большой город с белооконными кирпичными домами и заостренными шпилями соборов. На самых высоких шпилях сидят петухи, гордо поглядывая на крутые черепичные кровли.

Эти извилистые узкие улочки и маленькие площади были свидетелями множества событий, ибо Гаарлем — один из древнейших городов Голландии. Они, эти тесные улочки и мощенные плитами площади, словно вчерашний день,

помнят сборы рыцарей перед крестовыми походами, шумные застолья и шумную пани, перекипавшую через сдвинутые кружки.

На башне ратуши городские часы вызванивали гимн. Поодаль над рыночной площадью возвышался огромный кирпично-красный католический собор! Кто-то из служащих собора устилал ковром широкую каменную лестницу. На площади собирались любопытствующие: ждали коляску, которая должна была привезти для венчания в соборе невесту в красивом белом платье и нарядного жениха.

С юго-запада к городу подступает вековой липовый лес. Лес превращен в зоологический сад, и в нем, представьте себе, можно встретить корабль пустыни — верблюда.

Мы долго шли в светлой тени громадных грабов и лип, слушая, как, радуясь весне, разноголосно гомонят птицы.

Только лес кончился, дорога свернула вправо, к Зандфорту. Именно здесь, в этом маленьком приморском городке, стоял прославленный грузинский батальон, прежде чем в конце второй мировой войны совершить неслыханное в истории войн восстание на острове Тексель.

Зандфорт — курортное место. В красивых дачных коттеджах здесь проводят лето гаарлемские и амстердамские патриции.

На больших надписях вдоль Гаага — Лейден — Утрехтских дорог столица именуется ден-Гаага. Частичка «ден», безусловно, придает названию города своеобразное величие.

Проезжая через поселок Хилегом, мы увидели церковь с большими и маленькими школьными постройками вокруг. На этот раз церковь была католическая.

В Голландии вид католического собора вызывает удивление. Как они сумели уберечься до наших дней? Ведь местные протестанты с презрением говорят о католиках: «У них только ноги стоят на голландской земле, а сердца принадлежат Риму».

В аккуратных ухоженных дворах, посреди которых стоят изящные небольшие кирпичные дома, точно море, волнуются цветы: нарциссы, тюльпаны, ирисы.

Оказывается, нарциссы бывают двух видов: одиночные и двойные. У первых цветков имеет четыре лепестка, у вторых — восемь. Восемилепестковые нарциссы зеленовато-белые, а четырехлепестковые — чаще желтые, цвета шафрана.

Вдоль дороги у поселков и между поселками буквально на каждом шагу попадаются цветочные магазины. Продаются саженцы, семена, луковицы, букеты живых цветов. Предусмотрительные голландцы учли, что среди проезжающих по шоссе окажутся не знающие фламандского языка, поэтому в каждой ящичке с луковицами и семенами лежит цветная фотография цветка. На той же фотографии помечена цена и количество товара.

Иностранцы охочи до цветов. Когда машина уже забита букетами, они прирепляют цветы к ветровому стеклу автомобиля и, разукрашенные как на праздник, мчатся по дорогам Голландии. Словно везут с собой всю красоту и прелесть страны тюльпанов.

Справа, на берегу моря, вонзаясь острыми шпильями в небо, волнообразно вздымаясь на прибрежных дюнах, остается Лейден. За дюнами, зыбкая линия которых отчетливо читается на фоне неба, вечно беспокойное суровое Северное море. Оно грохочет и ропщет и стонет, накагываясь на песчаный берег и плотины.

Лейден! Вот уж где ни одного шпилья без петуха! Этот протестантский до мозга костей город с героической самоотверженностью встал на пути кровожадного герцога Альбы и вместо капитуляции послал ему неслыханную по дерзости угрозу. А время было жестокое. По всем Нидерландам свирепствовала инквизиция. В каждой деревне, на каждом перекрестке чадили костры. На виселицах целыми днями висели те, кому святая инквизиция по христианской своей доброте заменила сожжение заживо безболезненной смертью через повешение.

Переполнилась чаша терпения народа. Невмоготу стало, невыносимо. И объединились лейденские ремесленники, моряки, грузчики, рыбаки, пастухи и цветоводы из ближайших деревень. Объединились, вооружились чем бог послал, что оказалось под рукой и встали на пути у грозного врага. Вспылил Альба, разъярился: «Сопротивляться?!..» — и повел войска на непокорный Лейден.

Восставшим, чьи ряды с каждым днем принимали все более внушительный вид, помогло и то, что они были не одни в этой неравной схватке. Пламя восстания бушевало по всем Нидерландам. На Гран Плац перед брюссельской ратушей отрубили головы графам — Эгмонту и Горну. Оба обвинялись в тайномговоре с душой освободительного движения принцем Вильгельмом Оранским.

Скрытая дотоле борьба сделалась явной. Теперь только сила оружия могла решить, кто останется хозяином положения на земле голландцев.

Вокруг Лейдена медленно сжималось огненное кольцо. Из города вывели больных и малолетних, тех, кто не мог держать в руках оружие и оказать сопротивление врагу. Оранский был уже недалеко, за Маасом, и до его прихода осажденные любимыми средствами должны были удержать город. Битва с каждым днем

делалась все ожесточеннее. Многочисленное войско испанцев каждый день пополнялось новыми отрядами, тогда как гарнизон осажденного Лейдена таял, словно кусок льда в теплой воде. На протяжении семи недель в Лейден не ввозилось хлеба. В довершение всех бед в городе началась эпидемия. Казалось, силы защитников иссякли и им придется добровольно сдать ключи...

Но день шел за днем, а депутаты от городского совета с ключами на бархатной подушечке все не было и не было. Тогда один рослый испанец поднялся на дюны и от имени осаждавших крикнул горожанам:

— Глупцы, ради чего вы убиваетесь? Сдавайтесь, и мы дадим каждому по кусочку хлеба. Слышите? Что вы собираетесь делать в вашем смердящем городе, где не осталось ни собак, ни крыс!

Осажденные поднялись на городскую стену и крикнули в ответ:

— Жестокое варвары! Защитников своего очага вы называете пожирателями крыс и собак. Да, это так. Но пока в городе слышен собачий лай или кошачий писк, знайте, что мы еще на своих местах и упаси вас бог попасться нам в руки! А когда все живое погибнет, знайте, что каждый из нас отъест себе левую руку, чтобы правая стала сильней и беспощадней разила вас в самое сердце!

Наступила долгожданная минута: у стен Лейдена показалась конница Вильгельма Оранского. Вскоре подоспели и пехи. Битва вспыхнула с новой силой. Но верх был не на стороне голландцев. Им не удалось прорвать кольцо окружения, войти в город и доставить горожанам хлеб.

Когда средств для спасения Лейдена на суше не осталось, Оранский повернулся к морю: он приказал створить шлюзы и пустить море на сушу. Сам он заранее подготовился к встрече со стихией, предусмотрительно вызвал флотилию.

Взревел океан, и поскольку в этом месте его уровень был на несколько десятков футов выше уровня земли, бешеным галопом помчался по плодородным полям.

Такой шаг противника, равный самоубийству, был совершенно неожиданным для испанцев. Они заметили хлынувшую соленую воду лишь тогда, когда все дороги к бегству были отрезаны, когда ничто не могло спасти их от неминуемой гибели в воде или от меча врага.

Ошеломленные испанцы побросали орудия и обоз и бежали в надежде унести ноги. Но куда они могли бежать? Поле битвы в мгновение ока превратилось в дно моря. Море подступило к городским стенам и вскоре хлынуло через них в город. Вместе с набегующими волнами в Лейден вошли парусники Вильгельма Оранского.

Победа в битве за Лейден стала символом освобождения родины. Ценой огромных жертв голландцы утвердили свое трехцветное знамя и раз и навсегда изгнали испанцев со своей земли.

Вскоре город, выдержавший беспримерную осаду, посетил сам Вильгельм Оранский. Можно себе представить, какой это был радостный праздник. Отец страны, душа и полководец ее освободительного движения поблагодарил жителей Лейдена за самоотверженность и героизм.

— Чего же вы пожелаете? — спросил растроганный Вильгельм Оранский толпящихся вокруг сограждан. — Освободить вас от налогов или на эти средства построить университет?

— Университет! — в один голос отозвался народ. Этот голос походил на грохот хлынувшего сквозь шлюзы океана.

Приказ исполнил волю лейденцев. Во вторую годовщину достопамятной осады, в конце мая 1575 года, в Лейдене открылся один из старейших и славнейших университетов Европы, святая святых голландского народа, яркий очаг мировой научной мысли.

6

Дорога опять нырнула в тень деревьев. Между распустившимися липами и зелеными вербами замелькали красные, светло-серые и желтые фасады дачных коттеджей. Поселок Васенаар, который мы проезжаем, — это Версаль Гааги или ее Царское село. Здесь проводит летний сезон избранный круг столицы Голландии — министры, владельцы крупных промышленных и торговых корпораций и акционерных обществ, знаменитые юристы и врачи, писатели, кинозвезды, ближайшая родня королевской фамилии, покинувшие военное поприще генералы и адмиралы, миллионеры...

Миллионеры, где бы ни жили, старательно скрывают свои годовые доходы, чтобы избежать прогрессивного государственного налога. Здесь вообще не принято жить в чрезмерной роскоши, резко выделяться на социальном фоне. Возможно, это считается даже бестактным или неприличным, и уж во всяком случае невыгодно ни с какой стороны. Потому-то, следуя обычным представлениям,

трудно отличить голландца—владельца миллионов от ничем не примечательного служащего его фирмы...

Дворцы, украшенные цветниками и декоративными растениями, кажутся райскими кущами. Особую привлекательность всему вокруг придает сознание того, что все это сделано руками человека и часто, весьма часто наперекор суровой северной природе.

В маленьких дворах, огражденных красивыми железными решетками, стоят двухэтажные дома с мансардами. Внешне, может быть, эти дома и невелики, но если учесть, что голландцы умело используют каждый уголок, каждый закуток своего дома от подвала и до чердака и не оставляют «без дела» даже гряды, этой площади вполне достаточно для не очень многочисленной семьи и ее гостей.

Дома преимущественно покрыты плоской или выпуклой глазурованной черепицей, сияющей на солнце, как фарфор. Кровли высокие и настолько крутые, что с определенной точки они незаметно переходят в боковую или фасадную стену.

Более богатые коттеджи покрыты специально обработанным тесом или соломой. Для сохранения в доме постоянной температуры фасады и стены многих домов целиком обложены соломой...

Этот способ покрытия домов голландцы, побывавшие во всех уголках земного шара, завезли, видимо, из Африки, а точнее из Конго. В Музее центральной Африки, недалеко от Брюсселя, сохранена экспозиция, где встречаются покрытия, устроенные именно таким образом.

Гаага почти срослась со своим «Царским селом». В пригороде, перед въездом в столицу, мы увидели выстроенные в ряд армейские казармы с широкими окнами. Зеленеющие за невысоким кирпичным забором площадки, футбольные поля и плацы были пустынные. И в казармах никого. Я сразу вспомнил: в субботу и в воскресенье, а также во все праздничные и нерабочие дни голландские вооруженные силы отдыхают вместе со всем населением. Оба эти дня казармы пустыют, и на месте расположения воинской части остаются только небольшие подразделения для несения гарнизонной службы. Солдаты и офицеры проводят нерабочие дни дома, в семье, дома же они переодеваются и в понедельник утром возвращаются назад в казармы.

Гаага, или ден-Гаага, как величают ее голландцы, разбросана по дюнам. Место, где сейчас стоит город, в стародавние времена было морским дном, но голландцы метр за метром упорно отвоевывали его у водной стихии и построили город. Да какой! В Гааге не увидишь заводских труб, не встретишь нескончаемо длинных корпусов крупных предприятий.

Город окружен целой цепью дюн. Для того, чтобы ветер не выдувал песок и не разрушал дюны, защищающие землю от морской стихии, на них высаживаются травы. Кроме того, сажают растения с широкой системой корней. Особо опасные места ограждают колючей проволокой, чтобы никто не мог проникнуть туда и испортить посадки.

Песок дюн, удивительно чистый, легко поддается порывам ветра. Но, не взирая на все эти трудности, ден-Гаага, разросшийся вокруг десятков больших и малых каналов, утопает в липовых аллеях и цветниках. По берегам каналов растут плакучие ивы. Их длинные висящие нити касаются медленных, чуть движущихся вод. Почти у каждого дома, в котором живет одна семья, есть дворик, превращенный буквально в дебри. Дворы эти словно состояются в богатстве и разнообразии цветов, в их художественно продуманном оформлении.

В одном из небольших белоснежных домов на улице Посольств, тянущейся по пригорку, расположилось советское посольство.

Отсюда прекрасно видны многие достопримечательности города, в том числе «Дворец мира». Это похожая на собор многогранная кирпичная постройка с башней, вознесенной в синее небо. Дворец построен через пятьдесят лет после освобождения от испанского ига, в честь окончания восьмидесятилетней войны, в честь независимости страны. С ним непосредственно граничат палаты Международного суда.

На правом берегу широкого канала, разделяющего город на две части, в просторном кресле сидит один из корифеев новой философии Барух Спиноза и задумчиво смотрит на противоположный берег канала, где вода lijkt опоры правительственного дворца. Вход в его внутренний двор не с набережной: нужно перейти через мост и подойти к ряду казармообразных дворцов со стороны парка.

Длинные, выкрашенные желтой краской здания с толстыми крепостными стенами расположены так, что между ними остается довольно просторный четырехугольный двор. Во дворе возвышается еще одна постройка, напоминающая крепостную башню. Ее называют «Рыцарский зал». Не каждый смертный, будь то голландец или иностранец, может проникнуть в него.

Ежегодно в третий вторник сентября в Гааге устраивается большой традиционный праздник, для участия в котором люди большими группами съезжаются со всех концов Голландии.

В четырехугольном дворе королевского дворца стройными шеренгами стоят королевские гвардейцы в средневековом одеянии. Сверкает медь лат и бронза шлемов, серебрятся кольчуги и овальные щиты с выкованными на них гвардейскими гербами. Гремит военный оркестр. В «Рыцарском зале» на отведенных по традиции местах стоят члены правительства, министры, командующие армией и флотом, губернаторы колоний и доминионов, почетные граждане города, послы аккредитованных при нидерландском правительстве иностранных государств.

В конце зала, на возвышении, куда ведет несколько полукруглых ступеней, устланных роскошными коврами, пять золотых кресел ждут короля и членов его семьи.

Король, в данном случае королева Юлиана, вместе с членами семьи приезжает в золотой карете и точно в назначенное время появляется у арочных ворот дворца. Всю дорогу королевское семейство сопровождает восторженный рев толпы. Самые отчаянные из зрителей выбегают на мостовую, преграждают путь коням, чтобы хоть на минуту замедлить движение кавалькады.

Всадники в тяжелом рыцарском вооружении с трудом и с большими предосторожностями очищают путь королевской карете, и она под крики ликующей толпы катится к арочным воротам.

Церемониймейстер — офицер в высоком чине, которому поручено соблюдение военного церемониала, — отдает команду и с саблей наголо подходит с рапортом к сидящей в карете королеве. Затем с ее разрешения, как простой камердинер, вспрыгивает на подножку кареты, и карета торжественно и величественно вкатывается в ворота. Двор взрывается ликующими возгласами — то стройные ряды войск приветствуют королеву. Офицеры обнажают сабли. Оркестр играет гимн...

Королева не спеша выходит из кареты. Перед ней шагает церемониймейстер. Возгласы восторга на этот раз повторяют высокие своды «Рыцарского зала». Королева медленным шагом идет по ковровой дорожке до возвышения, останавливается у золотого трона, едва заметным кивком еще раз приветствует собравшееся общество, возлагает на голову почтительно поданную корону и садится на трон. Справа и слева от нее в креслах поменьше занимают места члены ее семьи.

Начинается деловая часть собрания. К трону приближается премьер-министр и вручает королеве текст, отпечатанный на машинке. Это речь королевы о том, как был израсходован прошлогодний бюджет и какие капиталовложения предполагаются в нынешнем году, каков будет национальный доход и как он распределится на душу населения.

«Речь» составляется министерством, и короли далеко не всегда вникают и разбираются во всех ее тонкостях.

Все это театрализованное представление устраивается для утверждения бюджетного законопроекта. Прежде чем венценосная особа как бы от своего лица зачитает законопроект, с ним не знаком никто, кроме советников министра. Ибо, стоит королеве зачитать положения законопроекта, об их обсуждении не может быть и речи. С этой минуты законопроект считается утвержденным законом и никто не вернется к нему для нового обсуждения.

Часть находящихся в зале тем не менее выражают недовольство некоторыми пунктами бюджета. На мгновение даже кажется, что люди, с таким почтением и благоговением приветствовавшие только что королеву, недовольны, горячатся, спорят, доказывают что-то, но в конце концов все заканчивается мирно, поскольку и это возмущение — нередко вполне справедливое — предусмотрено постановщиками спектакля.

Королева передает свою речь Хранителю государственной печати, снимает корону и той же дорогой, которой она вошла сюда, вместе с сопровождающими ее лицами возвращается в золотую карету.

Речь королевы транслировалась по радио. Но при появлении кареты народ перестает выражать недовольство и встречает и провожает королеву с прежним энтузиазмом.

А жизнь идет своим чередом. Ей нет дела ни до королевы, ни до шумящей толпы, у нее свои необоримые законы, и, хочет того или не хочет, она должна следовать этим законам.

был установлен на Площади 1815 года через пятьдесят лет после заключения мира. Одновременно было закончено строительство «Дворца мира». Обелиск — грандиозное сооружение, отлитое из бронзы. Не говоря о художественных достоинствах, его объем и массивность вполне соответствуют значению исторической победы, в честь которой он воздвигнут.

Композицию из скульптурных групп, постепенно сужающуюся кверху и принимающую форму конуса, венчает нежная фея — символ национальной независимости.

Перед обелиском у его постамента стоит закованный в латы Вильгельм Оранский. Против него — героический триумvirат: Оранский, Эгмонт, Горн...

Обелиск называется монументом Независимости, и ни в одном городе Голландии он не был бы так кстати, как в столице, ден-Гааге.

Если от этой утопающей в зелени площади пойти прямо, по аллее из грабов, можно выйти на другую площадь — довольно обширную, с легким наклоном в сторону канала. У тротуаров, спинами к стенам домов, стоят туристские автобусы.

Что тут происходит? Чем объяснить такое многолюдие?

Неподалеку между газетными киосками видны обычные ворота, над ними короткая и непонятная надпись: «Мадииурдам». Это наверняка название местности, ибо оно производится совершенно так же, как «Амстер-дам», «Роттер-дам», «Зееен-дам».

То, что находится за воротами, иначе еще называют «Голландией в миниатюре». Удивительно, не правда ли? Такое вряд ли увидишь в другом месте.

«Мадииур» — имя молодого человека. Он родился в столице Индонезии Джакарте и вместе с родителями жил там до начала второй мировой войны. Когда гитлеровцы завоевали его родину — Голландию и стали грабить и унижать ее, единственный сын своих родителей Мадииур загорелся жадной мщенья и вместе с несколькими пылкими единомышленниками-голландцами отправился из Индонезии на родину, чтобы вступить в неравную схватку с врагом.

Этому романтически настроенному молодому человеку, человеку с чистыми помыслами и светлой душой было двадцать девять лет, когда 9 февраля 1945 года он пал смертью храбрых на земле своей родной, страстно любимой Голландии.

Обо всем этом вам расскажет мемориальная доска возле ворот на кирпичной стене. Больше на ней ничего не написано, необычное же и уникальное началось как раз после этой столь трагически обычной для нашего века истории.

Убитые горем родители мужественно встретили несчастье. Долго думали они, что сделать такого, чтобы их обожаемый сын и смертью своей принес пользу родине, и решили все богатство, добытое на протяжении жизни, потратить на постройку миниатюрного городка. Голландия в миниатюре! Голландия отдал свою единственную жизнь Мадииур, и пусть Голландия станет его единственным надгробным памятником, памятником тем, кто в этой адской войне пожертвовал жизнью для спасения своей родины, ради всего человечества, ради прогресса...

На двух или трех гектарах земли, которую родители Мадииура приобрели по возвращении в Голландию, построен город: чтобы обойти все его дороги и тропинки, нужно не меньше двух-трех часов.

Прежде всего, здесь воспроизведен своеобразный рельеф Голландии, все, что видишь и чего касаешься на этой земле, — разумеется, в отличных от действительности масштабах. Перед вами изрезанные каналами бескрайние зеленые поля. Цветут тюльпаны. Слабый ветерок колыхнет их и заносит нежный аромат. Восхищают великолепные площади Амстердама, Гааги, Роттердама, Гаарлема, Утрехта, самые знаменитые архитектурные и исторические памятники страны. Все часы на башнях работают, и каждые полчаса слышится знакомый бой. В больших портах стоят прибывшие с далеких континентов океанские корабли. Высокие подъемные краны переносят на берег тяжелые грузы и складывают их на железнодорожные платформы. Разводятся и поднимаются железные мосты, и корабли медленно выходят в море. По каналам — оживленное движение речных судов. Трудно оторвать глаз от быстрого бега по автострадам грузовых и легковых автомобилей. Легковые машины мчатся быстрее грузовых, догоняют и обгоняют их. Железнодорожные составы стремительно несутся через изумрудные поля по стальным магистралям, проносятся по мостам над многоводными реками, на несколько минут задерживаются у маленьких и больших станций и — снова в путь...

На правом берегу канала в просторном кресле сидит Барух Спиноза...

Во внутренний двор правительственного дворца заглядываешь, как Гулливер. Там же опускаешь в щель двадцатипятицентовую монету, и вот во дворце третий вторник сентября! Гремит оркестр. Церемониймейстер обходит королев-

скую гвардию. Золотая карета приближается к воротам дворца. Слышен восторженный рев толпы и приветственные возгласы...

Мадюрдама ежедневно обслуживают двадцать-двадцать пять человек; ночью он не охраняется. У Мадюрдама нет постоянного штата. Несмотря на это, обслуживающий персонал хлопочет здесь с утра до вечера, подметает, ухаживает за экспонатами, приводит в порядок шлюзы в каналах и водохранилищах, ремонтирует электрические и механические устройства, сопровождает иностранных гостей, бесконечным потоком идущих сюда.

Кто они, эти люди, сменяющиеся ежеутренне в городе памяти Мадюра и его соратников? Простая голландская молодежь, студенты Гааги. Каждый из них один день в месяц безвозмездно обслуживает Мадюрдама. Этим они выражают свое уважение светлой памяти погибших за освобождение родины.

Но куда идет огромный доход, тысячи и десятки тысяч гульденов, что в конце каждой недели собираются в кассах Мадюрдама? Они до последнего цента расходуются на детские дома Голландии. Такова воля строителей Мадюрдама — родителей Мадюра.

8

Берег Северного моря и Гаагский порт находятся буквально в нескольких минутах ходьбы от Мадюрдама. За высокими домами, обращенными фасадами к морю, море открывается вдруг, сразу, и привлекает все внимание. Стального цвета волны плещутся степенно, с каким-то достоинством накатываясь на песчаный берег. Над морем серый, плотный туман. В безоблачные дни, когда солнце не засвечивает в глаза и поверхность воды не сверкает нестерпимым блеском, отсюда с грехом пополам, но можно разглядеть синюю полоску противоположного берега. Там Великобритания, сильный и хитрый сосед, с которым лучше ладить.

Вдоль побережья тянутся дорогие частные и государственные отели. Пляж и будки для переодевания платные. Гулять по набережной могут все, но с одним условием — одетые. А раздеваются на пляжах, в кабинках, сотнями выстроившихся из конца в конец пляжа.

Если ты устанешь, бродя по берегу, и присядешь, через несколько минут возле тебя непременно вырастет вежливый кельнер. Он поставит плетеный стул и, если ты воспользуешься его услужливостью, тут же принесет бутерброд и стакан пива или холодного martini. Это значит, что земля, на которой ты стоишь, чужая собственность, и за отдых на ней каждый, будь ты даже король, должен платить.

А когда настает купальный сезон — это в середине лета, — улицы и пляжи переполняются отдыхающими. В Голландию приезжают со всех концов света! Море везде одинаково, но курортников привлекают сюда чудесный пляж гаагского побережья и комфорт роскошных отелей, ресторанов и кафе. Среди них самый дорогой — многоэтажный Курхаус, курортный дом. Говорят, сюда часто приезжает бывшая шахиня Ирана Сорейя и занимает целые апартаменты. За Курхаусом следует «Гранд-отель», за ним другой, третий и т. д. Если в кармане у тебя не пусто, можешь не беспокоиться, на улице не останешься. Берег просторный, а море — многоводное, хватит на всех...

Машина долго петляла по утопающим в зелени улицам и переулкам, прежде чем снова выехать на автостраду. По этой автостраде до Роттердама двадцать километров, но все эти двадцать километров застроены городками, смахивающими на села, и селами, смахивающими на городки.

Роттердам замечаешь издалека, из несущегося на полной скорости автобуса. Это единственный в Голландии город-модерн. Ему очень подходит пикантная грузинская пословица — «не лег бы с царицей, да бедность заставила». После больших испытаний этот феникс снова восстал из пепла и сделался краше, чем прежде.

Если Гаага с населением в семьсот пятьдесят тысяч человек — стольный город Нидерландов, то полуторамиллионный Роттердам — морские ворота Западной Европы, крупнейший на земле порт, занимающий по грузообороту первое место в мире. С ним могут соперничать только Токио, Лондон и Нью-Йорк.

Небоскребы роттердамского центра уже давно переросли стометровую «Европейскую башню», еще до войны выстроенную на высоком берегу Мааса для любования окрестностями и прекрасными видами города.

Вид с башни и вправду открывается незабываемый. Красный от черепицы кровель, крутоверхий и остроконечный город делая пополам три медлительных, как море, мощных рукава Мааса — матери голландских рек. В этом месте глубина Мааса достигает тридцати метров; гигантские океанские лайнеры беспрепятственно входят в ее устье. Вот они стоят рядком, прибывшие из разных уголков земного шара, с разноязычными командами, с разноцветными флага-

ми на грот-мачтах. А другие готовятся к отплытию. Раздаются низкие и высокие гудки: дайте дорогу, если можно, не двигайтесь, пока мы проплывем. Третьи входят в устье Мааса, покорно исполняя указания встретившего их лоцмана. Где, к какому месту можно причалить? Целый лес башенных крабов высекает с десятиэтажные дома задрал к небу мощные хоботы...

Опять вспоминается Мадиурдам. Как точно скопирована там рабочая суета крупнейшего порта, его характерный шум и голоса...

После первой бомбардировки гитлеровцами город разделился на две части. Припортовую часть захватили немцы, во второй половине укрепились голландцы. До последней капли крови сражались голландские моряки и пехотинцы. Гигантский бассейн Мааса стал кладбищем немецких подводных лодок. Каждый день здесь тонули две-три подводные лодки. Голландцы потопили стоявшие там боевые и торговые суда, дабы немцы не могли использовать порт для своих целей. Именно тогда Маас окрестили «Красным Маасом», и это имя сохранилось за ним по сегодняшний день. Река в те дни текла красная от крови голландских моряков и немецких завоевателей. Были разрушены все мосты над рукавами Мааса. Немцы закрыли оба тоннеля, проходящие под рекой, длина каждого из которых равнялась полутора километрам. Сражение длилось шесть месяцев. Только после шести месяцев кровопролитных боев немцы сумели захватить весь Роттердам. Им пришлось основательно поработать на расчистке порта и на извлечении со дна реки превратившихся в металлолом подводных лодок и кораблей, прежде чем *Роттердам вступил в работу как часть фашистской машины.*

Сегодня обе половины города соединяет новый маасский мост. По этому мосту проходит автострада, пересекающая страну с севера на юг. За сутки мост пропускает до двухсот тысяч автомобилей. Иногда движение останавливается, и тогда на обоих берегах реки скапливаются ужасные пробки. Огромный мост разводится по частям, пропуская направляющиеся в порт или из порта океанские корабли с высокими мачтами.

Поскольку мост государственного значения, роттердамские автомобилисты, мотоциклисты и велосипедисты им почти не пользуются. Маасский тоннель удобней и безопаснее моста. В сверкающем белизной тоннеле движение одностороннее. Нигде никаких подтеков, никакой сырости. Трудно поверить, что над тобой течет одна из самых многоводных рек Европы, несущая десятки больших и малых судов.

Проедешь тоннель и окажешься на цветущем берегу Мааса. Оставишь позади и «Башню Европы», окутанную облаками, и на трапециевидной площади увидишь высокий гранитный обелиск.

Это памятник голландским морякам, погибшим в войне против фашизма. Он представляет собой карабельный нос, прямо и непреклонно разрезающий морские волны. «Они не изменили курс» — так называется скульптура. А пониже высечено: «От благодарной королевы».

А те, кому посвящена эта монументальная скульптура, стоят перед носом корабля. Их пятеро, пятеро обессиленных, но не сдавшихся мужчин. Один упал бездыханный, «лицом вперед», как сказал бы Суворов. Товарищи не бросают его, хоть они и связаны веревками и напряжением последних сил пытаются развязать путы.

Тут же за гранитным парпетом на разные голоса гудят и сипят голландские и иностранные суда, словно стремясь привлечь внимание пяти бессмертных моряков.

9

Красный Маас...

Своим величием Роттердам обязан матери-реке. Его глубокие воды несут к причалам порта бесчисленные богатства со всего света. Но тот же Маас принес роттердамцам немало бед. Все эти беды, страхи и трагедии связаны с наводнениями.

В последний раз Маас вышел из берегов в 1953 году в разгар весны. В верхнем течении реки весна началась рано. Толстый лед на поверхности Мааса не успел стаять и сойти. И вот в одну ночь, не выдержав напора воды, вызванного таянием снегов, лед с жутким грохотом раскололся. За ночь уровень реки поднялся на два-три метра, почти до вторых этажей домов, река затопила весь город...

Коварное наводнение унесло более двух тысяч жизней. Весь город протянул руку помощи пострадавшим. Поиски трупов в реке и под развалинами продолжались почти два месяца. Многие пропали без вести. Их тела либо навеки остались на дне реки, либо были вынесены течением в океан.

С тех пор прошло шестнадцать лет, и в обновляющемся Роттердаме не сохранилось никаких признаков последнего стихийного бедствия. Только вот по гибшим ничем не помочь...

В отличие от Амстердама и Гааги Роттердам — шумный город, центральным железнодорожным вокзалом здесь высится небоскреб с предствительствами тысячи пятисот иностранных торговых фирм, ибо Роттердам — город крупных торговых сделок. У прилавков и павильонов вдоль тротуаров не умолкая звучит ритмичная джазовая музыка. От музыки и ярких красок рябит в глазах. Вокруг — атмосфера карнавала. Продавцы с микрофонами в руках на всю улицу расхваливают свой товар. Но, боже мой, — ведь их десятки, сотни!.. На продажу — все, начиная от луковид тюльпанов и американской жевательной резинки и до бриллиантовых колец и новейших разноцветных автомобильной любой марки. Все на продажу! Десятки и сотни продавцов не напрасно получают свои деньги. Тут же торгуют мороженым, бананами, кокосовыми орехами и ананасами, живой рыбой всех сортов и африканским виноградом с огромными ягодами, самая маленькая кисть которого весит не меньше четырех с половиной килограммов.

День приближается к концу. Скоро часы на башне ратуши пробьют шесть. К этому времени движение на улицах делается еще оживленнее. Но вот часы выткнули свои стрелки в струнку и медленно пробили шесть раз. Уличный шум, словно он только того и ждал, мгновенно смолкает. Репродукторы выключаются. Тенты на широких тротуарах перед торговым центром спешно складываются и сворачиваются, товары заносятся в магазины, и теперь до утра здесь будет царить тишина. Куда делся народ, только что толпившийся здесь? Куда подевались все продавцы и покупатели? Как неожидан переход от головокружительной суеты и шума к полнейшей тишине и неподвижности!

Эта удивительная тишина большого города еще резче бросается в глаза утром. На улице — ни души. Редко-редко промчится автомобиль или проедет велосипедист, и опять все тихо. Вдруг мелькнет мысль, что на город сбросили нейтронную бомбу и все живое в мгновение ока зачехелено, только ты уцелел чудом. В наше время такие мысли не слишком нелепы. Боже упаси нас, как говорят верующие. Но неужели наше грешное человечество заслужило такую кару?

Роттердам всем существом отдается стройке. У городской ратуши забот полон рот. Она всячески старается сделать так, чтобы большая часть доходов города осталась в городе да еще выжать у правительства из государственного бюджета дополнительные средства на восстановление наиболее пострадавших в войну районов.

В городе возводится множество новых домов. Подъемные краны, точно огромные цапли, торчат во всех уголках города. Высокие многоэтажные дома Роттердама вроде бы обычные, стандартные, и вместе с тем в них есть что-то свое, местное, чем-то они родственны старым и вечно молодым кирпичным домам с белой полосой между этажами.

Но ничего так не отражает единодушия роттердамцев в их любви к родному городу, как история оперного театра. Старое здание оперы было разрушено в первую же бомбежку, ночью. Видимо, немецкие летчики сочли его за чрезвычайно важный стратегический объект. Когда рассело и роттердамцы со всех концов города сошлись к центру, они увидели на месте любимого театра беспорядочные груды камней. Весь центр лежал в развалинах, и в дыму и чаду не так-то легко было определить место, где стоял театр. Целых четыре года никто не трогал развалины и не думал о будущем строительстве. На это не было ни времени, ни средств. Да и для кого было строить...

Но только отгремели последние залпы войны и настал долгожданный мир, роттердамцы, прежде чем беспокоиться о собственном жилище, пришли к развалинам театра. Было решено во что бы то ни стало первым в городе восстановить оперный театр, восстановить в том виде, каким он был до войны.

В грудах развалин, как на раскопках, искали всем знакомые камни. Весь город пришел сюда. Одновременно работало по несколько тысяч человек. Засучили рукава художники и архитекторы. С помощью старых гравюр и фотографий они восстановили на бумаге прежний облик всего здания и всех его помещений — сцены, ярусом, фойе и пр. В течение нескольких месяцев столяры и плотники, арматурщики и бетонщики, кровельщики и маляры, а также мастера других профессий безвозмездно восстанавливали театр, до основания разрушенный фашистскими бомбами. Подсобных рабочих мастерам хватало — весь город работал плечом к плечу с ними.

Сегодня это здание поражает зрителя. Внешне оно совершенно не похоже на театр. Опаленные огнем камни фасада придают всему зданию сурово-скорбный вид. Мощными стенами и узкими, как амбразура, окнами оно скорее напо-

минает старинную крепость. Это поистине крепость народного единства, твердыня его духа, символ его щедрости.

Иностранцев в Роттердам влекут не только первоклассные театры. Этот город театров одновременно город живописи и скульптуры. На старых площадях, в скверах и парках можно увидеть множество замечательных скульптур. Из произведений, созданных в нынешнем веке, самое впечатляющее — скульптура роттердамца с воздетыми к небу руками, названная не менее выразительно: «Людоеды, что вы сделали с моим городом!» — работа известного скульптора Цадкина.

Скульптура роттердамца — произведение абстракционистского искусства, и вы тщетно будете искать в ней какую-либо близость к природе. В скульптуре абстрагирован вопль измученной души: «Что вы сделали с моим городом? Зачем разрушили все, что я выстроил с любовью и нежностью? Что вам нужно от моих людей? За что вы принесли мне столько несчастий? Да будьте прокляты, людоеды, будьте прокляты вечно, и не знать вам отпущения грехов. Да высохнет ваш корень, да сгинет имя ваше во веки веков!»

Скульптура сложена из нескольких чугунных кубов. Два куба, соединенных одной гранью, представляют собой ноги фигуры, на месте сердца зияет огромная сквозная рана. Голова запрокинута назад от нечеловеческой боли, разорванный в крике рот шлет небу яростное проклятие. Это ощущение боли и трагизма еще больше усиливают огромные — размером почти в полторса — руки с судорожно растопыренными пальцами. Сильные руки роттердамца — строителя и творца — в отчаянье вознесены к небу. Глядя на него, хочется преклонить колени перед огромной скорбью и страданием.

Скульптура уже завоевала право на жизнь в городе. Ей верят. На постаменте лежит несколько букетов живых цветов. Неподалеку останавливается автобус с иностранцами: люди долго в молчании смотрят на страшную муку человека-творца.

У скульптора было что сказать, и он сказал. Ему не пришлось искать форму для выражения своей мысли; большая боль художника двадцатого века родилась в этой конкретной форме. Поэтому нескладная чугунная фигура только по внешним поверхностным признакам может быть отнесена к произведениям абстрактного искусства: ее светлая, высокая, воинственная идея перекликается с самыми передовыми идеями человечества, зовет к лучшему будущему, а клан подлинных абстракционистов имеет весьма далекое отношение и к передовым идеям, и к лучшему будущему человечества.

Чтобы убедиться в этом, не надо ходить далеко. Роттердам издавна славится своими картинными галереями — хранилищем многочисленных произведений прославленных фламандских мастеров. Среди них самые богатые — музеи изобразительных искусств Бокмана и Ван Боинингена.

Несколько десятков лет назад выставленные в этих музеях коллекции представляли собой частную собственность Бокмана и Ван Боинингена, затем большие любители и глубокие знатоки живописи, граждане Роттердама, передали собранные на свои средства коллекции в дар городской ратуше, ратуша же в свою очередь пополнила коллекции многими новыми экспонатами и присвоила музеям имена их старых владельцев.

Картины известных и менее известных фламандских мастеров выставлены здесь в нескольких десятках больших и маленьких залов. Экспозиция начинается с эпохи позднего Ренессанса и кончается произведениями девятнадцатого века и новейшей живописью.

Пять или шесть больших залов музея отведены под произведения абстрактного искусства. Стоит войти туда, как в глаза ударяют резкие, кричащие тона, беспорядочно нагроможденные геометрические фигуры, фантастические механизмы фантастических машин, каракули, узоры, пятна, брызги. Понять что-либо из всего этого, постичь смысл увиденного совершенно невозможно, несмотря на то, что под всеми этими ребусами стоят весьма претенциозные названия.

Перевод Александра ЭБАНЮДЗЕ

Окончание следует

НАД ИНГУРИ ИДУТ ДОЖДИ...

— На Венере никогда не бывает дождей. Ученые это уже точно доказали. Там очень мало воды, и потому жизнь на ней невозможна.

— Для нас это слабое утешение. Но раз они нужны, чтоб жизнь шла на полную катушку, пусть льют, проклятые...

Из разговора, подслушанного на строительстве Ингурской ГЭС.

Льет дождь, ливень — затяжной, беспросветный, и с ним на стройку приходит мрачное, тревожное настроение. Жизнь, конечно, не прекращается и не замирает ни на минуту: три раза в течение суток одни бригады выходят на смену другим. Здесь работают, промокая насквозь и не замечая дождя.

На плотину идет бетон — самый ответственный этап строительства. А непогода зло врывается в планы и графики, нарушает и без того неровный ритм работ.

— Вы знаете, что такое ливни для стройки?! — говорил мне Мириан Силованович Эбралидзе — начальник строительного управления Плотинстрой. — Это затопленный котлован, это зачастую дело нескольких недель, а то и месяцев намарку. Нужно откачивать воду и все начинать заново...

Настроение у Мириана Силовановича соответствует погоде. Правда, в день знакомства он выглядит нарядным и торжественным в черном костюме и белой сорочке; высокий, подтянутый, легкий в движениях, и ничто не выдает, что на исходе седьмой десяток. День был насыщен событиями. — помимо очередного производственного совещания и решения многих текущих дел, встреча и большой деловой разговор с итальянскими коллегами — гидротехниками, которые очень интересуются ходом строительства ИнгуриГЭС.

— Это общение при всех обстоятельствах взаимно полезное. Они интересуются нашим опытом, мы, советуясь с итальянскими специалистами, убеждаемся в правильности своих решений, поскольку сомнений и колебаний в ходе строительства возникает очень много.

Беседа со мной была короткой и сдержанной.

— Хотите познакомиться с людьми на строительстве? Учите, никто на ходу перед вами душу не распахнет. Все лирическое и романтическое, что больше всего вас интересует, спрятано у них очень глубоко, сразу не доберетесь. Будут только недовольны, что отрываете от работы; сейчас там у нас очень горячо, идет укладка бетона... Что вы уже видели? Проехали по трассе? Внизу, у основания плотины не были? Считайте, что вы ничего не видели. Завтра ровно в 9 жду вас в котловане.

А мне казалось, что я уже многое посмотрела.

В день моего знакомства со строительством ингурского гиганта природа была радушна и доброжелательна ко мне.

Вся трасса стройки представилась в великолепном освещении нежаркого сентябрьского солнца, в необычайных красках, которыми расписывает осень пейзажи Западной Грузии.

Огромные башни цементных элеваторов блестят и переливаются серебром, издали кажутся чудесным сказочным замком. А где-то высоко в чистом голубом небе, как яркие елочные украшения, повисли зеленый, желтый, красный кабель-краны.

Кажется, рукой подать до противоположного склона ущелья. В отвесной скале вьется дорога, а по обочинам в зелени мха беспорядочно разбросаны белые, будто белилами облитые, валуны — типичный пейзаж Сванетии.

В глубине ущелья — Ингури. В этом месте она, протихшая, подавленная, сдавшаяся, будто устала состязаться с грохотом и неумным движением стройки.

Подо мной котлован плотины — огромное бетонное седло в сложных переплетениях металлической арматуры. Сверху люди воспринимаются как лилипуты, сошедшие с иллюстраций к свифтовскому роману о Гулливере.

Так мы пронеслись в «Волге» по самому горячему на сегодняшний день участку строительства ИнгуриГЭС вместе с секретарем парткома Гурамом Иосифовичем Гунарадом.

Гурам Иосифович — прекрасный гид. Он наблюдал стройку с первых же шагов, когда был секретарем Зугдидского горкома комсомола. За последние годы ИнгуриГЭС — стройка комсомольская и штаб ее многие годы находился в Зугдиди, то Гурам на протяжении всей своей деятельности комсомольского вожака был связан с ней самыми прочными узами.

Он не дожидается расспросов, а рассказывает сам. Он терпелив и отзывчив (хотя в жестак, в манере говорить прорывается порою горячность натур), с готовностью повторит и лишний раз объяснит, дополнит сказанное новыми деталями и со свойственным ему тактом ничем не выдаст своей загруженности и того, что день его рассчитан по минутам и что вся его работа состоит только из неотложных дел. И кроме того — на стройке почти всегда гости.

На следующий день я узнала, что здесь гостила группа итальянских гидротехников. Находясь в отпуску, с неофициальным визитом приехали на ИнгуриГЭС министр гидроэнергетики и электрификации СССР П. С. Непорожный и начальник строительства Братской ГЭС И. И. Наймушин. Гости очень почетные, и все хлопоты по организации приема, встреч, неофициальных совещаний, на которых должны быть обсуждены самые животрепещущие вопросы стройки, несет на своих плечах секретарь парткома.

Все, что происходит на строительстве Ингурской арочной плотины, — происходит впервые в истории гидротехнических сооружений. Еще ни в одной стране мира нет опыта строительства таких плотин. Поэтому даже итальянцы, считающиеся самыми лучшими в мире специалистами в области гидротехники, сознались в том, что строительство Ингурской гидроэлектростанции стало для них хорошей школой.

Здесь побывали и американские гидротехники. Уезжая, они не скрывали, что поражены всем увиденным. А недавно в Вашингтоне на Всемирном совещании гидротехников первым вопросом, с которым обратились американские гидростроители к своим советским коллегам, был: как идут дела на Ингурской ГЭС?

Уже больше десяти лет прошло с начала стройки, и за эти годы не раз приходилось возвращаться к проектам, многое менять, дополнять, решать заново. Подсказывала природа, подсказывали интуиция и прекрасный опыт больших специалистов, подсказывал весь ход строительства.

Не оправдались прогнозы геологов — грунт оказался мягче, чем они предполагали, и это продиктовало необходимость особой арматуры, особых каркасов и металлических конструкций, какую никогда еще не видели побывавшие здесь только что итальянские специалисты. И бетон здесь тоже готовится особый. И вообще, с кем бы из специалистов ни доводилось беседовать, каждый отмечал, что здесь проходит испытание тот или иной механизм, впервые используется тот или иной метод, не имевший еще места в практике мирового гидростроительства.

* * *

Я тороплюсь к котловану на встречу с Мирианом Силовановичем Эбралдзе.

Все, что накануне казалось мне сверху небольшим пяточком, в зарослях сложной и путаной металлической арматуры приобрело сегодня реальные масштабы и поразило своей грандиозностью. Я ощущаю подошвой мокрое шершавое бетонное основание плотины. И вся будто растворяюсь в грохоте и движении сложнейшей техники. Мощные кабель-краны, большие и малые гусеничные краны, вибраторы, ручные и подвешенные к кранам, бульдозеры и электротрактора, разравнивающие и уплотняющие бетон, все размещалось на «пяточке», как на огромном поле сражения.

Подготавливается основание для укладки очередного слоя бетона.

Шероховатую бетонную поверхность чистят и скоблят часами, промывают щетками и продувают. Только при самом тщательном соблюдении всех условий техническая комиссия может разрешить укладку нового слоя бетона.

Здесь я увидела приметную белую каску главного инженера строительного управления Плотнестроя Нодара Дмитриевича Эмухвари. Накануне, когда я беседовала с ним у него в кабинете, эта каска лежала рядом на письменном столе, а он все время теребил ее ремешки, гладил пальцами ее холодную металлическую округлость.

— Только бы вырваться из скального основания, выйти, наконец, из пробки, в которой все время приходится бороться с водой, — говорил Нодар Дмитриевич, — а дальше — как войдем в ритм, и колесо раскрутится: только держись, здесь уже не притормозишь... А сейчас мы в цейтноте... Трудно с бетоном — еще не пущен большой бетонный завод непрерывного действия, поставленный в створе плотины, — на него вся надежда. Плохо с транспортом, перебои в доставке леса, не хватает металла. Мало специалистов на кабель-кранах. А когда идет «большой бетон», все должно быть приведено в движение.

Трудностей пока немало, но Нодару Дмитриевичу уже видится сплошная литая белая громада — изогнутое, как скорлупа яйца, тело арочной плотины. Он знает, что время это не за горами, и говорит о нем не без грусти, величелоно понимая, сколько лет жизни, борьбы, страстей и волнений, бессонных ночей и будней останется в этой плотине вместе с сотнями тысяч кубов прочнейшего бетона. Он уже испытал «горечь разлуки», передавая эксплуатационникам дело своих рук и покидая детище, к которому, казалось, приросли и руки, и сердце. За плечами — Ладжанурская, Ортачалская электростанции, ХрамГЭС... На строительстве Ингурской плотины он с первых дней, и, возможно, здесь и пересекла его лоб эта глубокая морщина, такая резкая и противоестественная для его совсем еще молодого, но сильного и умного лица. А может, она возникла под тяжестью каски, с которой он почти не расстается, потому что все время проводит в котловане. И хотя нотка грусти прозвучала, когда мы в разговоре «добрались» до гребня плотины и «завершили» строительство, все мысли главного инженера Плотинстрой обращены к этому времени.

Он знает, что как только «раскрутится колесо» и пойдет непрерывная подача бетона, в тело плотины будет укладываться в течение суток пятьсот кубометров бетона — Нодар Дмитриевич будто жонглирует цифрами, выхватывая на ходу расчеты: то ли давно подготовленные и прочно сидящие в памяти, то ли произведенные по ходу беседы, но поданные с уверенностью и глубоким знанием того, как будет возноситься ввысь гигантская бетонная глыба, от которой и пойдет начало новой истории древней реки Ингури, не тронутой до этого строительства со времен легенды о колках и золотом руне.

* * *

Мириан Силованович переходит от одного механизма к другому, от одной группы людей к другой. Спрашивает, отдает распоряжения. Я с трудом успеваю за ним, перескакиваю с блока на блок, вышагиваю, балансирую по бревну, обходя мокрые места. Он сегодня все также по-спортивному легок и подтянут, в спортивной куртке и серой сванской шапочке.

В беседе он сразу перехватывает инициативу, активно задает вопросы, поток вопросов, связанных с общественной и культурной жизнью Тбилиси, от последних постановлений и решений пленумов Центрального Комитета Компартии Грузии до театральных премьер.

— А что в Тбилиси говорят по поводу?..

— А не знаете ли вы?..

Через несколько минут он уже знает обо мне все — как живу, чем дышу, как к чему отношусь. А я о нем — пока только то, что слышала от других, — крупнейший специалист, один из сильнейших советских гидротехников, человек большой эрудиции и культуры, умный руководитель. За строительство ХрамГЭСа получил высокое звание лауреата Государственной премии. 42 года жизни отданы проектированию и строительству гидроэлектростанций. Биография его почти совпадает с историей советского грузинского гидростроительства, потому что почти все электростанции в Грузии строились с его участием. Работал над проектом Дарьяльской ГЭС, во время войны восстанавливал Бакаинскую ГЭС, участвовал в разработке проекта и строил ГЭС на Храме.

На ХрамГЭСе-1 был начальником участка. На ХрамГЭСе-2 — начальником строительства. Возглавлял строительство Гуматской ГЭС, Самгорского водохранилища.

— Но, конечно, Ингурская плотина — одна из величайших и сложнейших в мире. У нас в Советском Союзе вообще пока нет опыта арочного плотиностроения. Мы задали тысячи сложнейших задач строительным, проектировочным и научно-исследовательским организациям, которые связаны с этой стройкой.

— Не возникало ли желание обобщить весь большой опыт строительства, оформить это в научный труд?

— Видимо, на это никогда не оставалось времени, но это и никогда не было главной задачей, в противном случае все остальное было бы забыто и подчинено ей. Но я по натуре строитель, организатор, а не теоретик, и в науку не особенно тянет. А передавать опыт можно и иначе — непосредственно в процессе строительства. Через мои руки прошло уже не одно поколение учени-

ков. А стройка, должен вам сказать, — настоящая школа. Я имею некоторое отношение к диссертациям — я член совета по присуждению степеней в Грузинском политехническом институте. Часто приходится писать отзывы на диссертации...

Я поняла, что его отношение к степеням и диссертациям, которые пишутся во имя ученых степеней, самое сдержанное, если не сказать, холодное.

Много раз наш разговор, происходивший в его кабинете, прерывался телефонными звонками. Разговоры были разные. Его низкий, чуть силоватый голос звучал то строго и требовательно — гарантируете 300—400 кубов цемента?.. Завтра, в воскресенье, выходим на работу. Если же цемента не будет... Все зависит от вас. Понимаете, если начнем бетон, — отключать нельзя... То резко: может быть, мне прийти сейчас и переставить вам покрывшки? То почти просительно: с транспортом надо как-нибудь помочь, Олег Васильевич...

Вырисовывалась картина нелегких, хлопотливых и напряженных будней.

Я завела разговор о трудной доле руководителя такой большой и сложной организации, о его авторитете и необходимости всегда быть внутренне собранным и уверенным, а иногда жестким и крутым.

— Прежде всего руководитель должен быть самим собой. И жесткость, и мягкость должны идти от характера, изнутри, и ничего показного, никакой игры. А все, кто с тобой работают, должны верить, что в любую минуту и по любому поводу найдут поддержку, смогут опереться на твоё знание, опыт, умение все устроить и организовать.

Я слышала многочисленные истории о том, как шли люди к нему за советом, как привлекали его к решению своих личных дел, как будили его по ночам телефонными звонками...

И это, видимо, тоже было одним из проявлений стиля его руководства.

Вся жизнь Мириана Силовановича прошла на стройках, но долгих разлук со своей семьей он никогда не знал. Семья его почти всегда была с ним. Дети — своими — двумя сыновьями и дочерью он по праву гордится. Никто из них не изменил делу отца, все инженеры, все — строители и гидротехники.

Старший сын и дочь работают здесь же, на ИнгуриГЭС. Сын — начальник технического отдела, дочь — инженер-механик в субподрядной организации. Они уже обзавелись семьями, подарили Мириану Силовановичу четырех внуков. Младший сын по окончании института служит в армии.

— Я их рано начал приобщать к труду, — рассказывает Мириан Силованович. — Школьные каникулы они всегда проводили, работая на строительстве. Старший сын, еще будучи школьником, получил на строительстве четвертый разряд токаря.

Но дело не в заработках, которыми они всегда особенно гордились. Главное — это приобретение навыков к самостоятельной работе, ощущение своего места и положения в коллективе, обретения уверенности в себе, в своих силах.

Я никогда и никуда не водил своих детей за руку, никогда ни с кем не вел никаких переговоров по поводу их устройства. Все свои дела они улаживали и организовывали сами, и должен признаться, наилучшим образом. В моем понимании, конечно, — добавил он.

Дополнение существенное. Я поняла, что под его принципами и нормами жизни никогда не подпишется ни обыватель, ни стяжатель, ни мещанин.

* * *

Начальник Постройкома Георгий Ражденович Микава подвел меня к группе мужчин, стоявших у входа в здание управления строительства ИнгуриГЭС в Джвари.

— Познакомьтесь — это главный механик нашего управления, — сказал он.

И тихонько на ухо: интереснейший человек, объездил полмира, технику знает блестяще, не так давно ездил в Швецию закупать для нашей стройки мощные экскаваторы «Ланцверги».

Я не сразу сориентировалась, о ком из присутствующих шла речь. Раз главный, наверно, и представительный, и крупный, и приметный. Через минуту поняла, что просчиталась, и очень сконфузилась. Все оказалось совсем наоборот. Василий Сергеевич Джанезашвили был совсем не высоким и совсем неприметным. Когда Георгий Ражденович попросил ввести меня в курс дела его мудреного хозяйства, познакомиться с техникой, энтузиазма не последовало. Василий Сергеевич понуро двинулся на второй этаж к своему кабинету, жестом пригласил меня за собой. Он был явно расстроен тем, что сорвались какие-то его планы. Как потом я узнала, он собирался ехать на объект и ждал внизу машину.

Последовала добросовестная и очень популярная лекция о действии бетонного завода, о том, как дозировать гравий и песок, чтобы получился отличный бетон. Так, по транспортерам, через бетономешалки, холодильные установившие регулирующие температуру, необходимую для затвердения бетона, с бадами в которых доставляют бетон, мы «добрались» до кабель-кранов — мощнейших механизмов, любимому детищу и надежде всех ингуртэсовцев.

— Хотите, я вам покажу кабель-краны? Если вы располагаете временем, мы можем туда съездить.

До чего же иногда бывает обманчивым первое впечатление!

Теперь я могу смело сказать, что с Василием Сергеевичем Джанезашвили я познакомилась только там, высоко в горах, где установлены эти огромные механизмы, показавшиеся мне снизу разноцветными детскими игрушками.

Два кабель-крана уже в эксплуатации, заканчивается монтаж третьего, четвертый должны в ближайшее время привезти с завода.

Василий Сергеевич взлетает по металлическим перекладинам высокой, похожей на пожарную, лестницы. Я следую за ним, неуклюже цепляясь за поручни, с ног до головы перемазываясь мазутом, и попадаю в большой машинный зал кабель-крана. Огромные колеса с натянутыми тросами, щиты во всю стену с мигающими лампочками и сложнейшими переплетениями проводов.

Василий Сергеевич любовно и придирчиво осматривает все хозяйство, будто впервые все прощупывает, исследует, только что не пробует на зуб...

— Представляете, какая-нибудь мелочишка откажет, и вряд ли кому-нибудь доставит удовольствие прозвонить всю эту схему.

Но увидеть кабель-кран в работе можно только из окна кабины машиниста. От такого зрелища захватывает дух. Ощущаешь себя высоко в небе, совершенно оторванной от земли — то ли ты в кабине пилота, то ли вообще смотришь на землю из иллюминатора космического корабля. Земные «вира» и «майна», тонким девичьим голосом рвущие микрофон, здесь наверху воспринимаются, как позывные другой планеты. Тонкие серебристые нити стальных тросов связывают два крутых берега Ингури. А прямо под нами в котловане кипит работа. Кабель-кран подает очередную порцию бетона.

— Ну как? — спрашивает меня Василий Сергеевич. В глазах у него немой восторг, а весь он — слава энергии со страстной душой, который вот-вот взорвется и зажжет всех вокруг. Я поняла, что необходимо высказать свое восхищение, что от меня ждут этого с нетерпением: так влюбленная мать считает, что каждый обязан оделить ее чадо своим восторгом.

Но я ошиблась. Василий Сергеевич был строг и объективен:

— А вибрирует-то как, а? Чувствуете вибрацию? Вот это беда, которую мы на этом кране не успели предотвратить. Сейчас подыдемся на другой кабель-кран — там сейчас заканчивается монтаж, — никакой вибрации вы там не почувствуете. В итоге оказалось пустяковое дело: специалисты из политехнического института это нам подсказали, поставили все наше оборудование на большие резиновые пробки и избавили от этой постоянной неприятной дрожи.

Мы были и на этом красном кабель-кране, на котором избавились от вибрации, но в процессе монтажа возникало немало вопросов, когда нужны были консультация и совет главного механика.

Василий Сергеевич отвлекся от своей роли гида, да и вообще, пожалуй, забыл о ней, поглощенный делом.

Меня гостеприимно приглашают в маленький вагончик, выполняющий здесь роль конторы, усаживают на табурет, предварительно расстелив на нем газеты.

Только что машина привезла наверх баллон свежей воды. стакан холодной воды — дорогое угощение. Вода сюда не подведена, уповать приходится только на машину, которая доставит воду. А каждый рейс сюда, наверх по трассе, представляющей собой узкую тропку над обрывом, забитую камнями и бульжниками, сквозь густую пелену пыли в сухую погоду и сквозь слякоть и туман в дождь, для шофера истинное испытание на смелость и виртуозное вождение машины.

На «воду» в вагончик собираются люди — монтажники, инженеры, машинисты кранов, и каждому есть о чем рассказать, большинство из них уже с биографией, хотя, как мне сказали, средний возраст здешних специалистов — 25 лет.

Эмзар Иванович Мергадзе — начальник кабель-кранов — работает здесь третий год. Приехал он сюда по комсомольской путевке с Кутаисского автозавода им. Орджоникидзе. Старший машинист крана Забуло Купрашвили, уроженец села Цуцхати Ткибульского района, начал свою рабочую биографию здесь, на Ингурской стройке, слесарем-монтажником на канатной дороге. А сейчас освил одну из самых пужных здесь специальностей — машиниста

кабель-крана. Машинисты кабель-кранов тут вообще в большом почете — их пока очень мало. Вахтанг Ломтадзе пришел сюда по окончании техникума. Осваивал кран в процессе монтажа, а теперь им управляет. Среди машинистов кабель-кранов немало девушек — только в той смене никого из них не было. Александр Аксютин приехал на Ингурскую стройку из Казахстана. Электрик Василий Зыков — с Урала, монтажник Михаил Сохатский — сибиряк, а двое юрродные братья Георгобиани, Виктор и Индикю, — из Рачи. Приезжала помогать монтировать эстакаду группа азербайджанских монтажников из Дашкесана.

Степан Егорович Казаликашвили заметно выделяется среди своих коллег — прежде всего возрастом, и биография у него соответственно богаче. В 1924 году Степан Егорович вступил в ряды Ленинского комсомола, а сейчас о нем говорят: «старый коммунист». Сын горца из Казбеги, одного из первых грузинских альпинистов Егора Казаликашвили, стал первым представителем Всесоюзной организации «Союзлифтмонтаж» в Грузии, таким образом, положив начало Закавказскому отделению этой организации. В Грузии нет канатной дороги, к которой не приложили бы своих огрубевших, мозолистых рук Степан Казаликашвили — он строил их в Каспи, Ткибули, Тиварчели...

Сейчас ему 69 лет, но он по-прежнему на самых сложных и опасных работах. «Будьте осторожны, — предупредили меня, — о пенсии его не спрашивайте, он очень обижается...»

Старший производитель работ участка Вахтанг Гоdishвили уже седьмой год на Ингури. Молодой инженер, начавший свою деятельность в Дорпроекте, вскоре предпочел проектированию строительство. Монтировал эстакаду, теперь монтирует кабель-краны. Он рассказал, что у молодого коллектива монтажников есть уже целый ряд рационализаторских работ с интересными конструктивными решениями.

Поговорив еще о делах и заботах монтажников, о кабель-кранах, мы с Василием Сергеевичем отправились в обратный путь. Он был удручен, увидев мок перепачканную одежду, смущен и расстроен тем, что, поглощенный своими делами, в нужную минуту не сумел быть джентльменом и не уберег меня от всех неудобств. И сколько я ни убеждала его не придавать значения всем этим пустякам и не огорчаться, я почувствовала, как у него испортилось настроение. Я постаралась переключить его мысли, стала расспрашивать о семье, о жене, не подозревая, что задела за живое...

Мириан Силованович Эбралидзе в напряженном ритме будней не успевал обобщить свой опыт на бумаге, превратить его в научный труд. Василий Сергеевич — больше того: не успел жениться... Тогда я еще не знала, что холостяцкая жизнь главного механика была мишенью для шуток остроловов всех строительных управлений Ингурской ГЭС. Они будто состязаются в своих островах на эту тему, отгачивают мастерство, будто КВН дал им задание пошутить над семейным положением Василия Сергеевича.

— Мы бы могли ему помочь, — слышала я, — но мы совсем не знаем его вкуса — высокие девушки ему нравятся или среднего роста, блондинки или брюнетки?

— У него на таком высоком уровне ведется домашнее хозяйство, что мы даже не представляем, какая хозяйка сумеет ему угодить...

Василий Сергеевич к шуткам этим притерпелся, старается их не слышать и не замечать. Но, как мне показалось, очень старается...

* * *

До начала смены оставалось еще несколько часов, а Отар Ильич Блиадзе уже устал отдыхать. Дома не сиделось, потянуло на воздух, и он сам не заметил, как в раздумье прошел все расстояние до управления Плотинстройа. Надо бы повидать кое-кого, кое-что обсудить. Но в управлении почему-то все дела сами собой отпали, и осталось только желание поскорее заступить в смену.

На мою просьбу побеседовать до начала работы он ответил: «Мое дело работать, а не разговаривать».

Но мы все-таки поговорили. Вернее, говорил только Отар Ильич. Будто размышляя вслух, не замечая собеседника, он вспоминал о прошедшем, раздумывал о своей жизни, сам задавал себе вопросы и сам на них отвечал. Обожженные ветром и солнцем багровые щеки и лоб лоснились, смазанные густым слоем вазелина. И глаза в этом пылающем обрамлении казались совсем светлыми, чистыми, взгляд был очень сосредоточенным и задумчивым. Он долго не мог пристроить свои, не умеющие отдыхать руки, огрубелые, словно негниущиеся, будто отлитые из какого-то жесткого материала.

Трудное военное детство в небольшом и небогатом селе Сакири возле Ахалцихе. Семья отца и его брата жили одним домом. Без мужчин, ушедших на фронт, в семье шестнадцать душ. Средняя школа и работа в колхозе так

переплелись, что трудно сказать, что в ту пору было главным. Надо было и учиться, и скот пасти, и сено косить, и картошку копать.

К моменту окончания средней школы работал уже звеньевым в колхозе, помогал отцу кормить семью.

Потом была армия. На строительстве Читахевской ГЭС Отар Ильич стал проходчиком, арматурщиком и всем, в чем в тот момент нуждалось строительство электростанции.

Дело это увлекло, захватило — будто для этого родился. Жизнь уже не мыслилась без стройки. После Читахевской ГЭС был и Булачаурский водопровод, Ткибульская ГЭС, Ладжанурская ГЭС — с первого до последнего дня — все семь лет — начал и закончил. Здесь в 1958 году был награжден орденом Ленина.

Потом три года на ХрамГЭСе. С 1963 года на Ингурской ГЭС. Когда здесь был пущен каскад перепадных ГЭС, Отару Ильичу Влиадзе было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Только однажды пришлось Отару Ильичу оторваться от строительства, когда послали в Волгоград на шестимесячные курсы бригадиров. Все остальные специальности он осваивал в процессе работы. 23 года он уже бригадирствует.

А сколько пережито за эти годы: чудом вышел живым из-под страшного завала; когда требовало дело — сутками не уходил с объекта.

— Много всякого было, — размышляет Отар Ильич.

— Ну а все-таки, что было особенно трудным?

— Самый тяжелый момент в своей жизни я пережил, когда от меня ушла жена. Вот так. Никому еще не жаловался, а вам скажу. Была добрая, хорошая, налаженная семья, двое детей, в которых я души не чаю. И я верил, что все у меня в этом смысле обстоит благополучно. В один прекрасный день забрала жена детей и уехала к матери в Аджарию. Оказывается, устала она от переездов с места на место, от необходимости каждый раз заново устраиваться, заново обживать новый угол. Она считает, что пора уже зажить оседло, спокойно, в доме, который и внукам и правнукам очагом будет. И работа моя ее не устраивает. Какой прок в твоей работе? — говорит, ни карьеры, ни денег. Так и не смогли договориться... Мне казалось, все, что нужно, у меня есть — и квартиру хорошую двухкомнатную дали, и зарплаты хватает, и почет есть, и жизнь здесь культурная, ничем от города не отстаем — и кино в поселке, и универмаг, магазины, школы, все, что нужно для нормальной жизни. А оказывается, вот как все обернулось. Тяжело было. Жить, честно говоря, не хотелось. Вот тогда я и понял, что значит, когда рядом настоящие верные люди, хороший коллектив.

Отар Ильич рассказывал, как поддержка близких людей, чуткость коллектива помогли ему оправиться от беды, остаться в строю. Несколько человек в бригаде Влиадзе связаны с ним еще с Ладжанурской ГЭС. Вместе там заканчивали, вместе здесь начинали — Петр Гусев (уже 15 лет связаны общим делом), Рубен Гвишиани, Курашвили. С Григолия и Акобия судьба свела здесь, на Ингурской ГЭС. Многие из бригады Отара Ильича — его ученики. Хусаев, Немсицверидзе, например, уже сами работают бригадирами.

— И управляются лучше меня, — говорит Влиадзе. — А вообще на Ингурской ГЭС куда интереснее работать, здесь техника — высший класс! На Ладжанурской стройке у нас даже перфораторов не было, вагоны откатывали вручную. Разрыв в какие-то 10—15 лет, а производственный процесс основательно изменился.

* * *

Большой, напряженной, увлекательной жизнью живет Ингурская стройка.

Тринадцать поселков городского типа — Джварзени, Подхвазцери, Эрисцкали, Саберно, Речхи, Гудава и других — выросло на берегах Ингури с широкими, как проспекты, улицами, современными четырех- и пятиэтажными домами, с населением в 36 тысяч человек. Из них свыше двенадцати тысяч — рабочих и инженерно-технических работников, строящих Ингурскую ГЭС. На стройке тысяча двести коммунистов, тридцать первичных организаций.

Состав населения самый интернациональный. Представители свыше тридцати национальностей живут одной семьей строителей большого объекта, со своим уже здесь сформировавшимся укладом, бытом и единым моральным кодексом строителя коммунизма. Потому что гигантская электростанция, которая сооружается их руками на берегах Ингури, будет служить не одному поколению потомков — будет служить коммунизму.

Гиви ВАРДОСАНИДЗЕ

БЕЗОБРАЗНАЯ КРАСАВИЦА

В ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ В ГОСТИНИЦЕ

Наша гостиница находится на углу Седьмой авеню и Тридцать первой стрит.

Но почему вон тот американец, который, положив ноги на стол, спит, развалившись в мягком кресле, решил, что Америка принадлежит ему одному!

Глаз путешественника жаден, слух — тонок. В чужой стране очень сильно устаешь. Все тебе хочется увидеть, всюду хочется успеть. Люди, улицы, дома, магазины, небо, земля, камни, трава — все, все привлекает внимание.

В то утро в Нью-Йорке шел дождь. Я сидел у окна своего номера в гостинице. Внизу по мостовой бежали люди, прятались в подъездах и дворах. Я вспомнил слова жены: — В Америке зонты не продаются, там на каждом углу продаются дождевики. Их покупают в непогоду. А как распогодится — выкидывают.

— Выкидывают?

— Да, чему ты удивляешься, там многое выкидывают... Нижнее белье не отдается в стирку... Это обходится дороже, чем купить новое...

Простой дождевик в Нью-Йорке стоит около сорока центов, но я не выдал такого выброшенного дождевика. Я специально спросил в магазинах, сколько стоит нижнее белье. Оказалось, в Америке нижнее белье стоит гораздо дороже, чем у нас.

Вчера мы договорились: завтра в десять утра соберемся в холле гостиницы. Пока еще нет и половины девятого. В номере сидеть скучно.

В тот день, когда мы приехали в гостиницу, она была почти пуста. А вчера и сегодня понаехало много туристов. В школах и институтах начались каникулы, и это сразу же отозвалось на гостиницах.

Вон те девушка и юноша, которые уселись на ступеньки лестницы, ведущей в банкетный зал, приехали из какого-то южного штата. Краснощекий и полный юноша растянулся на лестнице, заложил ногу на ногу и уставился в потолок. Светловолосая девочка в брюках с ниспадающими на плечи волосами, курит папиросу.

На мягком диване освободилось место. Сажусь, потому, что устал стоять, и еще потому, что оттуда виден весь холл.

Рядом со мной сидит американка. Там, дальше в креслах сидят женщины. Тихо разговаривают. По холлу, взявшись под руки, ковывают долговязые старые супруги. Портые с трудом тащат их чемоданы. Кто они? Откуда приехали?

Лицо у женщины напоминает кишмиш, но она, по всему виду, не страдает старости: губы ярко накрашены, на руках высокие перчатки. Белая «мини» высоко открывает худые ноги.

Молодой портье подбирает с пола мелкий мусор, окурки и пепел из пепельниц вытряхивает в специальное ведерко. Моя соседка с головой ушла в разговор. Видать, и американские женщины любят поговорить. В холле небольшой киоск, торгующий сувенирами. Витрины выглядят весьма экзотично. Я несколько раз осмотрел выставленные в них товары, но ничего не купил. Никто не покупает.

В кресле уснул мужчина в шляпе. Голова упала на грудь. Торчащая во рту сигара толчиной с указательный палец дымит.

А вон те старик и молодая кокетливая женщина, сидящие напротив того старца, весьма оживленно разговаривают. Кем они приходятся друг другу? Отцом и дочерью? Мужем и женой? Или он богатый дядя, а она бедная пле-

мянница? Или, может быть, она его любовница, любовница человека, у которого одна нога уже в могиле? Бог их знает!..

Поднимаюсь в номер.

Утром Нью-Йорк умылся, но в воздухе душно. Включаю кондиционер.

Сейчас в Тбилиси два часа ночи...

Хозяйка по этажу сменила постельное белье. Она страшно черная и страшно толстая. Второй такой толстой женщины в Америке я не видел. Она мать семерых детей, муж ее работает грузчиком.

— Сколько у вас детей? — спросила она меня.

— Двое.

Она покачала головой, мало, мол. Да и я сам знаю, что мало, все знают, что два ребенка в семье — мало, но...

— А у меня семь, — сказала она и пересчитала детей по пальцам.

Распогодилось. На телевизионный экран упал солнечный луч. В окне показались верхушки небоскребов, освободившиеся от закрывавших их облаков.

Сквозь щель неплотно закрытой двери донеслись топот ног и разговор в коридоре. Дверь в соседний номер открылась и закрылась. В гостиницу прибыла новая группа путешественников.

НЕНАВИСТЬ

Перед нашей гостиницей собрался народ. Слышны крики. Там какой-то переполох. Несомненно, случилось что-то.

С утра у нас было свободное время, и я бродил по городу. Устал. Идя в гостиницу, думал: «В номер подниматься не буду, сяду в холле на большой мягкий кожаный диван и отдохну и, как говорится, «глаз свой потешу» (я люблю сидеть в холлах больших гостиниц).

Но перед гостиницей что-то происходит. Собравшиеся в круг люди обступили двух женщин. Одна из них белая, другая — черная. Белая — старая. Черная — молодая. Белая — сухая, с увядшим старым лицом (одна кожа да кости) — вопит леденящим душу голосом и, энергично размахивая руками, подступает к негрityнчке. Волосы — растрепаны, глаза — безумные. Если встретишь такую где-нибудь в темноте — с ума сойдешь. Какне-то люди стараются удержать ее. Старуха вырывается. Злость исказила черты лица, маленькие глазки полны ненависти и готовы выскочить из орбит.

Малорослая негрityнчка стоит в каких-то трех шагах от разъяренной старухи. Вледна. Глаза в слезах. Хрупкие плечи трясет мелкая лихорадочная дрожь. До смерти перепуганная, пряча голову в плечи, не знает куда спрятаться.

Наверное, никто из собравшихся поглядеть на «потеху» не знает, кто они такие — эта старуха и негрityнчка, что им надо друг от друга и почему между ними возникла эта чудовищная ненависть, эта дикая вражда; и никто не знает когда, как и с чего началась эта «потеха».

Белая старуха вырвалась и кинулась к негрityнчке. Схватила за волосы, дернула изо всех сил. Страшная боль исказила лицо негрityнчки. Она пытается вырваться из цепких когтей старухи. Но старуха обеими руками держит ее за волосы и в бешенстве все дергает и дергает. Старуха вопит и ногами бьет негрityнчку в живот.

Желающих поглядеть на «потеху» прибавилось. Толпа смеется, гудит, гогочет. Какой-то толстяк с огромным пузом, с блестящей на солнце громадной лысиной, пожевывая жвачку, ревет:

— Давай, бабуся, давай!... Так, бабуся, так!... Не держите ее, пусть прибьет эту свинью!..

— Ого-го-го!.. Ого-го-го!.. — ржет кто-то прямо мне в ухо. — Бабуся бьется, как леопард!.. Лягается, как осел!..

— На ринг бабуся, на ринг!.. Дайте ей перчатки!..

— Так, бабуся, так! Оп! Да вы поглядите на нее!

Но когда негрityнчка схватила старуху за волосы, толпа неистово взревела. К дерущимся подскочил похожий на дождевого червя и чем-то напоминающий жирафа долговязый парень с длинными ниспадающими на плечи локонами. Схватив негрityнчку за руку, он вынудил ее выпустить волосы старухи. Старуха, почувствовав освобождение, обрушила на негрityнчку град ударов.

— На ринг, бабуся!.. На ринг!..

В этом тесном кольце людей, окруживших дерущихся, напротив меня стоит громадный старик. Он одет в белую рубашку и брюки, на голове белая соломенная шляпа. И одежда и шляпа поношенные. Старик стоит неподвижно. Скрестив на груди руки, ничего не выражающими глазами смотрит на «потеху» и молчит.

Вдруг его толкнули в спину. Он дернулся вперед, чуть не упал. Кто-то подделжал.

— Пустите деда! Деда пустите! Давай, дедушка! Давай!

— Дедусю на ринг! Дедусю на ринг!

Несколько человек пытаются вытолкнуть старика к дерущимся вет и беснуется. Старик с неподозреваемой в нем проворностью вырывается из рук людей и убегает. Толпа гогочет и свистит.

Черное, как уголь, лицо негрityяночки окрашивается кровью. Уже и лицо и глаза девушки потеряли человеческое выражение. Вдруг она раскрывает зажатый в руке кошелек — достала бритву... Старуха, нанося очередной удар, обрезалась о бритву — из худых пальцев брызнула кровь... Толпа ревет, теряет рассудок, беснуется...

Здесь все лишилось своей ценности. Людей больше нет... Нет мысли, нет разума... Есть только ненависть.

Я изменил свое решение: я не остаюсь в холле гостиницы. Правда, там много людей и можно было поразвлечься наблюдением за ними, но мне уже не до этого... Беру у портье ключ и на лифте возношусь на шестнадцатый этаж. Около своего номера я встречаю хозяйку по этажу. Негрityянка улыбается и говорит:

— Сэр, вы что-нибудь желаете?

— Нет, благодарю вас, — говорю я и со своей стороны пытаюсь ответить ей улыбкой на улыбку. Она кивает мне головой и уходит.

СМЕРТЬ КРАСОТЫ

В зале музыка окатила меня подобно морской волне.

Сажусь за свободный стол. На столе стоят глиняная пепельница, ваза с красными и белыми гвоздиками, лежит меню. В зале полутьма. Непонятно, пляж здесь или клуб?.. Посетителей здесь обслуживают почти голые девушки.

— Что желаете, сэр?

О, боже! Ко мне подходит длинноногая девушка с легким изящным станом. Останавливается так близко, что касается меня бедром.

— Виски, — говорю холодно.

Улыбаясь, она почтительно склоняет голову и, изящно покачивая бедрами, уходит.

За соседним столиком сидят юноши и девушки. И на их столе стоят глиняная пепельница, ваза с гвоздиками и лежит меню; в бутылках напитки, бокалы — наполовину осушенные и пустые.

За другим, чуть поодаль от меня, столом сидит парочка, женщина — спиной ко мне. Такие слабые и изящные плечи бывают только у отроковиц. У мужчины узкий лоб, заостренный подбородок и впалые щеки. Справа от меня сидят две женщины и мужчина. Зал постепенно наполнился. Но кое-где за столиками есть еще свободные места.

Те две женщины, что сидят с мужчиной, чем-то очень похожи друг на друга. У обеих тонкие черты лица и золотистые волосы. Они внимательно слушают мужчину. Мужчина немолод, средних лет, но выглядит молодо. Должно быть, он хороший и интересный собеседник — женщины слушают его, разинув рот.

В поле моего зрения еще одна парочка: совершенно дряхлый старик и молодая красивая девушка. Когда я проходил мимо их столика, услышал энергичную речь девушки. Старик молчал и безропотно слушал. А сейчас он свесил голову на грудь и спит. Девушка смотрит на сцену.

— Пожалуйста, сэр! — улыбаясь и строя глазки, говорит голеньякая официантка и ставит передо мной полный бокал виски. А мне совсем не хочется пить виски.

На столе у девушек и юношей поприбавилось бутылок, а щеки у них уже пылают, глаза блестят.

Сидящая за их столиком девушка с высоко взбитыми черными волосами до дна выпивает содержимое бокала, вытягивает шею и всматривается куда-то в глубину зала. Сидящий напротив нее юноша встает, обходит стол, останавливается за спиной девушки и руками прикрывает ей глаза. Сидящие за столом смеются, а я ничего смешного в этом не вижу.

Сидящий за соседним столиком дряхлый старец просыпается и пялит глаза.

На сцену выходит рыжий лилипут и, кривляясь, объявляет:

— Леди и джентльмены! Сейчас перед вами предстанет чикагская красавица. Она очарует вас своим искусством и усладит красотой. Ей двадцать лет. Она уже сменила двух мужей Ищет третьего. Может быть, среди присутствующих найдется такой самоотверженный счастливчик!

— Размер лифа? — спрашивают из зала, и раздается смех.

СОВЕТСКИЙ
КНИЖНИК

- Пятый номер!
- Нижнего белья?
- Сорок шестой!

Зал уже гудит. А рыжий человечиска выпячивает впалую грудь и от становится еще смешнее.

— Свадебная сделка — в конце вечера, а сейчас, леди и джентльмены, наслаждайтесь искусством чикагской красавицы!

Рыжий лилипут кланяется и походкой делового человека уходит из зала. Вдруг споткнулся, чуть не упал. Зал загоготал. Интересно знать, он правда споткнулся или это его — «актерский» номер? Человечиска исчез за кулисами. Зал наполнился звуками танцевальной музыки.

На сцену выходит статная девушка с красивым, но холодным и горестным лицом. Она не здороваются с залом и не улыбается. Минуту она глядит куда-то в глубину зала и вдруг срывается с места и начинает свой танец. Закрутилась, закрутилась, закрутилась! Тело ее с катастрофической быстротой теряет красоту, форму, объем... Уже не понять, где голова, где ноги, где руки... Становится страшно: если она потеряет равновесие, сорвется со сцены вниз...

Рампа то заливается светом, то окутывается полутьмой.

Девушка вскинула ногу, запрокинула голову. Сейчас она упадет на спину! Но она с кошачьим проворством перевернулась в воздухе и легко стала на ноги.

Свет на сцене померк, потом погас. Когда он вновь зажегся, девушка, легко покачивая телом в такт музыке, глядела на зрителя холодными насмешливыми глазами.

Потом она стала раздеваться. Занесла руки за спину, расстегнула змейку. Высвободила руки из одежды. Тонкое, белое, блестящее одеяние, сверкая на ярком свете подобно белому снегу, скользнуло ниже пояса.

Я до дна выпил виски.

Девушка стоит, не шелохнется. Вдруг живот ее начинает незаметное, вкрадчивое, медленное движение. Потом он начинает подрагивать. Внезапно в танец включаются бедра, они начинают ходить вширь и вкось... Взлетают вверх, падают вниз... Прыгают, мечутся в сумасшествии. Готовы огорваться от охваченного дрожью тела и выкатиться в зал...

Девушка нагнулась. Ладони ее медленно поползли вверх по ногам... плывут по коленям... лениво, медленно...

В зале раздается свист и непристойные выкрики. Руки переплыли бедра... трепещут на животе...

На сцене гаснет свет. Когда вновь зажигается, девушка стоит освещенная зеленым светом. Руки ее крадучись уходят за спину и расстегивают пуговицы бюстгальтера. Бюстгальтер летит за кулисы.

Зал свистит.

Лицо девушки хранит строгость, хотя теперь выражение его вызывающее и злое.

А голое тело содрогается и дрожит... По животу пробегает судорожная дрожь... Палящий луч света падает на груди...

— Аууу!.. Аууу!.. Аууу!.. — вопит и гудит зал.

Оглушительный свист и топот ног ножом полоснули по музыке.

Блондинка из-за соседнего столика вскакивает и начинает танцевать. В ее голубых больших глазах горит восторг.

А куда девался тот узколобый со впалыми щеками кавалер? Его девушка продолжает сидеть со мной спиной, и я не вижу ее лица. Аккуратная головка, узкие плечи и тонкие руки говорят о том, что она молода.

А вот и он — узколобый, он подошел к самой сцене. Голова его, похожая на черпак, качается, как колодезный журавль, да и сам он стоит, покачиваясь. К нему подбегает какой-то парень и сильно сажает на стул. Одно время он сидит, понурив голову. Вдруг вскочил и бросился к сцене. Я не заметил, ему подставили ногу или он споткнулся — но он растянулся на полу.

Раздался взрыв хохота.

К его девушке подсел какой-то верзила. Он, должно быть, рассказывает что-то очень смешное, так как девушка от души смеется.

Узколобого подняли. Он спокойно отряхивает брюки на коленях, словно ничего не произошло, и, шаркая ногами, идет туда, где сидят две девушки и мужчина. Увидя его, девушки захохотали. Узколобый, делая над собой усилие, старается держаться прямо и почтительно здоровается с девушками. Кавалер этих девушек дружески обнимает его и заботливо усаживает на стул.

Старик и девушка уже не сидят за своим столиком. Что они — ушли? За их столиком сидит негритянская парочка. Негр со вдавленным носом и разбитой бровью много пьет и дымит сигаретой в лицо своей девушке... На столике валяются зажигалка и смятая пачка сигарет.

Вновь смотрю на сцену.

Девушка вытягивается, тело напрягается до последнего предела... И внезапно в нем иссякает все... Исчезает нескончаемая энергия — теряется весомость, пропадает ценность, утрачивается значение. Заряженное громом, напряженное тело падает, опустошается.

— Аууу!.. Аууу!.. Аууу!.. Аууу!..

Музыка умолкает.

На девушке нет лица. Она кивает головой обезумевшему залу и, пошатываясь, уходит со сцены...

На сцене появляется лилипут и, скаля зубы, объявляет:

— Леди и джентльмены, чикагская красавица шлет вам благодарности и в следующий раз обещает доставить еще большее наслаждение... А сейчас пред вами предстанет девушка-негритянка. Кто не знаком с нею, познакомьтесь, а кто знаком — тем лучше для них!

Мне почему-то кажется, что у этого человечкишки гнилые зубы и изо рта отвратительно воняет...

Вновь гремит музыка.

Уверенно, с достоинством, гордо держа голову, выходит на сцену девушка-негритянка.

Она высоко подняла голову, по-орлиному глядит в зал, готовая ринуться вниз и все разнести и разметать. Она напряжена, как злая пантера.

Ловко сбросила большую накидку, швырнула за кулисы. На сильном свете блеснуло голое черное начинающее подрагивать тело. Задрожали плечи, задрожала грудь. Дрожь охватила бедра. Дрожжущие груди, коснувшись друг друга, вдруг дернулись, толкнулись, словно выпущенные из прачи.

Я посмотрел на негритянскую парочку. Девушка головой прижалась к груди юноши. Он наполнил бокал и выпил одним духом.

Шаркая туфлями по полу, к моему столику подходит узколобый человек с провалившимися щеками. Исподлобья смотрит на меня мутными глазами и с трудом бормочет:

— К чертям ее, сэр!.. К чертям!..

— Садитесь, пожалуйста, — говорю я, указывая на стул.

Минуту он стоит в нерешительности. Смотрит по сторонам, размахивает руками, что-то бормочет и, наконец, садится. Раскачивается на стуле. Боюсь, как бы он не свалился на пол. Пытается сказать что-то. Шарит глазами по столу. Наверное, ищет бутылку. Но я заказывал только одну рюмку виски и уже выпил.

— Виски! — бормочет узколобый.

Девушка-официантка улыбается и направляется за виски. Но я останавливаю ее и говорю, что виски не нужно. Узколобый хватает ее за талию и тискает. Девушка пытается выскользнуть из его объятий. Узколобый локтем сталкивает со стола рюмку. Она падает на пол и разлетается на мелкие куски.

Девушка вырвалась из рук узколобого и убежала.

Ко мне подходит какой-то мужичиба и просит извинения. Поднимает узколобого, подхватывает за талию и ведет к выходу. Узколобый упирается, пытается избавиться от своего «опекуна».

Девушки узколобого уже нет за столиком. Ушла? Пересела к другим?

Официантка несет мне полный стакан виски. Ей-богу, я не хочу виски. Но молчу. Официантка улыбается и ждет, может быть, я что-нибудь скажу. Но мне нечего сказать ей, и она, улыбаясь, уходит.

Молодежь, сидевшая за соседним столиком, встала. За него сели другие.

На сцене гаснет свет. И там, в слабом сиреновом свете, возникает девушка. Она выдвигает какие-то па. Зал гремит, лает, свистит, беснуется...

— Аууу!.. Аууу!.. Аууу!.. Аууу!.. Аууу!..

В зале смятение, переполох, рев... Кто-то побежал к сцене.

К моему столику подходят женщина и мужчина. Мужчина, наклонившись ко мне, тихо спрашивает:

— Можно сесть?

— Пожалуйста!

Мужчина в знак благодарности кивает головой. Садятся. Женщина улыбается мне, и я вынужден ответить ей улыбкой. Мужчина подзывает официантку. Он человек средних лет, она — намного моложе его. У него спокойное, серьезное выражение лица. Официантка приносит им сладости и бутылку какого-то напитка.

У женщины длинные красивые пальцы, на безымянном — дорогой бриллиантовый перстень. И у мужчины перстень с винным камнем.

Женщина берет печенье и откусывает. На тарелку сыплются крошки.

Опять смотрю на сцену. Черная чародейка, упав навзничь, распласталась на сцене. Потом, упершись ногами в пол, выгнулась. Нижняя часть туловища стала описывать полукружья, сперва медленно, потом быстрее, быстрее.

Моим соседям по столу опять подали печенье. Они едят и смотрят на сцену.

— Аууу!.. Аууу!.. Аууу!.. Аууу!.. Аууу!.. — ревет, гремит и буйствует зал.

Мне становится дурно, начинает кружиться голова. Тошнит. Кладу на стол деньги и встаю. Мои соседи по столу кивают мне головой. Кажется, и я киваю. На сцене, должно быть, опять что-то происходит. Но я уже не смотрю туда...

— О кэй! — крикнула вслед мне обслуживавшая меня официантка и улынулась.

Все тело у меня ноет, как после побоев.

— Аууу!... Аууу!.. Аууу!.. Аууу!.. — катится по залу и туманит сознание.

КЛАДБИЩЕ АВТОМОБИЛЕЙ

Когда мы вышли из здания Нью-Йоркского аэропорта имени Кеннеди и сели в такси, справа, на большой площади, увидели автомобили, выстроенные в длинные плотные ряды. Я никогда не видел сразу столько автомобилей. Потом во всех больших городах Америки на огромных площадях я видел собранное воедино несметное количество автомобилей, и глаз мой привык к этому. В быту американца автомобиль занимает важное место, американец не может представить своей жизни без автомобиля. Мужчины и женщины, старики и юноши, дети и подростки говорят об автомобиле как о своем давнем близком, дорогом знакомом. Автомобили не просто заполняют улицы и проспекты, дороги и площади Америки — автомобиль придает какую-то своеобразную гармонию напряженной и взволнованной жизни Америки.

Автомобиль стоит везде — на улице, на обочине дороги, на площади — стоит и ждет... Ждет терпеливо, безропотно, хотя в теле его таится стремительная сила, творящая бег, а стоять для него равносильно смерти. Движение — жизнь. Но он стоит терпеливо и ждет. И мне кажется, что это большое терпение и ожидание все же оправдано: оно — временно. Ибо придет человек, придет и своим прикосновением оживит его — холодного и бездыханного — двинет с места, даст крылья...

Тяжелое, гнетущее впечатление производит кладбище автомобилей. Впервые я видел его в Нью-Йорке, в пригороде, на набережной прекрасного Гудзона.

Кладбище автомобилей — ужасное зрелище. Люди за своим кладбищем следят, ухаживают... На кладбище для людей не видно пройденного усопшими пути, не видно следов прошлых битв и боев. Там не увидишь всей картины былой жизни, ее грязи и красоты. Там не увидишь того, что было при жизни; кающиеся спокойствие и гармония кладбища туманом таинственности закрывают пройденный путь — теперь уже прошедшую жизнь человека. Совершенно иное дело кладбище автомобилей. Глядишь на эти раздавленные, разбитые, уже бесформенные, изуродованные тела, и кладбище автомобилей представляется полем битвы; только на этом поле битвы не слышны стоны, никто не вызывает о помощи, никто не призывает родных и друзей...

Никто не знает, чьи это машины, но когда-то каждая из них принадлежала кому-то. Каждая имела свой номер — свое имя, имела хозяйина...

У машины была своя юность, зрелость, старость, и вот — смерть, то есть все то, что сопутствует жизни человека. Машина была красивой, изящной, сильной; она приносила человеку удовольствие, радость, пользу... Когда сидишь в машине, все вокруг кажется таким же легким, как и сам этот легко мчащийся аппарат, созданный рукой человека. Автомобиль приносит успокоение, укладу. Он влечет в дорогу, он сулит экстаз, он таит в себе упоение бегом.

И все-таки я очень часто думаю, что путешествие на автомобиле, даже на показательной автостраде, это то же самое, что хождение по деревенскому висящему мосту. Мгновенное забытие водителя, поворот руля чуть больше необходимого — и поминай как звали. Нет на земле места, где бы смерть не подкарауливала жизнь. Вопрос жизни и смерти неотъемлем от человека до конца пути.

А все же сколько здесь автомобилей? Сто? Двести? Триста? Может быть, и тысяча. В этом несчетном скопище автомобилей есть и такие, что хоть садись и езжай. Но раз уж автомобиль выбросили, избавились, отделались от него, значит, он не стоит тут, чтобы с ним возилась... Как печально бывает, когда в жизни человека наступает момент его ненужности. Таких несчастных, ненужных в Америке встретишь на каждом углу, а Бауэр — их пристанище. Чем лучше судьба ненужных выброшенных людей судьбы ненужных выброшенных автомобилей?.. Эти когда-то прекрасные, двигающиеся дома приехавшие сюда и навсегда остановившиеся здесь, а может быть, их приволокли сюда и бросили. Я смотрю на колеса, остановившиеся навсегда, и думаю: «Неужели всякому движению осуждено прекратиться?»..

На расстоянии двух десятков метров от кладбища автомобилей по отливной магистрали мчатся автомобили. Люди, сидящие в тех автомобилях, даже не глянут в сторону кладбища. Кладбище портит пейзаж, в нем нет ничего интересного...

И пусть мчатся эти мчащиеся машины, пока в них бьется могучая сила... Вдвигающемся теле значительно больше содержания. И становится жалко все то, что навеки пригвождено к месту, — деревья, горы, камни, кусты...

Пусть, пусть будут кладбища автомобилей, кладбища для миллионов автомобилей, но пусть не будет ни одного кладбища, уготовленного человеком для человека. Земля и так изнурена кладбищами и слишком обильно удобрена человеческими костями.

Кто из нас в детстве не гонял по мостовой железного обруча от бочки! Босоногие, мы без усталости бегали и гремели железными обручами по пыльным дорогам и не чувствовали утомления. И теперь я думаю о том, каким легким, чистым, невинным был этот детский бег!

Я часто наблюдал, как сразу после дождя скрипящая на проселке арба оставляет за собой узкий глубокий колесный след, который обычно заполняется желтоватой водой... Помню, быки моего соседа Иванэ не сдержали на спуске арбы и под ее тяжелым натиском побежали. Колеса с грохотом натили груженную дровами арбу. Иванэ с криком бросился догонять ее. Ухватился руками за последнюю чалки¹, но она сломалась, и Иванэ упал. Колесо переехало ему ногу. И в моей памяти остался колченогий Иванэ, сумрачный Иванэ, которого деревня прозвала безногим. Потом я часто смотрел на колеса поезда. Когда поезд стоит, колеса не производят никакого впечатления и на них не обращаешь внимания. Но тронется поезд, двинутся колеса, вначале медленно, потом быстрее, быстрее, завертятся, закрутятся и вскоре утеряют форму — и там, где были колеса, возникает какаля-то единая безликая масса, которая монотонно стучит на рельсах и катит поезд вперед.

Не знаю почему, но обычно по ночам я с особенным удовольствием слушаю нескончаемый гул поезда. Может быть, потому, что в этом гуле есть нечто вещающее о вечном движении, непрерывном ритме жизни. И когда стихнет этот гул, остается ощущение вечной устремленности, бесконечности. А наблюдали ли вы за колесами самолета? Самолет стоит на сравнительно небольших для своего тела колесах. У взмывшего в небо самолета эти колеса висят еще некоторое время, как у взлетевшего журавля — ноги. Когда самолет идет на посадку, меня всегда тревожит мысль: а что если не выдвинутся колеса? Во время поездки на автомобиле часто думаю: а если отлетят колеса?

Я открываю дверцу автомобиля и заглядываю в салон. Это — цвета желтка куриного яйца красивый семиместный автомобиль. Руль на месте — и выглядит так живо, что прямо садишься и веди машину. А педали значительно потерялись в эксплуатации. Там, где должны быть радиоприемник и часы, — зияет пустота. Стрелка, показывающая скорость, отклонилась влево и безжизненно замерла. Спидометр показывает сто семьдесят шесть тысяч миль. Не снят и высотомер...

Нажимаю на никелированную кнопку, открывающую малый багажник. В нем лежит тряпка, коробка из-под сигарет и маленькое поломанное зеркальце. В коробке из-под сигарет остались две сигаретки. беру сигарету, разминаю пальцами. Табак затвердел, бумага пожелтела. В разбитом зеркале вижу свое потное, пасмурное лицо...

Сажусь за руль. Кто же он был, сидевший за этим рулем? Он был человек. Но какое у него было лицо, какая душа, о чем были его думы? Чем он занимался, чем жил, чему радовался? Что он сеял — добро, зло, верность, предательство?

Бог его знает, кем он был! Выброшенный на эту свалку автомобиль не сохранил ничего для восстановления образа его прежнего владельца, ничего не говорит о нем и стрелка спидометра, за которой он внимательно следил во время езды, ничего не говорит и коробка из-под сигарет, и это разбитое зеркало, в которое он смотрелся...

Молчат и ручки на дверцах автомобиля, которые каждый день приходили в соприкосновение со своим владельцем. Молчит кресло. Только на спинке кресла осталось большое пятно от пота — потела спина владельца... Кроме этого, ни о чем не поведал автомобиль. А о чем бы он мог поведать? Ну кем, в конце концов, мог быть владелец автомобиля? Одним из многих обыкновенных людей, каких на свете миллионы.

И после того, как этот автомобиль, который долгое время служил ему верой и правдой, изнасился, владелец привел его сюда, за город, на набережную Гудзона, на большую площадь, и оставил здесь навсегда; бросил и ушел своей доро-

¹ Деталь грузинской деревянной арбы.

гой, и никогда уже не навестит его. Неужели он ничего не запомнил из того, что соединяло его с этим скользким домом, изящно слитым воедино из железа, резины, сукна и стекла?

На руле слева от основания паук свил паутину. Часть паутины, на которую падают лучи солнца, блестит и сверкает. Запутавшаяся в паутине муха давно уже высохла. А паука не видать. Может быть, и он, такой же вот высохший, валяется где-нибудь, запутавшись в паутине борьбы за жизнь. Теперь только паутина и та муха говорят о том, что он, паук, был — был и оставил свой след.

На кресло вполз большой черный жук. Я посмотрел на него и решил: «Поползет в мою сторону». И черный жук, который остановился на минуту и, подняв крылья, казалось, пригостился к взлету, правда поюзал ко мне. Я открыл дверцу и вышел из автомобиля. Шум остановил жука. Он покрутил в воздухе длинными усами и вновь пополз туда, где минутой раньше сидел я. Я толкнул дверцу автомобиля, и она с треском захлопнулась.

Я прошел по кладбищу. Валяются автомобили — перевернутые, перекинутые, вознес к небу оголенные колеса; валяются, навалившись друг на друга, влившись друг в друга, перебитые, переломанные. Только окраска не потеряла своего великолепия: молочный, голубиный, голубой, черный, зеленый, оранжевый, зеленоватый, кизилловый, пепельный, темно-красный — все эти цвета создают один сверкающий на солнце большой бесформенный ковер. Теперь уже их фары никогда больше не осветят дороги; колеса, которые, кажется, только вчера были установлены на машине, никогда больше не будут крутиться и чувствовать тепла асфальта; в тот кизилового цвета автомобиль никогда больше не сядет человек — и что толку теперь во всем великолепии этих красок?..

У лимузина кизилового цвета оторвана дверца. На порванном сидении валяется старая мягкая мужская кепка. На полу — обрывки газеты и окурки. А чуть поодаль от меня, в поле виднеется наполовину ушедшая в землю пустая консервная банка...

Пролетел самолет — с востока на запад. Его большая черная тень коршунном пала на кладбище автомобилей...

Выхожу на автомагистраль. Перед двухэтажным красивым автопрофилактором стоят несколько автомобилей. Голубой «Дуглас» набирает бензин. Во дворе стоят три или четыре человека, в открытом окне второго этажа сидит девушка. Там, на втором этаже, — магазин, где купишь все, начиная от жевательной резинки и дешевых сувениров и кончая черной икрой, которая стоит бешеных денег. Я не поднялся в магазин. Мои мысли продолжают пребывать на кладбище автомобилей. Я смотрю туда. Там в поле под лучами солнца дремлет кладбище автомобилей.

ТРУП

Джон Эли, сидя на стуле, поежился и вздрогнул. Поднял голову, тряхнул головой, посмотрел на меня упрямым взглядом мутных глаз и проговорил:

— В раю к тебе будут благосклонны ангелы... Слава им, слава... В том мире летают ангелы — покровители людей... Фью, фью... улетел!.. Они ничего не ищут, ничего не хотят... ничего не боятся... Они будут за тобой ухаживать... Они... Фью... Улетел! Фью!

Он слегка откинул назад голову, глазами уставился куда-то вдаль и продолжал бормотать:

— Небо, небеса, небесная сила, небесный, небесный дар, небесная власть, всевышний, сверхчеловек, возносящийся, сверхъестественный, вдохновение... — не перевода дыхания стал сыпать словами. Но вдруг умолк, утих, казалось, прислушался к эху и, должно быть, оставшись доволен их далеким отзвуком, широко улыбнулся. И в это время в глазах его возник свет разума и добра, озарив лицо человеческим милосердием. Он поднес ко рту полную рюмку водки, отпил глоток и, словно дегустируя, задержал во рту этот огненный напиток. Когда он проглотил водку, то выходящий на его худой высохшей шее кадык прыгнул вверх.

Грязный дешевый бар, где не играет музыка, не поют, не танцуют, был пропитан табачным дымом, едким запахом спиртных напитков и плохой еды.

Своего сотрапезника я встретил здесь. Когда я подошел к столику, за которым сидел он, и попросил разрешения сесть, он не ответил ни «да» ни «нет», он держал себя так, словно не слышал меня. На столе перед ним стояла наполовину опорожненная низкая четырехгранная бутылка водки. Эли пил не спеша, небольшими глотками.

Он опять перевел на меня глаза и уставился неподвижным взглядом. Меня даже страх пробрал, так он дерзко, нагло, зло и упорно смотрел мне в лицо.

— Мистер, какой ветер занес вас сюда? — вдруг совершенно спокойным и дружеским голосом спросил он меня.

— Но почему вы думаете, что в этом баре я сегодня впервые? — ответил я на вопрос вопросом.

— Я двенадцать лет хожу сюда, двенадцать лет, два месяца, три недели и три дня. Не думайте, что я сумасшедший, я все помню, я все знаю! Знаю!.. Знаю!.. — прокричал он и кулаком ударил по столу. Пустая рюмка подпрыгнула. Водка толкнулась в стенки бутылки.

— Вон тот — Джо. Я его встретил здесь. Тот вот — Купер; и его я здесь встретил. И он состарился в этом баре. А вон тот — Конрад, бродяга Конрад, — он кивнул головой в сторону здорового мужчины, сидевшего спиной ко мне. — А та подстриженная девочка — Рут, вот та, гляди! В прошлом году я нашел ее валяющейся на улице. А в один прекрасный день она вошла сюда и осталась с нами...

Рут сидела у стойки на высоком круглом табурете, обхватив голову руками и локтями упершись в стойку. Она спала. Сидевший рядом с Рут лохматый юноша, энергично размахивая руками, что-то говорил стоявшему за стойкой негру средних лет, который слушал юношу краем уха и занимался своим делом. Негр был высокий, плотный гигант шириной со стог сена и — это очень странно — чем-то походил на те сосиски, которые с поразительной неловкостью и хлопотливостью клал на тарелки клиентам.

— А этот молокосос, — продолжал Эли, — который прижимается к Рут, вот уже третью неделю каждый день ходит в бар. Погряз парень, погряз и не может вылезти!.. Я все знаю!.. Все!.. — внезапно добавил он, и лицо у него изменилось, и я со страхом подумал, что он снова начнет кричать и кулаками бить по столу. Но он опять неожиданно для меня заговорил тихо: — Если хочешь, я буду занимать для тебя место.

Я спокойно и ласково спросил:

— Чем я заслужил это, мистер?

Эли посмотрел мне в глаза и улыбнулся, и лицо его вновь обрело разумность и человечность.

— Ты — смиренный, кроткий. Слушаешь и не перебиваешь, — сказал он и задумался на минуту, словно что-то хотел вспомнить, потом добавил:

— А ну-ка послушай. Вор, возник, возвысился, взбунт, вздыбился, вознесся, Вавилон, Валенсия, вал... — затараторил Эли.

Погодя немного, я спросил:

— А тебя каким ветром занесло сюда двенадцать лет тому назад, мистер Эли?

— Меня? — переспросил он задумчиво и как-то сразу взгрустнул. Довольно долго пробыв в этом состоянии, он спокойно сказал: — Шел и вернулся сюда... Ты знаешь, кто я? — вдруг вспыхнул Эли. — Не знаешь. А здесь все знают. Все знают!.. Когда генерала Эйзенхауэра избрали президентом, я был полковником... Полковник Джон Ричард Эли... Полковник... — Эли подмигнул мне и щелкнул зубами.

— Вы служили в армии?

— У меня была собственная ферма... Собственная ферма... Знаешь, что значит собственная ферма... собственные овцы... собственные свиньи... собственные коровы... Я знаю... Я все знаю...

— Очень приятно.

— У тебя сколько тысяч в год? — поинтересовался Эли моими доходами.

— Ни одного цента.

— Как у меня! — Эли обрадовался — Когда я был полковником, у меня было... было... было...

— Я верю вам, мистер Эли.

Потом я спросил его:

— Ту ферму вы оставили жене и детям?

— Я тебе доверю одну тайну, — оживился Эли. Он животом навалился на стол и склонился ко мне. — Сегодня с неба спустятся черти... Спустятся. — Эли заговорил громче. — Спустятся... Ну так вот, спустятся и накинутся на мою жену, — теперь уже смакуя, сказал Эли, щура глаза.

Мне показалось, что Эли погрузился в какой-то туман успокоения и наслаждения. Но мое предположение не оправдалось. Неожиданно Эли загрохотал во все горло.

— Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха!..

— Не повезло вашей жене, — сказал я.

Эли искоса поглядел на меня удивленными глазами — мол, что за чепуху я говорю, и захохотал еще громче и безрассуднее.

Я смотрел на него и не знал, что делать.

На губах у Эли выступила пена. Меня чуть не вытошнило. Эли рукавом пиджака вытер пену и сказал:

— Вы, сэр, шутник, большой шутник. Сколько времени уже прошло, как я выдал свою жену замуж... выдал замуж... Здесь все знают это... все знают все... Ха-а-ха-ха! Ха-а-а-ха-ха!..

— Но ведь на ферме кто-нибудь остался?

— Послушай, — шепотом заговорил Эли, словно вверял мне великую тайну. — Жену и кобылу я в один год выдал замуж... выдал замуж... Боже, помоги им... Ха-а-а-ха! Ха-а-а-аха! Нас защитят ангелы... Нас будут охранять ангелы.. Мои дорогие ангелы, охраняющие человека... дорогие... дорогие... дорогие...

Эли умолк. Лицо его утеряло всякое выражение. После он, должно быть, вспомнил о чем-то грустном, лицо его исказилось, и седой человек захныкал, как ребенок:

— Моя жена Элен... Моя Элен... Моя ферма... Моя кровью добытая ферма... моя... моя... моя... Я убью Форсайта, убью... Как свинье перережу горло... я все знаю... знаю... знаю... знаю... — заревел Эли и выкатил глаза.

— Эли! — крикнул из-за стойки негр-гигант и приложил палец к губам, молчи, мол.

Эли покорился и умолк.

Когда Эли стал кричать, Рут медленно подняла голову, покоившуюся на руках, и повернулась к нам. Лицо у нее было красивое, но ничего не выражающее, поблекшее, как у всех малокровных людей и заядлых наркоманов.

Шум протрезвил Рут, вывел из окутавшего ее тумана. Но она привыкла к шуму, он для нее ничего не значил и сейчас не произвел никакого впечатления. Когда Рут повернулась в нашу сторону, лохматый юноша, которого Эли назвал молокососом, обхватил ее за талию. Но Рут даже не шевельнулась, словно ничего не чувствовала, ничего не ощущала. Она снова уткнулась в стойку и, зажав голову руками, утонула в тяжелом тумане небития.

— Я все знаю, — сказал Эли—Все знаю... Знаю... Форсайт думает, что обставил меня, обвел вокруг пальца, — улыбнулся он и прищурился. — Жена моя не принесла мне никакой пользы.. не принесла... Так что же, Форсайт извлечет из нее пользу?.. Бездетная женщина, бесплодная кобыла и суходол одно и то же... Черти испепелили бесплодное чрево... испепелили... испепелили... В суходоле гнезятся пресмыкающиеся... гнезятся... гнезятся... Ого-го-го-о! Ого-го-го-го-о! Ого-го-го-о! — загоготал Эли. — Форсайта укусит змея... земля... зонг... зонд... — начал путаться Эли, вознося глаза к небу.

— У тебя есть жена? — спросил он меня потом.

— Есть.

— И дети?

— Сын и дочь.

— Ранчо есть?

— Нет.

— Послушай меня, я все знаю... Все знаю... знаю... знаю... знаю... Прогони жену, пока она сама не сбежала от тебя... пока не сбежала от тебя... сбежала... Ранчо не покупай, изведет душу... изведет душу... изведет... Послушай меня, я все знаю, все знаю... все... все.. Оглашенный Форсайт думает, что облапошил меня... облапошил... облапошил... облапошил... Ого-го-оо-о! Ого-го-оо-о!

— А где ваши дети?

— Дети... дети... дети?... Ага! Бог не удостоил меня детьми... не удостоил... Слава ему, слава... Бог — всевышний, всевидящий, вездесущий, всемогущий, величайший... Он все знает... все знает... все... все... Я все знаю... все знаю... знаю... знаю... Дети... дети... дети...

Вдруг Эли прислушался и радостно воскликнул:

— Ржание коней... ржание... ржание... хрюканье свиней... хрюканье... хрюканье... Мычание коров... мычание... Ты не слышишь?

Я промолчал.

— Ааа, не слышишь? — повторил он и стал вслушиваться еще настроженнее.

— Эли, Форсайт твой друг? — спросил я.

— Был! — крикнул он.

— Между тобой и Форсайтом была добрая дружба, да?

— Форсайт часто ходил к нам.

— Элен готовила сэндвичи...

— Готовила... готовила... готовила...

— Летом дела фермы стали плохи, и Форсайт предложил свои услуги...

— Предложил... предложил... предложил...

Эли выпучил глаза и крикнул:

— Убью!.. Как свинье перережу глотку!.. Выпотрошу... выпотрошу... выпотрошу... Привяжу к конскому хвосту... привяжу... привяжу...

Я решил встать и уйти.

Из-за стойки вышел негр-гигант и быстрыми шагами направился к нам. Эли шел за спину Эли и схватил его за шиворот.

— Что ты реवेशь здесь, поганый! — крикнул негр и с силой встряхнул Эли.

Эли мгновенно съехался, скрючился, утих.

Я взял с соседнего столика чистый стакан, наполнил пивом и подал негру.

— Выпейте, сэр!

Негр отпустил Эли, повернулся ко мне; он растерялся, не понял, что я ему сказал.

— Пожалуйста! — повторил я.

Большими черными грубыми руками оправил он на себе фартук; я думал, он возьмет у меня стакан, но он только улыбнулся какой-то нелепой улыбкой и в знак отказа мотнул головой.

— О, нет, сэр! Благодарю, я не пью.

— Только один стакан, сэр!

— Простите, простите... не могу, — сказал он твердо, извиняясь живнутой головой и быстро отошел от нашего столика.

Как цыпленок, нахохлившийся Эли снова распрямился в плечах, напыжился. Налил себе водки и на сей раз выпил одним духом.

— Мистер Эли!

— Полковник Эли! — перебил он меня. — Я полковник, я полковник, я полковник... Я стал полковником, когда генерала Эйзенхаура избрали президентом.

— Вы служили в армии?

— В армии... в армии... в армии... Да, когда-то служил в армии. Служил... служил... Там хорошо платят... хорошо платят... Трахтатата, трахтатата! Стреляй-убивай! Стреляй-убивай! Трахтатата! Ты знаешь, у меня ферма была... ферма была... ферма была... ферма...

— Знаю. У тебя была жена... были лошади... были свиньи... были коровы...

— Да... да... да... — с удовольствием поддакивал Эли и скалил зубы.

— Ты пахал... сеял... собирал урожай...

— Да... да... да...

— На субботу и воскресенье вы с Элен уезжали в город... Обедали в ресторане... Смотрели новые кинокартины...

Эли потер руку об руку и зачмокал: — Трахтатата... трахтата... трахтата-тах...

— Эли, ты был на войне?

— На войне... на войне... на войне... Я — полковник. Полковник я... Трахтата... Трахтата... трахтата... Чууу! — вдруг крикнул он и стал прислушиваться. — Нам поют ангелы-покровители... поют... поют... На том свете нами будут руководить ангелы... Я все знаю... все знаю... все... все... все... Вледный, бледнолицая, бледнолиций... белый... бель... боль... Трахтата... Трахтата... Трахтата... Моя Элен... Мои лошади... Мои свиньи... мои коровы...

На губах у Эли опять появилась пена, и глаза налились кровью. Он с силой ударил кулаком по столу, пустая рюмка подпрыгнула и свалилась набок.

— Убыю! Как свинье перережу горло! Убыю!. Задушю!.. Привяжу к конскому хвосту!.. Я — полковник! Я все знаю!.. Знаю!.. Знаю!.. Моя Элен... Моя ферма!.. Мои лошади!.. Мои свиньи!.. Убыю!.. Убыю!.. Ауууу!.. Ауууу!.. Аууу!.. Аууу! — ревел Эли и дрожал всем телом.

Негр-гигант вновь выскочил из-за стойки, схватил Эли за шиворот и крикнул:

— Чего реवेशь? Заткнись, свинья ты этакая!..

Кто-то помог негру, и они подтащили упавшего Эли к дверям и вытолкали на улицу.

Я видел сквозь стеклянную незанавешенную стену, как Эли споткнулся и упал. Потом, с трудом встав, тяжело шаркая ногами, пошел, согнутый в спине, и ни разу не оглянулся на бар.

Я налил в бокал пива. Пена поднялась до самых краев. «Сейчас перебежит», — подумал я и перестал наливать. Пена медленно осела. Я все-таки дунул, чтобы рассеять оставшуюся пену, и стал жадно пить.

Эх, оказаться бы сейчас у себя дома, подумал я. В носу щекотало от вонючих запахов дешевых блюд. Низкий черный потолок давил и душил...

Продолжение следует

Сдано в производство 15 января 1973 г. Подписано к печати 26 февраля 1973 г.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆.

Заказ 135

Тираж 3650

УЭ 00001

Цена 40 коп.

И Н Д Е К С
76117

Дорогие читатели!

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА ЖУРНАЛ

*„Литературная
Грузия“!*

СТАТЬ НАШИМ ПОДПИСЧИКОМ ВЫ
МОЖЕТЕ С ЛЮБОГО МЕСЯЦА, ОБРА-
ТИВШИСЬ В БЛИЖАЙШЕЕ ОТДЕЛЕНИЕ
«СОЮЗПЕЧАТИ».

ПОМНИТЕ, ЧТО В РОЗНИЧНУЮ ПРО-
ДАЖУ «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» ПО-
СТУПАЕТ В ОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕ-
СТВЕ!